

И.А. Стернин, М.Я.Розенфельд

Слово и образ

Научное издание

**Воронеж
2008**

Монография посвящена исследованию соотношения слова и образа в рамках семантического и когнитивного подходов к языку.

Для специалистов в области семиотики, семантики, когнитивной лингвистики.

Научный редактор – проф. И.А.Стернин

© И.А.Стернин, М.Я Розенфельд

Работа выполнена при поддержке грантов Воронежского университета НИЧ 8018, НИЧ 5007.

И.А.Стернин, М.Я.Розенфельд. Слово и образ. Монография / Под ред. И.А.Стернина. – Воронеж: «Истоки», 2008. – 243 с. Тираж 200 экз.

Введение

Магистральной тенденцией развития современной науки, которая определилась уже в XX веке, но полноценное развитие получает в веке нынешнем, является тенденция к интеграции наук и формированию интеллектуальных задач такого масштаба, который требует объединения усилий ученых разных направлений, обновления методов исследования, расширения применения экспериментальных методик, комплексного использования методов различных наук в исследовании поставленной задачи.

В области лингвистики данное явление нашло яркое воплощение в развитии когнитивных исследований, где лингвистика заняла крайне важное и необходимое место в современных исследованиях: исследовании проблем сознания, интеллекта, картины мира.

«Не вызывает никакого сомнения, что, изучая язык, мы можем восстановить лишь то, каким видит мир человек в «зеркале языка». Это не означает, однако, что, сделав этот первый шаг, мы должны остановиться на достигнутом и не пытаться соотнести далее полученные нами данные с чем-то, находящимся за пределами наблюдаемого и связанным с более глубокими пластами научного познания» (Кубрякова 2004, с.17).

Современная лингвистика активно обновляет свою проблематику и становится одним из важнейших и эффективных способов, инструментов изучения человеческого сознания.

В связи с этим второе дыхание получает психолингвистика, семасиология, знаковая теория языка, ономасиологические исследования, контрастивные исследования семантики, коммуникативная лингвистика.

Классическая *описательная* лингвистика, которая описывала единицы языка и их взаимодействие, уступает место *объяснительной* лингвистике, которая объясняет функционирование языка как средства овнешнения мышления и доступа к сознанию человека, рассматривая речевую деятельность как специфический когнитивный процесс.

Это обусловило быстрое развитие когнитивной лингвистики, которая, с одной стороны, активно участвует в исследовании сознания, поставляя когнитивной науке ценные знания и выводы о мышлении человека, а с другой стороны, быстро сама достигла значительных теоретических успехов, обновив проблематику и методы лингвистических исследований и выявив много новых черт и сторон языка как семиотической системы и функционирующего в коммуникации феномена.

Е.С.Кубрякова так характеризует состояние современной лингвистики:

«Лингвистам обязательно надо ответить на вопрос, четко сформулированный Доминик Сандра: What linguists can and can't tell about the human mind – что лингвисты могут и чего не могут сказать о человеческом разуме? (Sandra 1998:361 и сл.). Мы бы только расширили

этот вопрос, добавив к нему «о человеческом разуме и о том, каким представляется ему окружающий его мир» (Кубрякова 2004, с.13).

Выражая общую установку современных когнитологов, Ж.Фоконье отмечает: «Лингвистика становится чем-то БОльшим, чем самодостаточная ограниченная (self-contained) область изучения языка; она вносит свой вклад в открытие и объяснение общих аспектов человеческого познания» (Fauconnier 1999, с.124; цит. по Кубрякова 2004, с.13).

В настоящее время значительно расширяются задачи, стоящие перед лингвистами.

Дж.Миллер и Ф.Джонсон-Лерд (Miller, Jonson-Laired 1976) в психологической теории лексикона обосновали комплекс знаний, который связан со словом и который подлежит изучению. В него входят:

- «сведения о том, чем может являться и чем не может являться объект, обозначенный данным словом; с какими другими объектами, явлениями, процессами он сам связан;
- сведения о назначении и функциях объекта и той схеме ситуаций, в которую он может быть вовлечен; сведения о возможностях объекта;
- сведения о том, с какими другими словами в предложении может встречаться слово, передающее известное значение, и какие ограничения наложены на его сочетаемость и т.п.

Главный вывод, к которому приходят когнитологи в связи с обсуждением рассматриваемой проблемы, заключается в том, что «значение (слова) может вести вас ко всему тому, что вы знаете о величине, обозначенной данным словом» (там же, с.702). То есть служить доступом к энциклопедической информации в долговременной памяти человека» (Кубрякова 2004, с.388).

Е.С.Кубрякова считает, что важнейшим постулатом современной лингвистики становится положение о том, что через слово можно выйти «к разнообразным структурам знаний, причем как к вербализованным, так и невербализованным» (Кубрякова 2004, с.389).

Переход от слова к знанию, которое хранится в сознании носителя языка, исследование соотношения семантики и когниции, языка и сознания — основная задача современной когнитивной лингвистики. Она, подчеркнем, развивается в русле *объяснительной лингвистики* — комплексного научного направления, ставящего задачу объяснить механизмы функционирования языка в социуме и сознании его носителя. Идеи такого интегрального подхода к языку были выдвинуты еще в 70-ых годах XX века, а ведут свое начало от возникновения психолингвистики в середине прошлого века.

Первым серьезным шагом в области объяснительной лингвистики в России стали, по нашему мнению, исследования А.А.Залевской, которая в 70-ых гг. прошлого века выдвинула теорию словесного доступа к единой информационной базе человека. Примерно в это же время (1979-85 гг. — Стернин 1979, Стернин 1985, Стернин 1987), нами была предложена интегральная концепция значения слова, принцип

нелимитируемости лексического значения и понятие энциклопедического значения слова, которое в силу своего интегрального характера должно изучаться комплексом методов, включая экспериментальные.

Активное развитие когнитивных исследований в конце прошлого – начале нынешнего века как за рубежом, так и в России (где основополагающими стали исследования Е.С.Кубряковой), привело к формированию когнитивной лингвистики, которая заняла ведущее место в когнитивной науке в целом.

Когнитивные исследования – магистральное направление современной науки, которое изначально предполагает изучение сознания комплексом методов, разработанных разными науками. А.А.Залевская совершенно справедливо отмечает: «фактически за последние годы в мировой науке все более уверенно заявляет о себе интегративный подход к анализу языковых явлений, трактующий язык как одну из составляющих сложного ансамбля психических процессов со всеми вытекающими отсюда последствиями. Такой подход не может более ограничиваться рамками «чистой» лингвистики или философии языка и требует опоры на результаты исследований в различных областях науки о человеке» (Залевская 2005, с.255).

Важнейшей проблемой современной когнитивной и шире – объяснительной лингвистики является проблема соотношения образно-чувственного и рационального в сознании. Многочисленные исследования в этой области, выполненные в рамках многих наук, нуждаются в интеграции, согласовании и теоретическом осмыслении, которое позволило бы увязать имеющиеся нейролингвистические, философские, психолингвистические, психологические, дидактические и собственно лингвистические представления о соотношении образа и слова в сознании человека.

Следует согласиться с А.Н.Портновым, что «...сам факт моделирования, отображения языком чувственных впечатлений требует, в свою очередь, обоснования: почему и как это возможно и как все это соотносится с работой целостного механизма сознания» (Портнов 1994, с. 296).

Проблема *слово и образ* в лингвистике связана с решением широкого круга проблем, имеющих принципиальное теоретическое значение не только для лингвистической науки, но и для когнитивных исследований, психологии, лингводидактики и многих смежных наук. Она связана с многочисленными частными вопросами разных наук, ждущих своего решения. Назовем лишь некоторые.

Как соотносятся образ и рациональные компоненты в семантике слова и концепте как единице мышления?

Почему лексикографами так трудно даются дефиниции конкретных слов?

Почему так эффективна наглядность в обучении языку и вообще в педагогическом процессе?

Почему метафора является эффективным средством познания и объяснения явлений?

Как создается экспрессивность художественного и публицистического текста?

Почему современные поликодовые сообщения СМИ столь эффективны как средство воздействия на аудиторию?

Каковы механизмы мышления, как соотносятся вербальное и невербальное мышление?

Как соотносятся бытийный и рефлексивный уровни мышления?

Что такое универсальный предметный код и как он используется в качестве инструмента мышления?

Как соотносятся и формируются образное и абстрактное мышление у человека?

Что такое концепт как функциональная единица мышления и как он участвует в процессах приобретения, хранения и переработки информации в мозге человека и мн.др.

Этим проблемам и посвящена данная книга.

Мы предлагаем один из возможных подходов к проблеме *слово и образ*, основанный на интеграции исследований, проводимых представителями разных наук. При этом основными науками, результаты которых используются в обсуждении вынесенной в заголовок проблемы, являются психолингвистика и когнитивная лингвистика, методы которых, как нам представляется, позволяют наиболее эффективно исследовать соотношение образа и слова как в системе языка, так и в функционировании языка. Перечисленные нами проблемы, естественно, в данной работе не решены, но предложены некоторые подходы и намечены перспективы в их изучении.

Введение написано И.А.Стерниным, главы 1 и 2 – М.Я.Розенфельд, глава 3 и Заключение – И.А.Стерниным.

Авторы с благодарностью примут любые замечания и соображения по поводу рассматриваемых в книге проблем.

Глава 1

Теоретические проблемы исследования образа в структуре значения слова

1.1. Чувственный образ с позиций интегрального подхода к значению слова

Во второй половине XX века в семасиологии наметилось два подхода к изучению значения слова – дифференциальный и интегральный.

Дифференциальная модель значения предполагает, что значение слова состоит из небольшого числа семантических компонентов, выявляющихся в системных парадигматических оппозициях. Сугубо дифференциальный подход к значению характерен для концепций зарубежных исследователей – таких, как Дж.Катц и Дж.Фодор. Среди отечественных исследователей к таким принадлежат А.Н.Шрамм, Н.В.Цветков, В.Ф.Петренко.

Дифференциальный подход к значению показал свою существенную ограниченность. Во-первых, реально функционирующее значение оказалось несводимым к небольшому числу семантических компонентов, а, во-вторых, реальный набор компонентов значения оказался нежёстким, несводимым к какой-либо ограниченной, закрытой структуре.

На невозможность ограничиться в семасиологии чисто дифференциальным подходом к значению, на упрощённость такого подхода указывает Д.И. Арбатский (Арбатский 1975). Б.А. Серебренников пишет о том, что язык существует как гибкая система именно потому, что не всё в нём сводится к логическим противопоставлениям (Серебренников 1983, с.14). Кроме дифференциальных семантических компонентов, число которых, как правило, невелико, в значении выделяется значительное число недифференциальных компонентов различного типа, которые не нужны для построения каких-либо оппозиций, структурно значимых для данного языка. Такие компоненты, однако, весьма активно проявляют себя в лексическом значении – они являются вполне реальными для языкового сознания носителей языка элементами языковой компетенции, часто актуализуются в речи, ложатся в основу семантического варьирования слова, в значительной степени обуславливают сочетаемость и семантические связи слова. «Многомерные, многосущностные, нередко диффузные семантические категории не могут быть описаны удовлетворительно только с помощью системы логических оппозиций, в отрыве от реальных условий функционирования языка. Поэтому вполне закономерен в 60-70-е годы резкий поворот от отдельного автономного изучения семантических и прагматических аспектов значения к их совместному, целостному рассмотрению... В прагматических исследованиях организующим центром «смыслового пространства» становится человек со всеми его психологическими комплексами, в связи с чем

коренным образом меняются взгляды и на изучение семантического значения» (Сукаленко 1991, с.3).

Интегральный подход к значению логически вытекает из понимания значения как отражательного явления. Отражательная концепция значения стала в отечественной лингвистике практически общепринятой. «Эта концепция предполагает, что в значении отражается широкий круг признаков, проявляющихся у предмета в разных ситуациях, в разные периоды его функционирования, признаков более или менее существенных. Определение значения должно отразить это разнообразие признаков, т.к. все они в широком смысле отражают практику, действительность» (Стернин 1985, с.15). Среди исследователей, придерживающихся этой концепции, – А.И. Смирницкий, В.М. Богуславский, Д.П. Горский, Л.О. Резников, Т.П. Ломтев, А.А. Леонтьев, Г.В. Колшанский, А.А. Залевская, О.С. Ахманова, Л.С. Выготский и др.

Лексическое значение представляет собой разновидность знания о мире. Именно поэтому оно находится в тесной зависимости от свойств и признаков предметов окружающей действительности. Значение слова изначально существует для фиксации знаний людей, полученных в процессе познания окружающей действительности. Д.Н.Шмелёв считает, что «основной задачей семасиологии является исследование именно того, как в словах отображается внеязыковая действительность. Те связи и взаимоотношения между явлениями действительности, которые обуславливают лексико-семантическую систему языка, являются, конечно, внешними по отношению к самому языку. Но всякая знаковая система служит для обозначения как раз того, что находится за пределами системы, и значение знака раскрывается только вне данной системы» (Шмелёв 1973, с.18). Эту же мысль подчёркивает В.С. Виноградова. «Категория значения является отражательной категорией, поэтому нельзя установить её специфику как чисто лингвистической категории в отличие от философской, логической, психологической и т.д., так как нельзя изолировать язык от реального мира, который и является основой существования языка» (Виноградова 1981, с.64).

С точки зрения психологов, знание о мире не имеет принципиального качественного отличия от лексического значения. В словах и словосочетаниях «представлена свёрнутая в материи языка идеальная форма существования предметного мира, его свойств и отношений, раскрытых совокупной общественной практикой» (Леонтьев А.Н. 1972). Известный советский психолог А.Р. Лурия подчёркивает: «Слово не только обозначает предмет, но и выполняет сложнейшую функцию анализа предмета, передаёт опыт, который сформировался в процессе исторического развития поколений» (Лурия 1979, с.45).

Отражательная природа лексического значения предполагает его нелимитируемость. Нелимитируемость значения слова заключается в невозможности чётко определить его границы и исчерпывающе исчислить

образующие его семантические компоненты. В связи с разработкой интегральной концепции значения встаёт вопрос о том, есть ли реальные границы, конкретный объём у лексического значения: ведь отражение действительности может быть бесконечно по широте и глубине. Исследователь считает, что конкретный предельный объём у лексического значения есть, но он практически не может быть исчислен. Однако нелимитируемость значения не свидетельствует о невозможности описания значения, а лишь ставит вопрос о различных уровнях глубины и адекватности его описания. Каждый такой уровень будет обусловлен практическими задачами его описания.

На некоторую неопределённость, нечёткость, размытость значения обращает внимание и Г.Я. Солганик. «Любое слово, даже самое, казалось бы, конкретное, демонстрирует туманность своего значения. Возьмём, например, слово «стол»...Толкование, приведённое в словаре Д.Н. Ушакова, оставляет открытым вопрос о цвете, запахе, контурах, высоте и других несущественных признаках стола...Неопределённость возрастает, если обратиться не к словарному определению, а к тем «толкованиям», которые хранятся в сознании: «нечто для еды», «нечто плоское на ножках» (Солганик 1988, с.7).

Нелимитируемость значения обусловлена рядом причин. По мысли Г.Я.Солганика, «неопределённость значения, нежёстко очерчивающего область предметной отнесённости слова, – важнейшее, глубинное свойство его семантики. Оно отражает качества объективного мира – отсутствие резких границ между предметами и явлениями, наличие взаимосвязей и взаимопереходов, эволюцию и развитие – и соответствуют особенностям нашего сознания, воспринимающего и общее, и отдельное, конкретное в объективной действительности» (Солганик 1988, с.8). Другая причина – постоянное изменение самой отражаемой в значении действительности, которое приводит к изменению её отражения в сознании.

С неопределённостью, подвижностью значения слова связано и такое качество, как глубина, неисчерпаемость, что объясняется идеальной природой значения и соответствует бесконечности процесса познания. Познание всегда движется в сторону углубления знаний, углубления понятий о предметах, выявления новых сторон действительности. «Глубина значения слова – это способность его вбирать в себя всё новые существенные и несущественные признаки, расширять или, напротив, интенсифицировать значение, обобщать или конкретизировать представление об обозначаемом» (Солганик 1988, с.9).

Кроме того, существуют различия в познании одного и того же предмета разными людьми. Эти различия не дают сформироваться единообразному содержанию знака.

Б.А. Плотников рассматривает нежёсткость, размытость значения слова как следствие, проявление общей тенденции к размытой, нечёткой организации системы языка в целом, которая обеспечивает гибкость приспособления языка к изменяющейся действительности (Плотников

1984, с.108). Того же мнения придерживается А.Е. Супрун (Супрун 1978, с.78).

Следствия, вытекающие из описной особенности значения слова, очень важны для понимания природы, развития и функционирования языка. Неопределённость значения слова обуславливает гибкость, пластичность, подвижность слова, что обеспечивает возможность развития языка, способность слова приспосабливаться к различным предметным ситуациям. Благодаря неопределённости значения слово оказывается открытым для процессов сужения и расширения его семантики, для процессов функционально-стилевой специализации и многих других.

Однако было бы недостаточно ограничиваться при характеристике значения описанием семантической неопределённости слова. «Другая, прямо противоположная особенность значения, диалектически взаимодействующая с первой, – его стабильность, устойчивость, определённость... В значении каждого слова выделяется достаточно устойчивый признак, позволяющий идентифицировать слово во всём разнообразии его употреблений, сохранить некий инвариант значения при самых различных колебаниях в степени его неопределённости. И лексика любого языка движется, распределяется между двумя этими полюсами: максимумом определённости и максимумом неопределённости» (Солганик 1988, с.9).

Слово как единица языка, вероятно, и должно обладать противоположными качествами: устойчивостью, определённостью семантики (это позволяет идентифицировать обозначаемый предмет во множестве актов словоупотребления) и в то же время пластичностью, неопределённостью, чтобы удовлетворять особенностям индивидуального употребления и разнообразным условиям речи. Можно предположить, что именно эти противоположные, но взаимосвязанные характеристики значения слова обеспечивают сохранение языка относительно неизменным и стабильным на протяжении длительного периода времени и в то же время обуславливают его эволюцию.

Описывая такие особенности значения слова как отражательный характер и нелимитируемость, сторонники интегрального подхода в семасиологии предполагают априори, что значение слова – сложный, неэлементарный объект, т.е. имеет структурную организацию. Правомерен вопрос: каким образом описанные выше свойства лексического значения явлены в его структуре, т.е. как должно быть организовано (устроено) лексическое значение, чтобы отражать действительность и иметь возможность к расширению?

Чтобы ответить на этот вопрос, следует сфокусировать внимание на специфике природы лексического значения. Уже в середине XX века распространённый взгляд, согласно которому основу значения составляет понятие, подвергся серьёзным сомнениям со стороны многих лингвистов.

Интегральный подход, рассматривающий значение как отражательное явление, предполагает выделение в семантической структуре слова

эмпирического (образного) компонента (термин С.Д. Кацнельсона 1972). «Эмпирический компонент значения знака – это закреплённый за знаком обобщённый чувственно-наглядный образ обозначаемого предмета или явления» (Стернин 1979, с.129). Чувственно-наглядный компонент входит в значения большого количества конкретных слов. Конкретная лексика – это названия (имена и глаголы) чувственно воспринимаемых явлений действительности, которым может быть дано остенсивное определение (указание жестом), простейшее операционное (физическое воспроизводство), заместительное операционное (мимика, символический изобразительный жест, рисунок).

Значение слова предполагает как знание его рационального содержания, так и образного компонента. «Приобретение языка не должно рассматриваться как отбрасывание лежащей в его основе перцептуальной системы, которая продолжает управлять нашими решениями и поведением» (Рейтман 1968, с.327, цит. по: Горелов 2004). Ч. Филлмор, развивавший идеи прототипной семантики, отмечал: «применительно к каждому слову нужно знать, какая сцена или совокупность сцен активизируется ими» (Филлмор 1983, с. 91).

«Чувственно-наглядный компонент – неотъемлемая составная часть значения слова. Он выделяется в словах, обозначающих предметы и явления, с которыми мы часто сталкиваемся в практической деятельности, часто наблюдаем визуально... Именно образные компоненты значения этих слов осуществляют в повседневном общении дифференциацию референтов, указывая на их внешние, поверхностные признаки, минуя обращение к их содержательной, сущностной характеристике. Часто слова, в значении которых образный компонент играет заметную роль, довольно трудно определить (дать толкование значения), гораздо легче указать на предмет, обозначаемый словом, что сразу даёт необходимый эффект: формирует у слушающего наглядный образ, что обеспечивает дифференциацию предмета» (Стернин 1979, с.131).

В исследовании Е.М.Бибчук «Образный компонент в лексическом значении русского существительного» (Бибчук 1991) было установлено, что образный компонент выявляется во всех исследованных существительных, и они могут быть ранжированы по степени образности. Выявлены несколько уровней образности, характерных для эмпирического компонента значений существительных, установлены тематические группы наиболее образных существительных русского языка.

Установлено было также, что образ может содержаться в ассоциативно связанных с исследуемым словом словах, что характерно для слов со средним и низким уровнем образности – их дефиниции не отражают чувственных признаков денотатов данных слов, но характеризуют денотаты других слов, связанных с исследуемыми различными отношениями. Таким образом, образ может иметь «отсылочный характер», что, однако, не лишает исследуемое слово образного статуса.

Экспериментальное исследование показало, что наиболее яркие наглядные образы у носителей русского языка связаны с названиями астрономических тел, транспортных средств, предметов быта, времен года, месяцев, времени суток, наименований частей тела человека и животных, названий лиц по родственным отношениям, наименований растений, приборов и аппаратов, печатных изданий, частей ландшафта. Максимально яркие образы были выявлены для таких единиц как *солнце, луна, кровь, автобус, стол, ночь, зуб, уголь, бабушка, мать, трава, парта, телефон, ключ, книга, лес, магазин, дождь, собака, яблоко, журнал, чай, очки, улица, газета, голубь*.

Интересно, что те или иные образы обнаружены и для всей исследованной абстрактной лексики – абстрактные единицы тоже имеют чувственный характер, но их образы более субъективны, ярче различаются у разных испытуемых: религия – *церковь, монахи, молящиеся люди, иконы, библия, свечи*; молчание – *люди со сжатыми губами и выразительными глазами, пустая комната, тишина*; быт – *мытье посуды на кухне, телевизор в доме, уборка квартиры*; математика – *цифры, формулы, графики, примеры в учебнике, в тетради или на доске, исписанная формулами доска* и т.д.

По мысли Е.М. Бебчук, следует различать слова, которые *содержат* в своей семантической структуре образ, и которые *способны вызывать* его в сознании носителей языка. В последнем случае исследователь предлагает не расценивать образные ассоциации слова как компонент его системного значения. «Практически каждое слово может вызывать образ в индивидуальном сознании. Но, как показало исследование, единицы, попавшие в группы со средней и низкой степенью образности, вызывали у испытуемых далеко не идентичные образы предметов, что ставит вопрос о том, существует ли объективно образ в структуре значения этих слов» (Бебчук 1991, с.7).

Несколько иная точка зрения заявлена в работах Тверской психолингвистической школы, где указывается, что «значение *любого* слова как единицы идиолексикона в принципе сводимо к некоторому чувственному образу объекта, что должно находить проявление в констатации носителями языка наличия у идентифицируемых ими слов (даже с наиболее абстрактными значениями) определённой степени конкретности и образности» (Залевская 1990, с.191).

Данная гипотеза экспериментально проверялась в исследованиях Е.Н. Колодкиной (Колодкина 1985, 1986, 1987). В своих работах автор доказывает, что параметры конкретности, образности, эмоциональности являются неотъемлемой характеристикой психологического значения существительных; в индивидуальном сознании носителя языка невозможно отделить конкретное от абстрактного, образное от безобразного, эмоциональное от неэмоционального.

В современной отечественной психолингвистике в русле идей Тверской психолингвистической школы выполнено исследование Е.В.Карасевой

«Предметно-чувственный компонент значения слова как живого знания» (Карасева 2007). В работе выдвинута идея о том, что слово как достояние пользующегося языком индивида есть производное перцептивного, когнитивного и аффективного процессов, вследствие чего в психологической структуре значения слова хранятся следы разностороннего опыта взаимодействия человека с окружающей средой. «Предметно-чувственный компонент значения является *обязательной* составляющей психологической структуры значения слова, значение любого слова, даже выражающего абстрактное понятие, содержит чувственные корни» (Карасёва 2007, с.4).

В нашем исследовании выдвигается гипотеза о том, что чувственный образ является компонентом структуры *системного* значения слова, причём независимо от степени конкретности/абстрактности семантики лексемы (аргументы в защиту данного предположения изложены во второй главе работы).

Выделение образного компонента в значении слова, признаваемое одними учёными, встречает возражения со стороны целого ряда других лингвистов. Так, В.З.Панфилов пишет, что в связи с тем или иным словом у человека может возникнуть чувственный образ предмета, но это будет всегда образ единичного, индивидуального предмета, и у каждого слушающего возникает образ различных предметов при произнесении одного и того же слова. Таким образом – констатирует исследователь – чувственно-наглядный образ представления в отличие от понятия не может быть передан непосредственно при помощи языка слов, вернее, материальной языковой оболочки, одним членом коллектива другому. Иначе говоря, чувственно-наглядные образы не связаны непосредственно с языком как со средством общения. В.З. Панфилов приходит к выводу, что при помощи языка не могут непосредственно выражаться чувственно-наглядные образы (Панфилов 1975).

Р.О. Шор и Н.С. Чемоданов отмечают, что анализ актов сознания, связанных с актом речи, показывает, что представления, возникающие у говорящего и слушающего, отнюдь не входят непосредственно в предмет сообщения. По их мнению, мы никогда не знаем, какую именно вещь называет говорящий, какое у него представление об этой вещи. Сам говорящий, называя вещи, если пользуется нарицательными именами, называет их неопределённо, т.е. он относит и заставляет относить названия к целому ряду, к группе или к множеству вещей, так что и для него, и для нас с точки зрения познания и понимания безразлично, какая вещь представлена.

И.А. Стернин опротестовывает эти утверждения. «Представление любого человека о конкретном предмете, называемом словом, нам действительно неизвестно – оно индивидуально; но в индивидуальном представлении любого человека есть часть, общая для всех говорящих, и эта часть наиндивидуальна. Именно она может быть передана в слове. Представление есть единство общего и индивидуального, общего

и единичного... Элемент общего, абстрактного в представлении и является тем чувственным содержанием, которое предаётся знаком от одного индивида к другому» (Стернин 1979, с.133).

А.А. Леонтьев в статье «Психолингвистический аспект языкового значения» указывает на то, что объективное значение слова в принципе рождается через субъективное. «Значение есть форма идеального существования действительности, но эта форма предполагает включённость значения не только в деятельность, но и в сознание конкретных индивидов ... В этой второй жизни значения индивидуализируются и субъективируются, но лишь в том смысле, что непосредственно их движения в системе отношений общества уже не содержится, они вступают в иную систему отношений, иное движение. Но вот что замечательно: они при этом отнюдь не утрачивают своей общественно-исторической природы, своей объективности» (Леонтьев А.А. 1976, с.48).

В отечественной психологии (и психолингвистике) последних десятилетий не проводится жёсткой границы между субъективным и объективным значением. Традиционно термины *значение* и *смысл* противопоставлялись. Под значением понимались общенационально закреплённые знания о референте. Смысл – субъективен, это индивидуальное, личностное знание о действительности. Д.А. Леонтьев в статье «Значение и личностный смысл: две стороны одной медали» указывает на то, что граница между значением и смыслом в слове является относительной, подвижной. «Психологический смыслообразующий контекст, определяющий осмысление любого объекта, задаётся не только индивидуальным опытом субъекта, но и его принадлежностью к различным социальным группам... Строго говоря, границу между значением и смыслом вообще провести затруднительно. Групповые или ролевые смыслы оказываются значениями, поскольку они являются элементами группового сознания и однозначно декодируются всеми членами данной группы» (Леонтьев Д.А. 1996, с.17).

«Предметность, чувственность значения, взятого как субъективное содержание знака, особенно ярко видна в процессах формирования значения у ребёнка... Ребёнок активно овладевает миром вещей. Так, ребёнку в какой-то момент становится известным слово «ложка» (до этого он уже научился ей функционально пользоваться). На первых ступенях овладения словом оно отличается от понимания взрослых по субъективному содержанию... Это и есть развитие идеального содержания знаков, т.е. развитие объективного содержания через субъективное понимание. А такое овладение и происходит через деятельность. Именно и только в деятельности человек «присваивает» предметную действительность... Само субъективное содержание значения является лишь относительно субъективным» (Леонтьев А.А. 1976, с.50).

Деятельностная трактовка сознания и значения слова помогает понять две существенные черты значения слова. Во-первых, рождаясь в деятельности, значение само есть деятельность, процесс, оно не

статично. Во-вторых, значение слова гетерогенно, т.е. включает в себя несколько слоёв, которые взаимодействуют друг с другом.

Образный компонент значения подвергается влиянию как индивидуальных представлений носителей языка, так и понятий, входящих в денотативный компонент соответствующих знаков. Образный компонент – это, с одной стороны, общее в индивидуальных представлениях, связываемых со знаком носителями языка; он включает наиболее характерные внешние особенности предмета. Эти элементы уже содержат в себе обобщение, являясь отвлечением от менее заметных, менее выдающихся признаков. С другой стороны, сознанию человека с его высокоразвитым абстрактным мышлением свойственно рационализировать чувственное познание. Чувственные данные, получаемые человеком, обязательно подвергаются в той или иной мере логической обработке, упорядочению. По мере накопления информации об объекте происходит усложнение образа, который может достигнуть довольно высокого уровня абстракции, например, в случае с образованием образа-схемы, образа-плана, образа-модели.

Следует отметить, что представление в структуре значения слова не тождественно представлению об объекте, бытующему в сознании, но не включённому в структуру семантических отношений. «Лежащее в основе значения слова генерализованное представление достаточно далеко от конкретного зеркального образа предмета, но сохраняет связь с ним, может вызывать в сознании (при соответствующих условиях) яркий образ и в то же время приближаться к понятию благодаря элементу обобщённости, трансформироваться в него. Значение слова имеет чувственно-рациональную природу. Оно родственно и понятию, и представлению. ...Обе эти возможности заложены в слове и обеспечивают единство процесса познания» (Солганик 1988. с.13).

В структуре значения чувственный и рациональный компоненты тесно взаимосвязаны, что обусловлено диалектическим единством логического и чувственного в человеческом познании. Диалектика перехода от ощущения к мысли заключается в том, что разум и чувства являются двумя последовательными ступенями познания мира. Разум может познать вещь только через этап чувственного познания: «знание логическое является опосредованным, ибо иначе как через посредство чувств разум с вещами соприкасаться не может. В результате опосредования происходит выделение общего из чувственных восприятий» (Руткевич 1973, с.223). В сознании человека в равной степени могут быть представлены как понятия о вещах, так и чувственные образы, представления о вещах. При этом как те, так и другие могут входить в содержание слова, образуя разные его макрокомпоненты – денотативный и образный.

Таким образом, именно включение в структуру лексического значения образного компонента помогает объяснить такие черты значения как нелимитируемость и отражательный характер. Представление по природе

своей не имеет жёсткой организации, видимо, эта сущностная черта представления и предопределяет нежёсткость организации всего лексического значения в целом, в структуру которого чувственный образ входит как компонент. Кроме того, следует учесть, что чувственное познание действительности коренным образом отличается от рационального непосредственностью контакта с реальностью. Вероятно, вхождение представлений в структуру значения слова и обеспечивает «контакт слова с миром». Представления как бы «втягивают» чувственно воспринимаемую реальность в язык. Образный компонент значения слова хранит (и способен безгранично вмещать) информацию о чувственно воспринимаемой действительности. Можно сказать, что значение слова потому адекватно реальности, что имеет чувственную составляющую. Иными словами, и когнитивную функцию, и функцию хранения информации язык выполняет в том числе благодаря вхождению в значение слова образного компонента.

С описанной природой значения слова связано и такое фундаментальное качество языка, как его антропоцентризм. Представление, лежащее в основе значения слова, не только включает в себе более или менее обобщённый, детальный образ предмета, но и – будучи субъективным – неизбежно содержит отношение к предмету. Это отношение и формирует тесную связь слова с говорящим и познающим субъектом, которая заложена в значении слова. Представление в значении слова обнаруживает непосредственно человеческий, субъективный элемент.

Выше были рассмотрены аргументы в пользу включения представления в структуру значения слова, представленные в интегральной концепции лексического значения. Однако описанием природы лексического значения занимается не только лексикология. Когда речь заходит о «представленческой» составляющей значения, о переплетении его рационального и чувственного компонентов, исследователь невольно сталкивается с необходимостью рассмотрения ряда проблем, входящих в сферу компетенции философии, психологии, нейрофизиологии. «Речевая способность существует в неразрывном взаимодействии с другими высшими психическими функциями – познавательными процессами – такими, как восприятие, память, мышление...И в настоящий момент наиболее актуальной является недопустимость построения гипотез относительно речевой способности в целом или какого-либо аспекта её строения ли функционирования без учёта современных знаний об особенностях взаимодействия всех составляющих комплекса познавательных процессов человека» (Залевская 1987, с.35).

К мысли о том, что лексическое значение не сводится к понятийной составляющей, лексикологи стали подходить благодаря многочисленным исследованиям в области нейролингвистики, выявившим, что мышление имеет не словесный, но чувственный субстрат и осуществляется на базе особого универсально-предметного кода (термин Н.И. Жинкина). Если мышление есть движение перцептивных образов то, вероятно, каждое

слово «заряжено» такими образами, значение слова имеет перцептивную составляющую.

В то же время, в середине XX века, в отечественной психологии и философии начинает активно разрабатываться проблема взаимодействия чувственного и рационального способов познания действительности, выявлены точки их пересечения. В русле этой проблематики описываются сходства и различия таких форм чувственного и рационального познания как образ (представление) и понятие, и опять же, выявляется, что представление и понятие имеют очень много общих черт как в функционировании, так и в генезисе. Эти идеи творчески переосмысляются отечественной психолингвистикой, где предметом исследований становится значение слова как результат личного (главным образом, чувственного) опыта индивида. Учитывая, что представлению так же, как и понятию, свойственно отвлекать, обобщать признаки реальности (этот тезис будет развёрнут в параграфах 1.2, 1.3 и 1.4), исследователи приходят к мысли о том, что и представление является структурным элементом значения слова.

И, наконец, в конце XX века намечается попытка снятия противоречия между понятием и представлением как формами познания (и отражения) действительности. Эта попытка «примирить» понятие и представление осуществлена в рамках когнитивной лингвистики, изучающей концепт как комплексную мыслительную единицу, элементом которого, согласно концепциям различных школ когнитивной лингвистики, является чувственный образ. «Когнитивный подход доказал, что традиционное оперирование понятиями как логическими категориями, понимаемыми в их «классическом варианте», не укладывается в рамки современных исследований... В результате анализа элементов некоторых нечётких множеств или классов объектов выявлено, что процессу мышления человека свойственна нечёткость, так как в основе этого процесса лежит не классическая логика, а логика с нечёткой истинностью, нечёткими связями и нечёткими правилами вывода» (Бабушкин 1996, с.12).

Однако, при признании взаимодействия, взаимопроникновения различных форм познания действительности, остаётся по-прежнему актуальным разграничение рационального и чувственного. «Не следует думать, что когнитивная наука полностью отрешивается от понятия «понятие»» (Бабушкин 1996, с.19). Возможно, в ходе развития когнитивистики в рамках её терминологического аппарата будут более точно определены единицы чувственного и рационального познания мира. На данном этапе становления когнитивной науки единой терминологии в этой области не выработано. По этой причине в дальнейшем изложении теоретических аспектов проблемы образной нагруженности лексики для обозначения единиц логического и чувственного способов познания действительности мы будем придерживаться терминов *понятие* и *представление*.

1.2. Чувственный образ и понятие в становлении речемыслительной деятельности ребёнка

В психологии XX века очень популярным и действенным стал подход к изучению особенностей мышления человека заключающийся в исследовании мыслительной деятельности ребёнка. На уровне онтогенеза можно относительно легко проследить этапы формирования представлений и понятий в сознании индивида, а также выявить специфические черты этих форм познания действительности. Данная проблематика детально разработана в трудах И.М. Сеченова, Л.С. Выготского, Б.Ф. Ломова, Ж. Пиаже, А.Р. Лурии, И.Н. Горелова, Е.И. Исениной, А.М. Шахнаровича и других исследователей. Подробнее она будет рассмотрена в третьей главе монографии в связи с формированием концептов в онтогенезе. Здесь же остановимся лишь на некоторых ключевых аспектах соотношения чувственного и логического в мышлении ребёнка.

А.А. Залевская в статье «Роль теории в экспериментальных психолингвистических исследованиях лексики» приводит ведущие положения психологических концепций, касающихся становления изначальной предметно-чувственной основы значения слова в индивидуальном сознании. Остановимся на некоторых положениях учений И.М. Сеченова и Б.Ф. Ломова, которые, на наш взгляд, высвечивают специфические черты представления как ментальной категории, сближающие его с понятием.

По мысли И.М. Сеченова, основополагающую роль в психическом развитии человека играет его память, которая неотделима от запоминаемого. Запоминаемое претерпевает многообразные превращения, подвергаясь процессам анализа, синтеза, сравнения или классификации, которые происходят в тайниках памяти. При этом имеет место расчленение чувственных образов целых предметов, выделение их признаков, признаков, сличение с ранее накопленными впечатлениями и проч.

«Чувственный образ любого предмета определяется совмещением всех свойств и признаков, доступных чувствам... Все единичные впечатления от предметов и событий в силу закона регистрации впечатлений по сходству сливаются у человека в «средние итоги», по своему смыслу представляющие единичные чувственные образы, или знаки, заменяющие собой множество однородных предметов. Дальнейшее отвлечение от чувственных первообразов при умножении числа и разнообразия встреч с разнородными предметами ведёт за собой образование средних итогов всё большей общности – понятий или абстрактов как таких продуктов символизации частей, признаков и их сочетаний, отвлечённых от

исходных предметов, которые уже настолько удалены от своих корней, что в них едва заметно чувственное происхождение» (Залевская 1987, с.38).

Из приведённых соображений можно вывести следующее: во-первых, понятия как «абстракты» рождаются на базе представлений, потому что именно в форме представлений – образов памяти опыт индивида хранится в сознании, и абстрагирование признаков реальности идёт с опорой на целостный образ этой реальности; во-вторых, не только понятие характеризуется свойством обобщения. Первые обобщения рождаются именно в чувственном опыте ребёнка, когда разнородные сенсорные впечатления от действительности сливаются в «средние итоги».

И.М. Сеченов указывает на то, что как раз на этом этапе развития мышления ребёнка мысль человека переходит из чувственной области на уровень абстрактов. Ребёнку становится необходимой система условных знаков, при которой элементы внечувственного мышления, лишённые образа и формы, имели бы возможность фиксироваться в сознании. Так возникает речь. «Когда человека на практике учат обозначать предмет словом, к прежнему ряду чувственных знаков прибавляется звуковая группа... Эти новые члены ассоциированной чувственной группы не отличаются от старых ничем, кроме формы... Происходит немало времени, прежде чем ребёнок сознательно отличит слово от природных свойств предмета... Различение имени целого предмета от имени его свойств представляет собой второй шаг словесной символизации, параллельный отвлечению от предметов признаков» (Залевская 1987, с.38) (Примечателен тот факт, что неразличение имени и объекта, объекта и признака в мышлении ребёнка соотносимо с подобными чертами мышления архаического человека).

А.А. Залевская подчёркивает, что в учении И.М. Сеченова чувственный этап познания действительности и рациональный этап не разводятся жёстко во времени. «Сеченов неоднократно указывает на наличие постоянных и многообразных связей между словесным мышлением и чувственным познанием и трактует мышление в качестве высшей ступени единого познавательного процесса» (Залевская 1987, с.39).

Выделение этапов развития мыслительной деятельности и познавательной способности ребёнка, осуществлённое И.М. Сеченовым, сходно с описанием этапов становления образа окружающей действительности в сознании человека, сделанным Б.Ф. Ломовым. Исследователь выделяет три основных уровня психического отражения.

Базовым в системе образного отражения является уровень сенсорно-перцептивных процессов, который формируется на самых начальных ступенях психического развития индивида, но не теряет своего значения в течение всей его жизни.

Следующей ступенью в развитии познавательных процессов является формирование представлений как вторичных образов предметов в том смысле, что представления могут актуализироваться без непосредственного воздействия предметов на органы чувств человека.

К числу основных особенностей образа-представления относятся следующие: по своему содержанию образ-представление предметов, он имеет как бы самостоятельное существование в качестве феномена «чисто» психической деятельности. При формировании представления имеют место элементарные обобщения и абстракции, селекция признаков объекта, их интеграция и трансформация, происходит схематизация предметного образа за счёт подчёркивания одних признаков и редуцирования других. Образ становится собирательным, поскольку в представлении отражаются не только отдельные предметы, но и типичные свойства групп предметов. Происходит преобразование последовательного процесса восприятия в одномоментную умственную картину – целостный образ. Представления становятся базой для формирования образов-эталонов, концептуальных моделей, наглядных схем. Выше названные функциональные черты представления очень сближают его с понятием.

Третьим уровнем психического отражения является уровень речемыслительных процессов, который также называют уровнем понятийного мышления. Это уровень рационального познания, на котором происходит процесс опосредованного отражения действительности через оперирование понятиями, сложившимися в ходе развития общества. Для «овеществления» результатов обобщения и абстрагирования и для использования их в коммуникации применяются знаки, в том числе естественного языка.

«Названные уровни психического отражения не могут трактоваться как существующие отдельно, поскольку в познавательной активности человека нет резкой границы, разделяющей чувственное и рациональное...Связи между уровнями и формами отражения – образной и понятийной – не однозначные и нежесткие» (Залевская 1987, с.41).

Таким образом, анализ этапов становления мыслительной (и речевой) деятельности в онтогенезе показывает, что образы и понятия взаимно содержат друг друга. Представление есть основа, почва для создания понятий, понятия – необходимая ступень развития представлений.

1.3. Генезис понятий из представлений в архаическом мышлении

При рассмотрении генезиса понятий из представлений мы будем опираться на концепцию О.М. Фрейденберг, советского филолога, подробно исследовавшего специфику архаического мышления на материале языка античного фольклора и зарождающейся в Древней Греции художественной литературы.

Семантической системой мышления древнего мира была мифологическая образность. «Первобытное мышление не знает отвлечённых понятий. Оно основано на мифологических

образах...Действительность является фактом всякого мышления, и мышление образами выражает объективную действительность... Первобытное мышление носило пространственный, конкретный характер, каждая вещь воспринималась чувственно, и образ воспроизводил только внешнюю сторону предмета – то, что было видимо и осязаемо... Мифологический образ представляет собой отложение пространственно-чувственных восприятий, которые выливаются в форму некой конкретной предметности» (Фрейдсберг 1998а, с.24-25).

Конкретное мышление, вызывавшее мифологическое восприятие мира, было таково, что человек мог представлять себе предметы и явления только в их единичности, без обобщения, и в их внешнем, физическом наличии, без проникновения в их качества. Можно сказать, что чувственные образы первобытного мышления были бескачественны, в отличие от понятий, которые отвлекают качество предметов и дают этим предметам умопостигаемый характер (что присуще и современным образам-представлениям).

Сразу оговоримся: мифологический чувственный образ и современное представление (которое тоже предметно, чувственно) не тождественны друг другу. Архаический чувственный образ – порождение древнего мифологического мышления, характеризующегося такими специфическими чертами, как неразграничение категорий субъекта и объекта, отсутствие детерминизма, следовательно – восприятие причинности как соположенности или родства, восприятие пространства как вещи, а времени – как последовательности вещей, т.е. совмещение длительности и протяжённости и т.п. Перечисленные выше характеристики мышления сегодня с трудом поддаются осмыслению, это лишний раз свидетельствует о том, что такой способ мироотношения уже не воспроизводится, и чувственные образы архаического типа не фигурируют в мыслительной деятельности современного взрослого человека (в речемыслительной деятельности ребёнка дело обстоит иначе, о чём было сказано в предыдущем параграфе).

Неразграничение субъекта и объекта в архаическом мышлении приводило к тому, что «свойство предмета мыслилось живым существом, двойником этого предмета (говоря словами Потебни, признак мыслился вместе с субстанцией). Мифологический мир представляется раздвоенным на тождественных двойников, из которых один обладал «свойством», а другой – не обладал... Предпосылки такого миропонимания вызывались гносеологическими причинами – отсутствием качественных определителей, суммарностью и тождественностью представлений. Суммарность и тождественность заставляли делить мир на два противопоставленных явления, между собой общих – жизнь и смерть, тепло и холод, свет и мрак и т.п.» (Фрейдсберг 1998б, с.235).

Такое разделение на два тождественных и одинаково конкретных начала подверглось понятийной переработке. «Античные отвлечённые понятия, несмотря на всю их новизну и полную перестройку смыслов, не только

восходили к конкретным образам, но и продолжали сохранять эти образы внутри себя и опираться на их семантику. Мифологические образы стали исчезать не потому, что люди перестали верить в мифы, а от того, что в самом образе, отражавшем структуру человеческого познания, раздвинулись границы между тем, что образ хотел передать, и способами передачи. В этом смысле история античных идеологий представляет собой историю преодоления конкретно-образной стихии. Новая форма мысли, получающая становление непосредственно из мифологической образности, характеризуется отвлечённостью. Это мышление понятиями» (Фрейденберг 1998б, с.232).

При образовании понятий – точнее, трансформации чувственных образов архаического мышления в понятия – решающую познавательную роль сыграло разграничение субъекта и объекта. Оно раздвигало и преобразовывало видение мира, отделяло познающего человека от познаваемой действительности, вносило отличие между действительными и подчинёнными действию началами (вещи от её свойства, времени от пространства, результата от причины). Как только «я» отделилось от «не я», предметы потеряли прежнее, якобы субстанционально присущее им «свойство» и двойники оказались разобщёнными. Понятие обратило свойства предмета в умозрительную категорию. Отвлекая черты предмета от самого предмета и сопоставляя эти черты, оно внесло наряду с отождествлением и уподоблением новую категорию – отличительности. Двойники – вещи, стихии и существа получили отдельное отвлечённое качество и раздельное бытие, распавшись между собой и внутри себя. «Отделение субъекта от объекта было длительным процессом. Сперва оно носило форму восприятия субъекта в категориях объекта и перенесения объекта на субъект... Античный человек мыслил пантеистически, понимая даже свою личную жизнь как проявление воли божества... Человек не видел себя. Субъективное могло быть понято только через объективное» (Фрейденберг 1998б, с.232).

Античное понятие не было «чистым», отвлечённым, далёким от конкретной предметности. По мысли О.М. Фрейденберг, первоначальные понятия возникали не в виде отвлечённых категорий, преодолевших чувственность мифологического образа, а наоборот, в виде тех же чувственных категорий, лишь изменивших свою функцию. Получая становление непосредственно из чувственного (из зрительного) образа, античное понятие представляло собой тот же конкретный образ, но в новой сущности – в отвлечённой. В познании отвлечённого через чувственное объективно зарождался и художественный образ. Процесс трансформации представлений происходил именно на базе категорий художественных образов, тропов, среди которых наиболее концептуально значимой для понятийного мышления стала метафора.

Чувственный образ трансформировался в понятие через метафору, метафора в художественной литературе, точнее – в античном фольклоре, стала той «территорией», где шло превращение образа в понятие.

Изучение истории возникновения тропов не является целью нашего исследования. Однако мы остановимся на описании специфики античной метафоры, ибо процесс её становления отражает процесс перехода чувственных образов в понятия в мышлении античного человека и, соответственно, говорит об их близости.

Согласно концепции О.М. Фрейденберг, понятийное мышление рождается в искусстве из конкретных образов, где расподобление субъекта и объекта реализуется в возникновении иллюзорности. Изначально искусство греков знало только подражание (мимезис), понимаемое как подражание конкретное, но не иллюзорное, как подражание действительности в действительности. «Рост понятий и усиление отвлечённости, преодолевавшей конкретность мифологической мысли, приводят к важным изменениям в концепции иллюзии. Теперь кажущееся получало новые черты: оно не только противопоставлялось подлинности, но и становилось категорией воображения, видимостью в *умственном* отношении. Из подражания действительности в действительности мимезис стал подражанием действительности в воображении, т.е. иллюзорным отображением реальных явлений» (Фрейденберг 1998б, с.237).

Таким образом, понятийное мышление древних греков становилось на базе категории иллюзорности в искусстве, т.к. понятия родственны иллюзии. Основание родства – общность сущностной черты и понятия, и иллюзии – отвлечённости. Воображение, фантазия не дублируют реальность, они отвлекают реальность в каких-то её существенных чертах. Тот же механизм отражения реальности работает в понятийном мышлении. Воображение в искусстве и понятийное мышление в науке (в философии, в т.ч.) рождаются одновременно: когда появляется удвоение мира в сознании индивида на основании операции отвлечения. «С возникновением художественного мышления начинается конституирование образа мира, уже осознанно иллюзорного по своей природе... Образ перестаёт гнаться за точностью передаваемого, но ставит во главу угла интерпретационный смысл... Понятия требуют отбора черт, отвлечённости от предметности, понятия вызывают обобщение и качественную оценку... Теперь образ иначе сказывает то, что видит, и передаёт конкретность так, что она обращается в своё собственное иносказание, то есть в такую конкретность, которая оказывается отвлечённым и обобщённым новым смыслом. Это объективно породило возникновение так называемых переносных смыслов – метафору» (Фрейденберг 1998б, с.238).

Метафора возникала как форма образа в функции понятия. Её появление определялось условием: два тождественных конкретных смысла должны были оказаться разорванными, и один из них продолжал бы оставаться конкретным, а другой – его собственным переложением в понятия.

Иллюзия вносила своё «как будто бы» в образную передачу. Прежде, например, ходить вокруг значило совершать круговой ход. В метафоре те же самые слова имеют переносные значения – иносказательные, только кажущиеся буквальными, а на самом деле – отвлечённые и обобщённые («Ты ходишь вокруг – ты затемняешь дело»). Переносные смыслы и явились объективным результатом «перенесения» смысловых черт с одного предмета на другой, не идентичный первому, но уподобленный ему только иллюзорно. Перенесение не могло бы возникнуть, если б тождество конкретное и реальное («путь, действительно соответствующий дороге) не должно было превращаться в тождество кажущееся и отвлечённое («путь» в смысле «хода мыслей»). Возникновение метафоры в художественном творчестве потому и соотносимо с возникновением понятийного мышления, что метафора всегда двукомпонентна: один объект сравнивается с другим на основании отвлекаемого признака, а отвлечение признака от реальности – операция, присущая лишь понятийному мышлению.

Следует оговориться, что античные переносные смыслы возникали несколько на других основаниях, нежели современные. Оба смысловых компонента античной метафоры должны были иметь одинаковую семантику, иначе переносные смыслы были невозможны. Гомер говорит «солёное море», потому что у греков «море» и «соль» – синонимы. Но исключено словосочетание «солёная еда». Тождество семантик двух компонентов античной метафоры как раз и восходило к мышлению мифологическими образами. Смыслы переносятся с одного объекта на другой не среди тех, которые похожи, а среди тех – которые «одно и то же», т.е. входят в целостный образ, охватываются единым впечатлением. Метафорический перенос осуществлялся лишь в том случае, если соотносимые в метафоре объекты соположены.

О.М. Фрейденберг рассматривает также природу античного эпитета и приходит к выводу о сходстве механизма возникновения этих тропов. В современном эпитете фиксируются отличительные признаки предмета. Античный эпитет сначала тавтологичен предмету и сопутствует ему. Только в понятийном мышлении он начинает указывать на отличительные черты предмета. «Так – Зевс-чёрная туча обращается в тучечёрного Зевса... Первые понятийные признаки предмета берутся сперва из семантики тавтологичного образа; когда слитность субъекта и объекта расторгнута и тождество нарушено, один из образов начинает передавать суммарную черту предмета, семантически означавшую этот самый предмет. Понятия делают «звёзды» или «золото» качеством, характеризующим людей или небо. Но эти качества не сразу получают природу отвлечённых понятий. Им ещё долго приписывается характер единичности и неясной конкретности. Признак «звёздный» надолго сохраняет значение «неба», как того предмета, с которым был субъект-объектно слит... Эпитет сначала определяет одно данное качество одного

данного предмета. Затем он переходит к другим предметам той же семантики» (Фрейденберг 1998б, с.252).

Понятие прodelывает путь, в котором конкретные представления подвергаются абстрагированию. Перенесение, или метафоризация, – начало такого процесса. В нём конкретные смыслы мифологического образа оказываются отвлечёнными смыслами понятия. «В контексте образного мышления метафора исторически выполняла функцию понятия. Она становилась субъектной категорией, средоточием качественного определения предметов, её образные уточнения получили значение фиксации не самих предметов, а признаков, характеризовавших предметы... Уже не разделяя тождества с образом, но ещё не имея собственной функции, понятие формально продолжало оставаться тем же образом, однако в ином значении, в переносном» (Фрейденберг 1998б, с.255-261).

О.М. Фрейденберг не усматривает в современной метафоре перцептивной базы, она делает акцент на перцептивных основаниях метафоры в моменты её становления. Однако существует много работ, посвященных выявлению перцептивных оснований современной метафоры.

Исследование архаического мышления приводит к выявлению тех же закономерностей, что и исследование речемыслительной деятельности ребёнка: чувственные образы – представления – являются базой для возникновения понятий. Переход от представлений к понятиям в мышлении архаического человека обусловлен, главным образом, расподоблением субъект-объектной слитности мифологического мышления. Этот переход знаменуется возникновением в античных текстах метафоры, которая рождается на основе мифологического чувственного образа при разрушении его цельности и отвлечении признаков перцептивно воспринимаемых реалий, соплагаемых в тропе.

Рассмотрение взаимодействия понятий и представлений в мышлении человека (как в онтогенезе, так и в историческом аспекте) показывает, что их связь не ограничивается генетическим родством. Именно в представлении как в познавательной категории рождается свойство отвлечения признаков от объекта, а, стало быть, и способность к обобщению информации на базе отвлечённого признака. Это подтверждает осуществляющаяся на перцептивных основаниях категоризация действительности, которая находит своё отражение в языковых фактах.

1.4. Перцептивные основания категоризации действительности; перцептивная категоризация в языке

Понятие представляет собой форму логического (абстрактного) мышления. Это отвлечённая и обобщённая мысль о предмете. Отражая

предмет, понятие отвлекается от его индивидуальных, второстепенных признаков и воспроизводит его в основных, существенных, качественно определяющих свойствах, общих у целого класса предметов. «Отражение действительности в форме понятий составляет основу её логической категоризации – членения на классы так называемых однородных предметов, обладающих общими сущностными свойствами» (Артёменко 2004, с.7).

Однако логическая категоризация действительности – не единственный способ её обобщения (и отражения). Обобщение может рождаться и на чувственной основе: к одному классу сознание причисляет объекты, объединённые единственным чувственным впечатлением. Возможен иной механизм перцептивной категоризации действительности: сами признаки предметов, на базе отвлечения которых предметы объединяются в один класс, являются чувственно воспринимаемыми (например, в один класс объединяются объекты, имеющие сходную форму). Оба механизма перцептивной категоризации действительности находят своё отражение в языке и соответствуют разным типам мышления – архаическому и современному.

Для архаического человека мифологический образ в процессах познания действительности служил средством её категоризации. Мифологический образ, по О.М. Фрейденберг, – семантическая реакция первобытной мысли на ощущение предмета именно в его чувственном наличии, т.е. это образ чувственный. Мифологический образ не был зеркальной копией ситуации, он был организован всей системой мышления первобытного человека, подчинялся её законам (среди черт первобытного мышления, вероятно, наиболее релевантная – слитность субъекта и объекта, что сказывается на специфике мифологических образов и на специфике категоризации действительности при помощи таких образов). «Для музыканта весь мир поворачивается стороной созвучий, для художника – красками, для писателя мир предстаёт в образе человека и человеческих переживаний... Для первобытного человека весь мир оборачивался своей видимой стороной, причём все члены этого общества имели совершенно одинаковое представление о том, что видели. У первобытного человека преобладают зрительные впечатления. Он видит наружные внешние предметы... Однако в отличие от сновидения, восприятия древнего человека, как бы формально ни были связаны со зрительной предметностью, организуются специфически закономерно его мифологическим мышлением... В основе образа лежит некий смысл, некое осмысление действительности» (Фрейденберг 1998а, с.26). Т.е. чувственный образ древнего человека был аналитичен, аналитичен в том смысле, что тоже (как и современное понятие) отражал определённый тип отношения человека к действительности.

Отличительной чертой категоризации действительности на базе чувственных образов в мифологическом мышлении «было объединение в пределах одной категории (одного мифологического образа) образов

весьма несходных реалий. Это явление объясняется отсутствием у мифологического мышления способности вычленять в предмете признак, мыслить о втором в отвлечении от первого, а значит – классифицировать предметы на основе общности их признаков... В этих условиях феномен общности зрительного ощущения, при широте и неопределённости его границ, создавал почву для сближения, уравнивания, включения в один класс самых разных реалий» (Артёменко 2004, с.9).

Архаическая образная категоризация действительности находит своё отражение в языковом строе античных текстов – в мифологических метафорах, где в одном ряду объединяются образы не сходных объектов, но объектов соположенных, тех, которые соответствуют одному зрительному ощущению (гроб – небо и мать умершего, небо – большой человек).

Е.Б. Артёменко соотносит охарактеризованный О.М.Фрейденом мифологический тип мыслительно-познавательной деятельности с комплексным допонятийным мышлением ребёнка, описанным Л.С. Выготским, где тоже наблюдается категоризация действительности на представленческой основе. «В рамках образного мышления ребёнка познавательные процессы осуществляются путём сведения образов предметов в комплексы. Основанием для этого служит общность производимого предметами наглядного впечатления. Комплекс образуется путём обобщения наглядных впечатлений ребёнка. Его формирование опирается на познаваемые ребёнком в наглядном действенном опыте объективные связи между предметами... но эти связи лишены единой логической базы – они многообразны, неоднородны, конкретны, случайны... Образные элементы комплекса равнозначимы, равноправны, лишены иерархии» (Артёменко 2004, с.10).

Е.Б.Артёменко указывает на то, что архаическое мифологическое мышление комплексами образов, опиравшееся на общность производимого гетерогенными предметами наглядного впечатления, было обусловлено отсутствием у архаических людей способности вычленять в предмете признаки, мыслить о свойстве в отвлечении от вещи. Но в то же время подчёркивает, что «сам феномен общности наглядного впечатления был, в конечном счёте, не чем иным, как зыбким, интуитивным, спонтанным ощущением некоего аморфного признакового единства предметов (образов), составляющих указанный комплекс... В связи с этим можно предположить, что общность наглядного впечатления – смутно ощущавшееся мифологическим сознанием единство признаковой основы комплекса гетерогенных предметов – с введением в обиход мыслительно-познавательной деятельности категории признака стала осознаваться как общий признак этих предметов. Допонятийная природа этого признака, его несущественный для объединявшихся им реалий характер приводили к тому, что классификация явлений на признаковой основе осуществлялась развивавшимся мышлением с учётом значимых для социума, но сущностно не детерминированных или односторонне детерминированных

признаков» (Артёменко 2004, с.11). Иными словами, постепенно рождается категоризация действительности нового типа – категоризация на признаковой основе, причём избираемый в качестве классифицирующего признак является перцептивно воспринимаемой характеристикой объекта. Такого типа классификации (по форме, цвету, запаху, вкусу и т.п.) реалий мы находим как в современных «примитивных» языках, так и в языках высокоразвитых. Рассмотрим перцептивные основания языковых классификаций подробнее.

Детально специфика бесписьменных языков описана в трудах Клода Леви-Строса, Эрнста Кассирера. Так, Леви-Строс указывает, что у индейцев осэдж в одну категорию по признаку связи с небом (а это – зрительно воспринимаемый признак) попадают солнце, звёзды, журавль, ночь; в другую категорию – по признаку связи с водой – мидия, тростник, черепаха, туман, рыбы.

Э.Кассирер приводит многочисленные примеры языковой категоризации, основывающейся на различиях в пространственной форме объектов, которые называют классифицируемые имена. Маркерами отнесения слова к той или иной категории (называния словом группы объектов сходной конфигурации) являются приставки. «В языках племени банту одна приставка, например, выделяет особо крупные предметы и объединяет их в самостоятельный класс, другая выполняет функцию уменьшительного префикса для образования уменьшительной формы; третья приставка обозначает вещи, имеющиеся в двух экземплярах, особенно симметрично расположенные части тела, а четвёртая, наоборот, – объекты, являющиеся уникальными. К этим различиям по величине и числу объектов прибавляются другие, касающиеся взаимного положения предметов в пространстве – их проникновения друг в друга степени их близости друг другу, отдалённости друг от друга – и выражающие в языке это отношение посредством дифференцированной ступенчатой системы пространственных приставок» (Кассирер 2000, с.280).

Исследователь отмечает: и вне группы языков банту также можно найти несомненные свидетельства того, что разведение имён на классы во многом восходит к различиям в пространственной форме. В некоторых меланезийских языках класс круглых, а также длинных или коротких вещей отмечается особой приставкой, которая помещается как перед словами, обозначающими Солнце или Луну, так и перед словами, обозначающими определённый тип каноэ или известные виды рыб. Языки индейцев Северной Америки в большинстве своём не знают простого различия имён по родам, но делят все предметы на одушевлённые и неодушевлённые, далее – на стоящие, сидящие, лежащие, а также на те, что находятся на земле и на воде, на деревянные, каменные и т.д. Строгое действие законов согласования наблюдается и здесь: через вставки глагол изменяет свою форму в объективном спряжении, в зависимости от того, является ли его субъект или объект одушевлённым или неодушевлённым, стоящим, сидящим или лежащим предметом.

Разновидностью языковых классификаций, осуществляющихся на перцептивной (в данном случае – пространственной) основе, является распределение объектов (и, соответственно, их номинаций) на группы по принципу их соотнесения с частями тела человека. «Физическое тело человека и его части являются как бы предпочтительной системой соотносительных понятий, к которой сводится членение пространства и всего того, что в нём содержится. Эволюция языка даёт нам массу доказательств этой взаимосвязи. Во множестве языков – особенно в африканских языках и языках уральско-алтайской группы – слова, служащие выражению пространственных отношений, сплошь восходят к словам, обозначающим конкретные вещества, но прежде всего – части человеческого тела. Понятие «вверху» обозначается словом голова, понятие «сзади» – словом спина и т.д. Ещё более характерным в этом отношении является то, что языковые классификации часто особо выделяют те или иные части человеческого тела и используют их как основу для дальнейших языковых определений и различий. Такой весьма примитивный язык, как южно-андаманский, обладает высокоразвитой классификацией имён, в которой все предметы сначала делятся на основании того, являются ли они человеческим существом, или нет, и в котором, далее, строго различаются между собой и разводятся по классам степени родства и части тела. Каждый класс имеет соответствующую приставку и принадлежащую только ему форму соответствующего притяжательного местоимения. Из частей тела к одному классу относятся голова, мозг, лёгкие, сердце; к другому – рука, палец руки, нога, палец ноги; к третьему – спина, живот, печень, лопатка и т.д.; при этом все части тела делятся на семь классов. Примечательно, что между самими классами родства и классами частей тела опять-таки существуют в высшей степени своеобразные отношения: сын соотносится и идентифицируется с ногами, семенным яичком и т.д., младший брат – с ртом, приёмный сын – с головой, грудью, сердцем» (Кассирер 2000, с.300).

Проведя анализ огромного фактического материала, Эрнст Кассирер приходит к мысли о категоризирующей функции представления в «примитивных» языках, т.е. к мысли о том, что слова разбиваются в этих языковых системах на классы благодаря пространственному сходству реальных, называемых этим и лексемами. «Следует констатировать тот важный факт что в мышлении, представленном в примитивных языках, содержание одного единичного восприятия или созерцания отнюдь не громоздится на другом – здесь единичное также подводится под «всеобщее» и им определяется. Известные основополагающие различия действуют как общая схема, как единые сквозные директивы, по которым постепенно организуется весь созерцаемый мир. *Чувственное впечатление – как только для него находится языковое обозначение – тотчас же относится к определённому классу и тем самым получает понятийное определение...* Вещь никогда не берётся просто как индивидуум, но всегда

лишь в смысле представителя, репрезентанта некоего класса, рода, который явлен в ней в виде единичного случая» (Кассирер 2000, с.320).

Эти идеи созвучны взглядам американского психолога искусства Рудольфа Арнхейма: «По-видимому, рассматривать видение как переход от частного к общему сегодня уже невозможно. Напротив, становится всё более очевидным, что первичными данными восприятия становятся общие структурные особенности воспринимаемого объекта. Поэтому обобщённое представление о треугольнике не есть последний результат интеллектуальной абстракции, а является элементарным опытом, более простым, чем регистрация отдельных деталей» (Арнхейм 2007, с.57).

Элементы языковой категоризации (категоризации действительности, отражённой в языке), осуществляемой на перцептивных основаниях, могут быть найдены не только в примитивных, но и в современных высокоорганизованных языках.

Интересно рассматривает роль чувственных образов в структурировании языковой системы теория классификаторов, у истоков которой стоял американский лингвист Дж. Лакофф. Рассматривая классификаторы японского языка, Лакофф указывает, что основным принципом отнесения предмета к тому или иному классу явлений (что в языке выражено посредством разных классификаторов, предшествующих слову, как артикль в некоторых европейских языках) является схожесть образов данного предмета и других предметов класса.

«Японский классификатор *hon* чаще всего используется с обозначением длинных, тонких, негибких предметов: палок, тросточек, карандашей, свечей, деревьев и т.п. Этот классификатор может употребляться и с обозначением реалий, не имеющих столь ярко выраженных характеристик: удары в бейсболе, прямые траектории образов полётов твёрдых предметов, броски в корзину в баскетболе, мотки или клубки ленты, которые могут быть размотаны, телефонные разговоры, которые идут по проводам. Один и тот же классификатор употребляется со столь разными реалиями действительности, потому что они в сознании носителей языка связаны с одним и тем же зрительным образом – длинной и тонкой линии. Трансформация схемы образа – один из многих типов когнитивных связей, которые могут лежать в основе расширения объёма классификационной категории. Другой важный тип категориальной мотивации связан с существованием конвенциональных ментальных образов. Так, мы знаем, как выглядят катушки и тогда, когда лента разматывается. Иными словами, мы располагаем конвенциональными ментальными образами ленты и тогда, когда она хранится в смотанном виде, и тогда, когда она используется. Образ размотанной ленты соответствует представлению об образе длинного, тонкого предмета... Для описания процесса категоризации могут быть использованы модели нескольких типов. Важнейшие среди них – схематические модели образов. Это специфические схематические представления образов, таких, как траектории, длинные тонкие формы или вместилища... Рош обнаружила,

что категоризация на базовом уровне зависит от рода повседневного человеческого взаимодействия как в вещном мире, так и в культуре. Для категоризации важны такие факторы как образное восприятие, физическое взаимодействие, ментальные образы и роль реалий в культуре... Образные аспекты занимают важное место в человеческом мышлении» (Дж. Лакофф 1988, с.24-28).

Таким образом, можно предположить, что представление способно выполнять категоризирующую функцию как в архаическом мышлении, так и в мышлении современного человека, т.е. выполнять функцию мысленного объединения объектов в один класс. Это объединение осуществляется на разных основаниях: от сближения объектов на основании их пространственной рядоположности (архаическое мышление и комплексное мышление ребёнка) до объединения на базе общности какого-либо перцептивно воспринимаемого признака объектов. Способность представления категоризировать действительность говорит о том, что представлениям, как и понятиям присуще свойство обобщённости. И если представление как форма познания действительности способно обобщать, то, благодаря этой своей существенной черте, перцептивный образ способен войти в структуру лексического значения как компонент.

Рассматривая классифицирующую функцию чувственных образов и возможность формирования на основании перцептивной категоризации действительности лексического значения, следует обратить внимание на то, что информация о той или иной перцептивно значимой характеристике класса объектов, названных словом, может быть маркирована в слове специфическим формантом. Выше было сказано, что об особенностях конфигурации предметов класса в языках бесписьменных народов говорят некоторые приставки существительных и глаголов. Ту же функцию, по мысли Лакоффа, выполняют классификаторы японского языка, предшествующие словам. Но представление может быть «формализовано» в лексеме иначе – не на уровне аффиксов или классификаторов, но в корневой морфеме. Эта идея была разработана А.А. Потебнёй в учении о внутренней форме слова («Мысль и язык», «Психология прозаического и поэтического мышления», «Из записок по русской грамматике»).

1.5. Чувственный образ и внутренняя форма слова

А.А. Потебня различает в слове внешнюю форму, т.е. звуковую оболочку, содержание, объективируемое посредством звука, и внутреннюю форму – ближайшее этимологическое значение слова. Внутренняя форма лексемы – это представление, возникающее в связи со словом, «тот способ, при помощи которого выражается содержание слова» (Потебня 1989, с.160). «Внутренняя форма слова показывает, как представляется человеку его собственная мысль. Так, мысль о туче представлялась народу под формою одного из своих признаков, именно

того, что она вбирает в себя воду, или изливает её из себя, откуда слово туча (корень «ту» – пить, лить)... Названия некоторых цветов ещё и теперь явственно указывают на чувственные образы, из которых они выделены: голубой – цвет голубя, польск. *niebieski* – цвет неба» (Потебня 1989, с.143).

Так как слово возникает на базе чувственного образа, который и закреплён в его этимологии, а чувство субъективно, исследователь называет первое возникшее значение слова субъективным. Однако субъективное по содержанию значение становится объективным по форме за счёт того, что образ закрепляется в слове не во всей своей полноте. «В самом кругу изолированного образа при новых восприятиях одни черты выступают ярче от частого повторения, другие остаются в тени» (Потебня 1989, с.130).

Релевантным для сознания народа становится лишь один признак реалии, который и ложится в основу её наименования (что лишний раз подтверждает способность представлений отвлекать признаки и выполнять функцию обобщения). «Внутренняя форма есть центр образа, один из его признаков, преобладающий над всеми остальными. Это очевидно во всех словах позднейшего образования с ясно определённым этимологическим значением. Бык – ревуший, волк – режуший, медведь – едящий мёд, пчела – жужжащая и проч....Бессознательное слияние нескольких образов, полученных в разное время, в один было бы совершенно невозможно, если бы эти образы, всегда сложные, удерживались душою в одинаковой полноте, а не постоянно распадались посредством отпадения отдельных частей. Это слияние уже есть обобщение» (Потебня 1989, с.130). То есть представление, составляющее внутреннюю форму слова, максимально обобщено, совпадает у многих людей, поэтому значение слова, имеющее чувственную основу, можно считать объективным. «Из личного понимания возникает высшая объективность мысли. Область языкознания народно-субъективна. Она соприкасается, с одной стороны, с областью чисто индивидуальной мысли, с другой стороны – с мыслью научной» (Потебня 1958, с.20).

Со временем этимология слова становится непрозрачной. Значение теряет связь с представлением, так как развивается: в акте коммуникации оно «обрастает» всё новыми и новыми чувственными образами. Слова, лишённые конкретной образности, становятся базой для прозаической речи. Если этимология слова продолжает осмысляться носителями языка, это «поэтическое» слово. «Количество прозаических стихий в языке постоянно увеличивается согласно с естественным ходом развития мысли. Само образование грамматических категорий есть подрыв пластичности речи. ... Но какой бы отвлечённости и глубины ни достигла наша мысль, она не отделяется от необходимости возвращаться, как бы для освежения, к своей исходной точке, представлению. Язык не есть поэзия, а между тем поэзия в нём невозможна, если забыто наглядное значение слова» (Потебня 1989, с.184).

Связь с чувственными образами сохраняют слова народной поэзии. Яркий пример – постоянные эпитеты, где одно слово указывает на внутреннюю форму другого. Например, постоянный эпитет слова берег – крутой, хотя берег не всегда крут. Изначально слово берег обозначало «гора», что родственно немецкому *berg*. Эпитет в данном случае «подновляет» утраченную этимологию слова. По тому же принципу строятся фольклорные словосочетания чёрна хмара (хмара – чёрная), червона калина, ясная заря и т.д.

Следовательно, художественный образ, по мысли А.А. Потебни, родился не как иносказание, а как перцептивная ассоциация. По этой причине языкознание, изучающее строение слова, и литературоведение, исследующее природу образа, должны тесно взаимодействовать. «Нет такого состояния языка, при котором слово теми или другими средствами не могло получить поэтического значения. Очевидно, что характер поэзии должен меняться в зависимости от свойств стихий языка. История литературы должна всё более и более сближаться с историей языка, без которой она так же ненаучна, как физиология без химии. ... В художественном произведении есть те же самые стихии, что и в слове: содержание соответствует понятию, образ соответствует представлению, внешняя форма объективирует художественный образ. Язык во всём своём объёме и каждом отдельном слове соответствует искусству» (Потебня 1989, с.165).

Современная семасиология, исследуя образный компонент значения, не берёт во внимание, осознаётся ли носителями языка этимология слова или нет. Вероятно, невозможно полностью соотнести учение об образном компоненте значения с теоретическими взглядами А.А. Потебни. По мысли великого русского учёного, образная природа слова актуализируется именно в сочетании слов, в поэтическом тексте. Лексикология обычно исследует собственно слово, безотносительно к художественному контексту, психолингвистика – слово в контексте индивидуального сознания. Однако последнее не умаляет значимости учения А.А. Потебни о внутренней форме слова. С позиций интегрального подхода ценно понимание того, что значение по природе своей тесно связано с представлением. Чувственный образ – сущностная характеристика лексического значения.

1.6. Образные ассоциации слова в свете теории метафоры

Дальнейшее изучение «представленческой» составляющей лексического значения в отечественной филологии, по сути, двигалось в направлении, заданном трудами Александра Афанасьевича Потебни. Наиболее востребованными оказались идея о том, что перцептивные образы актуализируются именно в метафорическом словоупотреблении и о том, что чувственную основу имеет лишь значение лексем с незатемнённой внутренней формой. В этой связи информация об образной нагруженности

слова широко представлена в работах, посвящённых исследованию образной лексики и специфических черт метафоры как тропа.

«Лексическая единица обладает свойством образности благодаря взаимодействию в семантической структуре слов двух смысловых планов: предметно-понятийного, включающего определённый набор интегральных и дифференциальных сем и ассоциативно-образного, складывающегося из семантических микрокомпонентов, соответствующих предметно-понятийному содержанию мотивирующих лексических единиц, внедрённых в образное слово посредством его внутренней формы. При таком подходе представляется более целесообразным говорить не об образном компоненте значения, а об образном значении слова, представляющем собой двуплановую денотативно-пропозициональную структуру» (Юрина 2005, с.20).

Е.А. Юрина в докторской диссертации «Комплексное исследование образной лексики русского языка» подчёркивает, что образность слова базируется на мотивированности слова и включает метафоричность. В качестве критериев выделения образных слов языка выдвигаются: мотивированность лексической единицы (или фразеологической единицы), наличием семантической двуплановости в структуре её значения, наличие метафорической внутренней формы слова, осознание образного значения единицы носителями языка, узуальность образного представления, реализованного в семантике языковой единицы.

«Все образные средства языка разделяются на две группы: лексические – собственно образные слова (буквоед, моховик, твердолобый) и языковые метафоры (кипятиться – злиться, блестящий – выдающийся, буря – интенсивное проявление чувств) – и фразеологические – устойчивые образные сравнения (острый как игла, дрожать как осиновый лист), образные словосочетания с творительным сравнения (свернуться калачиком, лететь пулей), образные перифрастические выражения (чёрное золото – нефть), образные идиомы (точить зуб на кого-либо)» (Юрина 2005, с.19). Как видно, в данном случае исследователь не сводит образность слова к способности лексемы вызывать в сознании носителей языка те или иные чувственные представления. Скорее, образность отождествляется с иносказанием, с переносностью смыслов на основании сходства данного объекта с другим, перцептивно воспринимаемым.

«Вслед за традицией, восходящей к идеям А.А. Потебни, Ш.Балли и представленной в работах В.Г. Гака, А.Л. Коралловой, Э.С. Азнауровой, О.И. Блиновой, И.С. Куликовой, Г.Н. Складчиковской, В.Н. Телия и др., предлагается считать образными языковые единицы, способные выразить вторичный ассоциативный образ метафорического характера... Семантическое основание образности составляет двуплановость значения языковой единицы, возникающая на базе совмещения представлений о разнородных предметах. Значение образного слова реализует метафорическую когнитивную модель, позволяющую осуществить концептуализацию определённого онтологического явления по аналогии с

уже сложившейся системой понятий, и выражает типовое образное представление устойчивый ассоциативный образ метафорического характера» (Юрина 2005, с.15). По мысли исследователя, такие слова как, например, ершистый (задиристый, словно колющий, как иглы ерша) и зубастая (критика) (острая, язвительная), выражают типовое образное представление, основанное на переосмыслении физического признака острый. Способность предметов, имеющих хорошо колющий конец или хорошо режущий край, уколоть, порезать и тем самым причинить физическую боль ассоциируется с болью душевной, которую могут причинить злые слова, обидные поступки, резкая критика.

В свете данной концепции далеко не все метафоры являются образными, но лишь те, где актуализируется внутренняя форма слова (под внутренней формой здесь понимается морфо-семантическая структура слова, позволяющая объяснить связь его звучания и значения на основе соотносённости с внеязыковой и языковой действительностью). С другой стороны, не все слова с незатемнённой внутренней формой можно считать образными, ибо «внутрисловным средства выражения образности выступает метафорическая внутренняя форма слова, в которой соотношение прямых значений корневых морфем или прямое значение всей звуковой оболочки слова – для языковых метафор – мотивирует значение образного слова опосредованно, на базе механизма метафорической интеракции. Ср.: лен/тяй – ленивый человек – не метафорическая внутренняя форма слова, прямая мотивация; и бел/о/руч/ка «как если бы был с белыми руками» – метафорическая внутренняя форма, ассоциативно опосредованная мотивация» (Юрина 2005, с.16).

Метафоричность и осмысляемая носителями языка внутренняя форма слова – ключевые критерии отнесения данного слова к фонду образной лексики. Однако для того, чтобы слово обладало образным значением, необходима двуплановость его семантической структуры, где вторым планом значения выступает чувственное представление о реалии; т.е. образное значение слова имеет эмпирическую базу.

Проблематика эмпирических оснований метафоры рассмотрена в работах Дж. Лакоффа, Дж. Миллера, М. Джонсона, Ф. Уилрайта.

В рамках широкого подхода (М. Джонсон, Дж. Лакофф, Дж. Миллер и др.) метафора определяется «не как стилистическая фигура, или украшение речи, а как элемент абстрактного мышления. Понятия, в норме не связанные, объединяются для более глубокого проникновения в суть дела» (Мягкова 2000, с.24).

Метафора рассматривается как способ познания и упорядочения действительности. «Метафора пронизывает всю нашу жизнь и проявляется не только в языке, но и в мышлении и действии. Наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы мыслим и действуем, метафорична по самой своей сути» (Лакофф, Джонсон 1990, с.387). «Мы пытаемся достроить метафорическую информацию таким образом, чтобы

её истинность как можно меньше противоречила нашему представлению о реальном мире. То есть, мы пытаемся сделать мир, который автор нас просит вообразить, похожим на реальный мир» (Миллер 1990, с.247). Иными словами, материал для построения метафоры черпается из окружающей нас действительности.

По мысли Лакоффа и Джонсона, многие метафоры опираются на наш физический опыт, то есть на закреплённые в сознании чувственные образы. «В действительности же мы полагаем, что ни одна метафора не может восприниматься и даже не может быть адекватно представлена независимо от её эмпирических оснований... Две части каждой метафоры связаны только через соответствующее эмпирическое основание и только с помощью данных эмпирических оснований метафора может выполнить свою функцию в понимании текстов» (Лакофф, Джонсон 1990, с.402).

Дж. Лакофф и М. Джонсон пытаются выявить физическую основу некоторых метафорических выражений. Так, счастье традиционно связывается с категорией верха («Я в приподнятом настроении»), а грусть – низа («Я пал духом»). По мысли исследователей, это словоупотребление имеет физическую основу. Грусть и уныние гнетут человека и он опускает голову, а положительные эмоции – распрямляют и заставляют поднять голову. Здоровье и жизнь ориентированы метафорически вверх, болезнь и смерть – вниз. («Лазарь восстал из мёртвых», «Он в наивысшей спортивной форме», «He is sinking fast – он умер, букв. – опускается быстро»). Физическая основа: серьёзная болезнь вынуждает человека лежать, мёртвый падает вниз.

Ф. Уилрайт делит метафоры на три типа: эпифоры, диафоры и архетипические символы. Последние, по мысли исследователя, возникают на базе чувственных представлений. «Архетипические символы – символы, которые несут одно и то же или очень сходные значения для большей части, если не для всего человечества. Некоторые символы (свет, кровь, верх-низ) появляются вновь и вновь в столь отдалённых в пространстве и времени культурах, что какое-либо историческое влияние или причинная связь между ними были бы невероятными. Несмотря на значительное разнообразие человеческих обществ, их способов мышления, как в физическом, так и в психическом строении людей есть определённое естественное сходство» (Уилрайт 1990, с.98).

Ф. Уилрайт отмечает: все люди подвержены физическому закону тяготения, поэтому идти вверх труднее, чем вниз. На базе этого ощущения рождается ассоциация идеи восхождения вверх с идеей достижения. Высота и подъём начинают соотноситься с идеей превосходства. Низ по контрасту связывается с противоположными коннотациями. «Мы «низко падаем», поддаваясь дурным привычкам. Образ Бездны в религиозной символике, связанный с представлением о крутом обрыве, подкрепляется глубоко лежащим в человеке страхом падения» (Уилрайт 1990, с.98).

Один из наиболее распространённых архетипических символов – свет, который соотносят с определёнными умственными и душевными

качествами. Исследователь указывает на несколько особенностей зрительного и тактильного восприятия света, которые обуславливают появление метафорических значений этого слова. «Свет является условием видимости, он ясно очерчивает контуры, исчезающие в темноте. Сделав лёгкий и естественный метафорический шаг, мы можем перейти от этого наблюдаемого действия света в физическом мире к действию разума, устанавливающих границы и формы идей в интеллектуальных конфигурациях. Кроме того свет связан с огнём. Кажущаяся способность огня к самовоспроизводству символизирует «заразительную» способность интеллекта передавать другому интеллекту свой свет и жар» (Уилрайт 1990, с.102).

Сами исследователи признают, что эмпирическая основа метафоры изучена ещё довольно мало, поэтому сказанное выше имеет статус гипотезы. Однако представляется интересной попытка рассмотреть перцепцию как основание метафоры.

В.К. Харченко в статье «Гносеологические аспекты метафоры» указывает на то, что метафоричность зиждется на актуализации представления в значении слова. По мысли исследователя, семантика слова включает в себя и понятийный, и представленческий компоненты, и в многозначном слове могут выходить на первый план и представления, и понятия. Именно анализ семантической структуры многозначного слова позволяет высветить взаимопереходы представлений и понятий в мышлении. «Взаимонеобходимость понятия и представления доказывается анализом многозначной лексики, сравнением прямых и переносных смыслов» (Харченко 1987, с.23).

В.К. Харченко выделяет три способа проявления взаимосвязи представлений и понятий в структуре значения слова. Самый явный из них – генетический, заключающийся в том, что представления стали основой для возникновения понятий в историческом развитии мышления человека. «Представление создаёт основу для возникновения понятий в силу своей целостности, многопризнаковости... Связь между представлением и словом никогда не заканчивается полной победой слова над представлением... Представление – желательный прототип вещей. В силу своей конкретности представление отражает единство многообразного и является конденсатом эмоций... В формировании представлений важную роль играют бессознательные процессы, которые обеспечивают переработку огромного количества информации, следовательно, представления характеризуются высокой информативностью... Представления выполняют познавательную функцию. Они лежат не в начале, а в основе мышления» (Харченко 1987, с.25).

Фундаментальное значение представления в познавательных процессах находит своё отражение в языке: в основе гносеологического фонда языка лежит конкретная лексика (вероятно, в данном случае В.К. Харченко предполагает априори, что слова конкретной семантики в большей степени связаны с чувственно воспринимаемой реальностью, чем абстрактные).

Трансгрессивный тип взаимосвязи представления и понятия в структуре значения слова выражается в том, что одно и то же лексическое значение может функционировать и как представление, и как понятие. «Превращение представлений в понятия происходит при использовании традиционных образов, а также при нагнетании традиционных образов, когда многообразность приводит не к усилению, а к ослаблению наглядности мысли (например, «Книга – светоч сердца, зеркало тела, гонитель пороков, учитель добродетелей, корона мудрых»))» (Харченко 1987, с.27). Превращение понятий в представление, «оживление» образов происходит в случае метафорического употребления слова. В художественных текстах сложилась такая система изобразительных средств, что практически любое слово языка, далёкое подчас от какой-либо наглядности, может стать образным.

Суть третьего способа взаимодействия представления и понятия – функционального – заключается в наличии в структуре значения многозначного слова как понятий, так и представлений. По мысли исследователя, именно в своём переносном значении (в метафорическом употреблении) слово максимально приближается к отражению действительности во всей её наглядности. «Переносные смыслы, метафоры, необходимы как снятие условности наименования... Они необходимы для реконструкции образности прямого значения слова. В прямых значениях больше понятийности, нежели образности» (Харченко 1987, с.29). Как ни парадоксально, но образ прямого значения легче воссоздать не в прямом, а в переносном употреблении данного слова. Вот почему не только переносное значение слова нуждается в прямом, но и прямое значение нуждается в переносных – «этих своеобразных камерах хранения первичной образности». Гносеологическая незаменимость метафоры зиждется на способности метафоры оживлять чувственный образ, который ассоциируется у носителей языка со словом и, тем самым, в некотором смысле снимать условность языкового знака, его немотивированность. В.К. Харченко не только склоняется к мысли о перцептивной базе метафоры, но и высказывает, на наш взгляд, нетривиальную идею о необходимости переносного значения слова для актуализации в его семантической структуре образного компонента.

Во всех рассмотренных выше концепциях чувственный образ, представление рассматривается как возможная база метафоры. Одни исследователи выдвигают гипотезу о перцептивной нагруженности всех метафор, другие – склоняются к мысли о том, что метафорическое словоупотребление можно считать образным (в смысле – рисующим наглядную картинку реалии) лишь в том случае, если лексема имеет незатемнённую внутреннюю форму.

Рассматривая генезис понятий из представлений в мифологическом мышлении, мы акцентировали внимание на ведущей роли античной метафоры в становлении понятий, говорили о том, что возникновение метафоры в античных текстах свидетельствует о зарождении понятийного

мышления древних греков. Отсюда, казалось бы, следует вывод: именно понятие (а не представление) как мыслительная категория на языковом уровне соотносимо с метафорой. И положение о представенческой базе метафоры входит в противоречие с последним. Однако никакого противоречия, на наш взгляд, здесь нет: античный целостный чувственный образ, на базе которого в языковой форме метафоры рождалось античное понятие, не тождествен современному чувственному образу, представлению. Представления в мышлении современного человека характеризуются такими свойствами, как способность отвлекать признаки от объектов и обобщать образ на основе отвлечённого признака. Эти свойства представления находят своё отражение в языке и функционально сближают представление с понятием.

Таким образом, трактуя лексическое значение как отражательное явление, сторонники интегрального похода к значению слова предлагают рассматривать образы, которые ассоциируются в сознании индивида с той или иной лексемой, как составляющую семантической структуры данного слова.

Вероятно, в том числе включенностью чувственного образа в структуру значения слова обусловлена познавательная функция языка. Объём представления нелимитируем, организован нежёстко, что, в свою очередь, частично обеспечивает нелимитируемость лексического значения, способность слова вбирать и хранить всё новую и новую информацию о мире. Интерпретация образных ассоциаций слова как компонента его семантической структуры позволяет вернуть познающего мир субъекта в семиотическую систему «слово – отражаемая реальность». Видимо, в присутствии в структуре значения чувственного компонента выражается антропоцентрическая природа языка как знаковой системы.

Признание чувственной «подложки» лексического значения отражается не только в интегральной концепции значения слова. Сходные идеи находим в работах западных исследователей в рамках различных научных направлений психологии и языкознания.

Так, Хорст Рутроф в рамках корпоральной семантики обосновывает значимость роли «тела» как базы для коммуникации. Согласно этой концепции, «невербальные знаки составляют глубинную структуру языка, а значение – это ассоциация между вербальными и невербальными знаками. При актуализации значения тело обеспечивает квазиперцептивное отображение мира; необходимо восстановить роль тела в теориях языка и значения» (Залевская 2007, с.215). Х.Рутроф подчёркивает, что «ментальные репрезентации в большей мере, чем это принято считать, создаются под социальным контролем» (цит. по: Залевская 2007, с.216).

Кристина Харди, рассматривая значение слова как сеть связей, полагает, что «теория, объясняющая специфику формирования, организации и функционирования значений, должна учитывать такие особенности

познавательной деятельности индивида, как сочетание осознаваемых и неосознаваемых когнитивных процессов и их динамику, взаимопереплетение ощущений, переживаний и абстрактных понятий в мыслительных процессах, взаимодействие между сенсорно-аффективным сознанием и значимым для него окружением» (цит. по: Залевская 2007, с.219).

Патриция Виоли, трактуя значение слова как возникающее из опыта и мотивированное его природой, акцентирует внимание на том, что «семантика неоднородна, её нельзя оторвать от суммы нашего знания и тем самым – от культуры, привычек, социальных обычаев...отношение между языком и неязыковым миром нашего опыта должно рассматриваться через призму перцепции» (цит. по: Залевская 2007, с.224).

В многочисленных исследованиях – как зарубежных, так и российских – посвящённых проблеме образности лексики (под образностью в данном случае понимается переносность значения лексем) выдвигается гипотеза о перцептивных основаниях метафоры.

Информация о чувственном образе может быть формально маркирована в лексеме. Такими маркерами выступают внутренняя форма слова (концепция А.А. Потебни и его последователей), специфические приставки в «примитивных языках», классификаторы (гипотеза перцептивных оснований языковой категоризации). Однако мы в своём исследовании, сосредоточивая внимание на образных ассоциациях слова, не будем принимать во внимание, маркированы ли эти образы в лексеме при помощи соответствующих формантов. Нас интересует весь круг чувственных образов, связанных в сознании индивида с тем или иным словом, а не только ассоциации, ограниченные внутренней формой этого слова.

Возможность рассмотрения образа в качестве компонента структуры значения слова подсказана самой спецификой представления как формы отражения и познания действительности. Обычно, рассматривая лексическое значение как форму отражения действительности на базе отвлечения и обобщения ключевых признаков отражаемой реалии, исследователи соотносят его с понятием. Отражая предмет, понятие отвлекается от его индивидуальных, второстепенных признаков и воспроизводит его в основных, существенных, качественно определяющих свойствах, общих у целого класса предметов. Однако рассмотрение генезиса понятий из представлений (как в онтогенезе, так и в архаическом мышлении), описание категоризирующей функции представлений позволяет предположить, что функция отвлечения и обобщения признаков объектов рождается уже в представлении.

По мысли Рудольфа Арнхейма, «восприятие заключается в образовании «перцептивных понятий»...Данный термин указывает на поразительное сходство между элементарной деятельностью чувственного восприятия и более высокой деятельностью логического мышления... В настоящее время можно утверждать, что на обоих уровнях – перцептивном

и интеллектуальном – действуют одни и те же механизмы. Следовательно, такие термины, как понятие, суждение, абстракция и т.д. должны неизбежно применяться при анализе и описании чувственного познания» (Арнхейм 2007, с.58).

Гносеологическая роль образов-представлений не в том, что они служат промежуточной ступенькой от ощущений к мысли, а в том, что возникающее в чувственно-практической и теоретической деятельности знание постоянно использует образную форму представления как посредника в познании сущности мира.

Глава 2

Образ в структуре значения существительных и глаголов

2.1. Методика выявления и описания образа в структуре значения слова

В рамках интегрального подхода к значению слова, предполагающего включение наглядно-образного компонента в структуру лексического значения, выдвигалась идея, что чувственно-наглядный компонент – обязательная принадлежность прежде всего конкретной лексики. Ср. определение: «Конкретная лексика – это названия (имена и глаголы) чувственно воспринимаемых явлений действительности, которым может быть дано определение остенсивное (указание жестом), простейшее операциональное (физическое воспроизводство), заместительное операциональное (мимика, символический изобразительный жест, рисунок)» (Языковая номинация. Общие вопросы 1977, с. 320).

Как отмечает Н.Д.Арутюнова, «идентифицирующие имена в известном смысле соответствуют образу предмета или стереотипу класса. Когда мы слышим такие имена как *ель, медведь, песок, дерево, еловая шишка* и др., перед нашим мысленным взором прежде всего встает внешний облик, картинка, изображающая очень обобщенный образчик соответствующего класса естественных или иных объектов» (Арутюнова 1980, с. 182-183).

Однако в нашем исследовании выдвигается гипотеза, что образный компонент – неотъемлемая составляющая семантической структуры слова, его существенная черта, вне зависимости от характера семантики лексемы. В связи с этим в качестве материала исследования нами выбраны слова как конкретной, так и абстрактной семантики.

Исследование проводилось на материале лексем четырёх групп: 10 конкретных существительных (рука, глаз, вода, голова, дом, лицо, дверь, книга, завод, стекло); 10 конкретных глаголов (говорить, идти, видеть, дать, есть, стоять, смотреть, взять, входить, писать); 10 абстрактных существительных (дело, время, жизнь, работа, страна, мир, сила, народ,

борьба, труд) и 10 абстрактных глаголов (мочь, знать, хотеть, думать, жить, иметь, понимать, значить, работать, любить).

Слова отобраны среди наиболее частотных по «Частотному словарю» под редакцией Л.Н. Засориной. Выбор в качестве материала исследования существительных и глаголов обусловлен тем, что слова этих частей речи составляют лексическое ядро русского языка и других флективных языков. «В системе частей речи наиболее чётко с помощью парадигматических отношений оформлены существительные и глаголы. Эти два класса слов резко противопоставлены. Другие классы слов формировались на их основе» (Попова, Стернин 2004).

Исследование образа как компонента значения слова осуществлялось с использованием нескольких методов – метода анализа словарных дефиниций и психолингвистического метода перцептивного эксперимента. Комбинация этих методов обусловлена спецификой предмета исследования.

С одной стороны, работа посвящена изучению чувственного образа в системном значении слова. Источником информации о системном значении лексемы являются толковые словари, поэтому нами выбран метод анализа словарных дефиниций. С другой стороны, образ – *чувственная* форма психического явления, объект исследования психологии, и сугубо лингвистические методы выявления образа в значении слова представляются неполными. В связи с этим данные, полученные в ходе анализа словарных дефиниций исследуемых слов, дополнены результатами психолингвистического перцептивного эксперимента.

Традиционно психолингвистические методы используются при исследовании индивидуального сознания, психологически реального значения слова, слова как «достояния индивида», «живого знания» (термины, применяющиеся в работах представителей Тверской психолингвистической школы). Может показаться непоследовательным применение при изучении системного значения слова (чувственного образа как компонента структуры лексического значения) психолингвистических методов исследования. Однако мы полагаем, что данные о системном значении слова могут быть получены именно при изучении индивидуального сознания. Как указывают В.В. Левицкий и И.А. Стернин, лексикология нуждается в применении психолингвистических методов наравне с традиционными лингвистическими, ибо изучает лексическое значение, которое существенно отличается от реляционного и деривационного (объекты изучения фонологии и морфологии). «Там, где вступает в свои права идеальное, содержательное, а не материальное, формальное, поиски объективных методов познания становятся особенно трудными. Последние десятилетия в развитии языкознания характеризуются усиленной разработкой и применением психолингвистических методов для описания лексико-семантической системы» (Левицкий, Стернин 1989, с.4).

В докторской диссертации А.П. Клименко «Проблема лексической системности в психолингвистическом освещении» убедительно показано, что лексикон, находящий отражение в сознании носителей языка, имеет системный характер. «Эта системность лексикона выявляется в различных по характеру психолингвистических экспериментах, причём разные эксперименты раскрывают различные стороны лексической системы» (Клименко 1980, с.357). В работе А.П. Клименко рассматривается, как в ходе психолингвистических экспериментов актуализируются различные аспекты слова как единицы языковой системы – сигматический, семантический, синтаксический и прагматический. Подобные идеи высказаны в трудах Ю.Н. Караулова и его последователей.

Е.Ю.Мягкова, характеризуя трактовку значения слова как достояния индивида, акцентирует внимание на том, что «такое представление о значении не сводит его к индивидуальному, субъективному значению (Леонтьев А.А. 1971; Залевская 1998), и противопоставление объективного и субъективного здесь не имеет смысла, поскольку объективное значение всегда преломляется через индивидуальное, субъективное (Зинченко 1997; Леонтьев Д.А. 1996)» (Мягкова 2000, с.7).

Таким образом, для выявления чувственного образа как компонента значения слова применение метода перцептивного эксперимента наряду с методом анализа словарных дефиниций нам представляется оправданным. Рассмотрим «механизм действия» каждого из методов подробнее.

Информация о чувственных образах, связанных с тем или иным словом, может содержаться в словарной дефиниции лексемы. «Как бы ни старались некоторые исследователи провести водораздел между лингвистическим и экстралингвистическим, мир слов неотделим от мира вещей, и всякий толковый словарь является инвентарём не только слов, но и объектов знаний, составляющих достояние людей, говорящих на этом языке» (Гак 1971, с.56).

Как указывает Ю.Д. Апресян, составление дефиниции толкового словаря должно начинаться с анализа типовой ситуации, для называния которой используется данное слово, который складывается из перечисления свойств или действий её участников и описания связывающих их отношений. Иными словами, при формулировании словарной дефиниции лексикограф прежде всего «работает» с чувственным образом реалии. Так, например, «*костёр* определяется в словарях как «горящая куча дров, сучьев». Представим себе, однако, кучу дров или сучьев, горящую в печке или камине; очевидно, её нельзя назвать костром. Существенным свойством костра является незамкнутость, открытость ближайшего к нему пространства. С другой стороны, костёр не обязательно разводят на основе дров или сучьев – материалом для него может послужить и солома; существенно, однако, использование твёрдого топлива...Анализ этих и им подобных ситуаций приводит к следующему более полному и корректному определению: костёр – устройство для получения огня – компактно уложенные не

в специально огороженном пространстве куски твёрдого топлива, или сам огонь этого устройства» (Апресян 1974, с.99).

Следует отметить, что описание образа не является прерогативой толковых словарей, ибо словарная статья направлена прежде всего на описание денотативного компонента значения. Она отражает на метаязыке общепринятое значение слова, однако присутствие в словарной статье описания конкретного чувственного образа, связанного с тем или иным словом, может быть расценено как аргумент в пользу включения образного компонента в структуру значения данного слова.

Словарная дефиниция отражает образный компонент значения различными способами.

- «1) Она может перечислять внешние признаки предмета,
- 2) может отсылать к признакам другого предмета, т.е. указывать на подобие признаков,
- 3) вербальная дефиниция может указывать на вес предмета,
- 4) на вкус предмета,
- 5) на звучание референта,
- 6) на характерный запах референта» (Стернин 1979, с.142).

Информация о чувственных образах, соотносимых с лексемой, может быть получена в ходе психолингвистических экспериментов разных типов, главным образом – ассоциативных. «Ассоциация – возникающая в опыте индивида закономерная связь между двумя содержаниями сознания, которая выражается в том, что появление в сознании одного из содержаний влечёт за собой появление другого» (Психологический словарь 1999, с.26). Метод ассоциативного эксперимента был предложен в начале XX века К.Г. Юнгом, М. Вертгеймером и Д. Клейном. Испытуемый должен был отвечать на определённый набор слов-стимулов как можно быстрее любым пришедшим ему на ум словом. Сегодня в психологии (и психолингвистике) выделяется несколько типов ассоциативного эксперимента:

«1. Свободный ассоциативный эксперимент – испытуемый в ответ на предъявляемое экспериментатором слово-стимул отвечает как можно быстрее первым пришедшим на ум словом.

2. Направленный ассоциативный эксперимент – отличие от свободного ассоциативного эксперимента состоит в том, что испытуемому предлагают отвечать не любым словом, а из ограниченной области.

3. Цепной ассоциативный эксперимент – испытуемому могут предложить в течении определённого времени произносить любые приходящие в голову слова» (Большой психологический словарь 2005, с.672).

Для выявления образных реакций изначально нами был опробован метод свободного ассоциативного эксперимента, но в ходе его проведения на слова экспериментального списка было получено большое количество ассоциаций, не являющихся образными.

Наиболее соответствующими целям и задачам данного исследования представляются психолингвистические эксперименты, в инструкции которых заданы некоторые ограничения. Направленность проведённого нами эксперимента выражается в том, что испытуемым предлагается реагировать на слово-стимул не любым словом, но описывать именно возникающие в связи с лексемой чувственные образы. Применённый в исследовании психолингвистический эксперимент по типу является направленным, по объекту исследования – представляет собой специфический вид психолингвистического исследования – перцептивный эксперимент.

Наше исследование проводилось на материале опроса учеников 11-х классов МОУСОШ №13 г. Воронежа (100 испытуемых) и студентов Воронежского государственного университета (200 испытуемых).

Часто в психолингвистических экспериментах исходный список слов предоставляется испытуемым в письменной форме. Мы провели эксперимент в устной форме, так как слов для описания предлагалось сравнительно немного, и в процессе выполнения задания испытуемые не утомлялись.

Эксперимент поведился в форме группового теста. Возможность советоваться, заглядывать в ответ к соседу исключалась.

В перцептивном эксперименте использовалась следующая инструкция:

«Опишите всё, что вы видите, слышите, чувствуете, когда звучит каждое из слов экспериментального списка».

Ввиду того, что нам была важна по возможности полная картина образных реакций, время проведения эксперимента не ограничивалось.

При обработке результатов эксперимента учитывались все реакции, в том числе и единичные. Полученные в ходе эксперимента данные приведены в систему: за исходным словом следует полное перечисление ответов в порядке по их частотности. В конце указывается число опрошенных и количество отказов по данному слову. Например,

Дверь: деревянная 99; белая 30; ручка круглая; железная 23; большая; с замком 20; ручка золотая 18; коричневая 15; с ручкой 13; ручка деревянная 12; ручка железная 11; резная; дубовая 10; скрипит; открывается-закрывается 8; закрыта; дверь с надписью; с глазком 7; открыта; замок; открывается в мою комнату 6; барьер; входная; ручка витая 5; ручка чёрная; пустой проём; прямоугольник; стеклянный глазок; белая ручка; две створки 4; массивная; покрыта лаком; петли; ручки нет; ручка коричневая 3; обита чёрной кожей; вход в небо; замочная скважина; щелчок замка; чувство неизвестности; тяну её за ручку; старинная; тяжёлая; чёрная; чернота за дверью; ручка – голова льва; красная ручка; ручка с замком 2; в комнате; ручка блестит; с обжигом; моя комната; в ванную; ключ в замке; дерево; красное дерево; тёмная ручка; в ВГУ; много замков; я захожу в комнату; несколько досок в проёме; доска в косяке; висит в воздухе; ставни; некрашеная; прозрачная; отталкиваю легко; ночь: полоска света из двери; дорога; свет в дверном стекле; высокая; крупная ручка; ключ; голубая; порог; ручка зелёная; ручка квадратная; ручка-кольцо; ручка-скоба; с колокольчиком; со стеклом 1; 300. Отк. – 1.

Следует отметить, что эксперимент, направленный на выявление образных представлений, изначально сопряжён с некоторыми трудностями. Участники такого эксперимента поставлены перед извечной психологической проблемой объективизации субъективного: образ субъективен по форме существования. Кроме того, существенные характеристики представления как способа отражения действительности также делают его описание затруднительным. «Исследование вторичных образов сталкивается с трудностями, которые вызваны в первую очередь отсутствием наличного, непосредственно действующего объекта-раздражителя, с которым может быть прямо соотнесено актуальное содержание представления. Помимо того, из-за отсутствия непосредственного воздействия представляемого объекта само представление является трудно поддающейся фиксации «летучей» структурой» (Веккер 1974, с.279).

Для адекватного описания индивидуальных чувственных образов испытуемым может просто «не хватать слов». Возможно, приблизит к решению этой проблемы применение иных экспериментальных методик. Можно, например, предложить испытуемым нарисовать то, что они видят в связи с тем или иным словом. Однако применение данной методики влечёт за собой ряд новых проблем - участники эксперимента могут не уметь рисовать, не уметь пользоваться красками и под. Схематичное изображение не всегда соответствует реальному зрительному образу, хотя некоторые объекты действительности, очевидно, запечатлены в сознании в виде катинок-схем. Эти вопросы ещё требуют разрешения.

При обсуждении результатов перцептивного эксперимента мы столкнулись с проблемой выбора классификационных оснований полученного материала.

Так как предмет нашего исследования – чувственные образы, мы предприняли попытку классифицировать образы по наиболее обобщённому признаку – по модальности, или по перцептивному основанию. Образные представления можно разделить на *зрительные, слуховые, осязательные, обонятельные, вкусовые*.

Исследуя выявленные в ходе эксперимента зрительные образы, мы обратили внимание на то, что они различаются по уровню схематизации представления (ср.: *дверь*: «обита чёрной кожей» и «прямоугольник»), поэтому зрительные представления, в свою очередь, тоже следует классифицировать.

При классификации зрительных чувственных образов мы использовали терминологию, применяющуюся в когнитологии и когнитивной лингвистике для описания форм репрезентации знаний. В зависимости от степени схематичности представления предлагаем подразделять зрительные образы на *образы-картинки и образы-схемы*. Мыслительная картинка как форма репрезентации знаний «снимается в коллективном сознании носителей языка с присущих предмету характеристик. Цветовая гамма зрительного образа предмета мысли, линейные, объёмные

параметры, особенности конфигурации и другие данные считываются в результате зрительного восприятия» (Бабушкин 1996, с.19).

«Схема по своей природе похожа на мыслительную картинку, но она менее проработана в деталях, напоминая не живопись, а графику. Так, слово река может объективироваться в сознании в виде голубой ленты, извилистой линии, как на детском рисунке или географической карте» (Бабушкин 1996, с.49).

Однако при изучении чувственного образа как компонента структуры значения слова классификации представлений по модальности оказывается недостаточно.

Ж.Верньо указывает на то, что реальность в нашем представлении может быть отражена двойственно: как ансамбль ситуаций и как ансамбль объектов (Верньо 1995). По характеру отражения реальности в чувственном образе мы предлагаем подразделять выявленные образы *на образы объекта и образы ситуации*.

Ф.Е. Василюк в статье «Структура образа» (Василюк 1993, с.9) отмечает, что существует ряд слов, в образных ассоциациях которых предметность выступает на первый план. По мнению исследователя, испытуемый не вслушивается в слово, не вдумывается в понятие, его сознание сразу от слова, сквозь понятие направляется на внешний мир, в котором испытуемый находит соответствующую предметную ситуацию. Статичный предмет становится доминантой образа. Образы, где предмет видится изолированным и неподвижным, мы будем называть *статическими*. Помимо статических образов в перечне реакций присутствуют *динамические* образы, которые отражают предмет в движении. Т.е. по степени динамичности представления мы будем различать динамические и статические образы.

Некоторые выявленные экспериментальным путём чувственные образы обусловлены ситуацией, в которой проводился эксперимент. При проведении психолингвистических экспериментов исследователи часто сталкиваются с общенаучной проблемой взаимодействия прибора и объекта исследования, внимание к которой изначально возникло не в сфере гуманитарного познания, но в связи с исследованиями в области квантовой физики. «При обсуждении гносеологических проблем эксперимента часто упоминают проблему возмущающего влияния прибора: прибор своим воздействием меняет первоначальное состояние объекта, то влияние принципиально неустранимо, и поэтому мы не в состоянии знать невозмущённое состояние объекта» (Пахомов 1970, с.355). Возникает вопрос: как исследовать «чистый объект», отграничиться от искажений, которые вносит в эксперимент сам инструмент исследования (в нашем случае такие искажения обуславливаются ситуацией проведения эксперимента, так как, описывая чувственные образы, испытуемые могут начать описывать окружающую их в данный момент обстановку).

На наш взгляд, образы, обусловленные ситуацией эксперимента, не лишают результаты эксперимента объективности, ибо такие реакции – тоже объективация индивидуальных чувственных представлений. Кроме того, «необходимо принять во внимание, что всегда и во всех случаях мы непосредственно выявляем свойства вещей, т.е. их специфические реакции на внешние воздействия. Думать, будто бы какое бы то ни было материальное тело имеет какие-то свойства само по себе, вне всякого взаимодействия, – значит впадать в метафизику в самом дурном смысле. Таким образом, возмущения объекта принципиально необходимы для выявления его свойств» (Пахомов 1970, с.356). В ходе обсуждения результатов эксперимента нами учитываются образы, обусловленные ситуацией эксперимента. В зависимости от обусловленности образа экспериментальной ситуацией мы будем подразделять представления на *ситуативные и внеситуативные*.

Следует отметить, что не все чувственные образы могут быть однозначно отнесены к той или иной классификационной группе. По мысли А.А. Потебни, в чувственном образе нет ни действия, ни качества, ни предмета, взятых отдельно, но всё это в нераздельном единстве.

При обсуждении результатов эксперимента мы отметили, что реакции различаются не только по содержанию отражённых в них чувственных образов, но и по самому способу экспликации этих чувственных образов. Для иллюстрации этой особенности объективации чувственных представлений в перцептивном эксперименте рассмотрим две пары реакций.

Сопоставим реакции, полученные в связи с лексемой *дом*: «шестнадцатизэтажный дом» и «большой дом». В первом случае представление детализировано, во втором – только названо. Не исключено, что в обоих ответах эксплицированы одинаковые чувственные образы, однако по-разному формулируется их описание.

Рассмотрим другую пару реакций. Среди образных ассоциаций, вызванных лексемой *лицо*, находим: «круглое лицо» и «красивое лицо». В первом случае вербализован зрительный образ, содержание которого ясно прочитывается: ответ респондента содержит указание на форму объекта. Во втором случае в реакции также объективировано зрительное представление, но характеристики отражённого в образе объекта оказываются затемнёнными, скрытыми. Здесь описание чувственного образа подменяется его оценкой. То есть, по всей видимости, обе реакции – «круглое лицо» и «красивое лицо» - являются объективациями зрительного чувственного образа, однако во втором случае на перцепцию наслаивается оценка, затемняя содержание чувственного образа. Также в эксперименте получены эмоционально окрашенные чувственные образы.

Эмоционально-оценочная окрашенность выявленных в перцептивном эксперименте чувственных образов подтверждает гипотезу, выдвинутую Е.Ю. Мягковой. Согласно концепции исследователя, «с точки зрения понимания слова как средства доступа к единой информационной базе

человека *каждое* слово в той или иной степени обладает определенными эмоционально-чувственными характеристиками, которые могут трактоваться как *эмоционально-чувственный компонент значения слова*... Преломляясь через индивидуальный опыт человека, слово не может не окрашиваться многочисленными впечатлениями, переживаниями, отношениями и т.д. Отсюда следует, что такая окраска должна быть неотъемлемой характеристикой *каждого* слова, независимо от того, к какой лексико-семантической группе оно принадлежит согласно лингвистической классификации» (Мягкова 2000, с.5-8).

В задачи нашего исследования не входит отдельное рассмотрение эмоционального компонента значения слова и, следовательно, детальная классификация выявленных в ходе эксперимента эмоционально-оценочных реакций. При обсуждении результатов исследования мы ограничимся констатацией наличия перцептивных образов, характеризующихся эмоционально-оценочной нагруженностью.

Обе пары рассмотренных выше реакций, на наш взгляд, свидетельствуют о том, что следует различать *содержание образа* и *способ его объективации*. Все рассмотренные выше классификации образных реакций – это классификации чувственного образа по его содержанию, отражающие типологию чувственного образа как компонента лексического значения. При обсуждении результатов эксперимента мы также будем классифицировать реакции по способу объективации чувственного образа. По способу объективации представления будем различать *эмоционально-оценочные образы* и *образы, лишённые эмоционально-оценочной окрашенности*; *детализированные образы* и *обобщённые*.

Таким образом, реакции, полученные в ходе перцептивного эксперимента, будут разбиты на следующие классификационные группы.

По типу образа

1. *Зрительные образы*
Слуховые образы
Осязательные образы
Вкусовые образы
Обонятельные образы
2. Среди зрительных образов:
Образы-схемы
Образы-картинки
3. *Образы объекта*
Образы ситуации
4. *Статические образы*
Динамические образы
5. *Образы, обусловленные ситуацией эксперимента*
Внеситуативные образы

По типу объективации образа:

1. Эмоционально-оценочные образы

Образы без эмоционально-оценочной составляющей

2. Обобщённые образы

Детализированные образы

2.2. Лексикографическая объективация чувственного образа

Нами были проанализированы словарные дефиниции всех исследуемых слов на предмет содержания в них информации о чувственных образах. Объектом исследования стали современные толковые словари русского литературного языка – «Словарь русского языка в 4-х томах» под редакцией А.П.Евгеньевой (1981 г.), «Большой толковый словарь русского языка» под редакцией С.А.Кузнецова (1998 г.), «Толковый словарь русского языка» под редакцией С.И.Ожегова, Н.Ю. Шведовой (1999 г.).

Словарные дефиниции всех исследуемых конкретных существительных и глаголов, а также большей части абстрактных существительных и глаголов включают в себя указания на чувственные образы.

Информация о чувственном образе может быть отражена в дефиниции тремя способами:

1) непосредственно в толковании значения (например, *рука* «1. каждая из двух верхних конечностей человека *от плечевого сустава до кончиков пальцев, а также от запястья до кончиков пальцев*» (Кузнецов 1998, с.1132);

2) в примерах, сопровождающих это толкование (например, *рука*: пример к толкованию значения № 1: «*Скрестить руки на груди*», «*Вести ребёнка за руку*» (Кузнецов 1998, с.1132);

3) определение в толковом словаре может содержать лакуну, «отводимую» под описание чувственного образа, т.е. в толковании задана позиция, которая может быть заполнена описанием чувственного образа, хотя сам образ непосредственно не описан (например, *стоять* «4. Помещаться, находиться *где-либо, в чём-либо* в вертикальном положении» (Кузнецов 1998, с.1275).

Такие позиции обычно задаются при помощи указательных и неопределённых местоимений. Это обусловлено особенностью местоимения как части речи. Оно выполняет дейктическую функцию, т.е. указывает на предмет, признак, место, не называя их.

Также позиция, предполагающая возможную актуализацию информации о чувственном образе, может быть задана при помощи инфинитива (например, *дом* «2. Своё жильё, а также семья, люди, объединённые общими интересами, условиями существования. *Выйти из дому*» (Ожегов, Шведова 1999, с.174). Неопределённая форма глагола предполагает наличие действующего лица, но не конкретизирует, не называет его.

Кроме того, позиции для информации о чувственных образах могут быть заданы при помощи существительных абстрактной семантики (таких существительных, как «масса», «множество» и т.п.). Например, в толковании второго значения глагола *идти* присутствует позиция «под чувственный образ»: «2. Перемещаться *массой, потоком, вереницей*» (Кузнецов 1998, с.375).

Нередко непосредственно в толковании слова содержится лакуна «под чувственный образ», которая конкретизируется в примерах, сопровождающих это толкование (*стоять* «4. Быть, находиться, располагаться *где-либо*. Пр.: *У дороги* стоит берёза» (Кузнецов 1998, с.1275); *идти* «2.Перемещаться *массой, потоком, вереницей*. Пр.: *Идёт косяк рыбы; лёд идёт по реке*» (Кузнецов 1998, с.375); *идти* «11. Падать, лить (*об осадках*). Пр.: *Снег идёт*» (Кузнецов 1998, с.375).

Специфика места объективации чувственного образа в словарной статье связана с семантикой толкуемого слова.

В словарных толкованиях существительных конкретной семантики наиболее часто информация о чувственном образе содержится непосредственно в самой дефиниции значения слова. Это связано с особенностями лексического значения конкретного существительного. Оно обозначает чувственно воспринимаемые явления действительности, поэтому словарная дефиниция обычно указывает на внешние признаки предмета, который называет существительное (Например, *глаз* «1. Парный орган зрения человека и животных, *расположенный в глазных впадинах (лица, морды) и прикрываемый веками, ресницами*» (Кузнецов 1998, с.207).

Обычно сведения о чувственных образах содержатся в толковании первого значения конкретного существительного. Показательно, что эта же особенность выявлена в ходе перцептивного эксперимента: реакции, полученные в связи с существительными конкретной семантики, соотносимы по преимуществу именно с первым значением этих слов.

Информация о чувственных представлениях, связанных с абстрактными существительными, преимущественно отражена в примерах, сопутствующих словарной дефиниции (Например, *жизнь*. Пример к значению 8: «*К вечеру жизнь на улицах замирает*»). Можно говорить о тяготении словарной дефиниции к отражению чувственных образов.

Обычно информация о чувственном образе обнаруживается в толковании нескольких значений многозначного абстрактного существительного, причём не обязательно первого значения.

Некоторые исследуемые многозначные существительные (*время, сила, работа, жизнь*) являются терминами различных дисциплин. Обычно толкование терминологического значения таких слов идёт в словарной статье первым. Так как термины – категории высокой степени научной абстракции, нет необходимости включать в дефиницию указание на чувственные образы (*Время*: «1.Одна из форм существования бесконечно развивающейся материи – последовательная смена её явлений

и существований. Пр.: Вне времени и пространства нет движения материи» (Ожегов, Шведова 1999, с. 103).

Информация об образе содержится как непосредственно в толковании значений конкретных глаголов, так и в примерах, сопровождающих дефиницию (например, *идти*: 1. Двигаться, передвигаться, *ступая ногами*. Пр.: *Конь шёл вслед за хозяином*) (Кузнецов 1998, с.375). Нередко в толковании значения отводится лакуна «под чувственный образ», которая наполняется содержанием в примере, сопутствующем этому толкованию (например, *стоять* «2. Выполнять *какую-либо* работу, заниматься *каким-либо* делом, связанным с пребыванием в таком положении. Пр.: *Стоять у станка*») (Кузнецов 1998, с.1275).

Информация об образе присутствует преимущественно в толковании первого значения конкретных глаголов, что обусловлено их семантикой. Конкретные глаголы обозначают действия (прямое значение), которые можно визуально наблюдать в действительности. Эта же особенность образного восприятия глаголов конкретной семантики выявлена и на материале данных перцептивного эксперимента.

Информация о чувственных образах, объективированная в тексте словарной дефиниции, может быть соотносима с глагольными сочетаниями (*Стоять*: пример к толкованию значения 3 «*Волосы, шерсть стоят дыбом*») (Кузнецов 1998, с.1275). Актуализированный в примере зрительный образ соотносим не с глаголом *стоять*, а со словосочетанием *стоять дыбом*. *Идти*: пример к толкованию значения 1: «*Конь шёл ровной, машистой рысью, почти не колеблясь спиной, с вытянутой вперёд шеей*. Куприн (Евгеньева 1981, с.631). В данном случае всё предложение описывает чувственный образ, связанный со словосочетанием *идти рысью*).

В словарных толкованиях абстрактных глаголов указания на чувственные образы часто содержатся в примерах, иллюстрирующих словарную дефиницию. Непосредственно в толковании значения могут отводиться позиции, предполагающие наполнение информацией о чувственных образах (Например, *работать*: «4. Приводить *что-либо* в действие, управлять, действовать *чем-либо* (инструментом, орудием). Работать *лопатой, вилами, педалями*») (Кузнецов 1998, с.1054). Такой же способ отражения чувственных образов представлен в словарных дефинициях конкретных глаголов.

Чувственные образы выявляются не только в толковании первого значения многозначных абстрактных глаголов. Эта особенность объективации чувственного образа коррелирует с отражением чувственных образов в словарных статьях многозначных абстрактных существительных.

В ходе рассмотрения словарных дефиниций исследуемых существительных и глаголов мы не придерживались классификации чувственных образов, используемой при обсуждении результатов перцептивного эксперимента. Из всех классификационных категорий

в данном случае оказалось востребованным только деление образов по перцептивному основанию, т.е. по принадлежности к органам чувств. Деление чувственных образов на обусловленные ситуацией эксперимента и внеситуативные в данном случае нерелевантно. Классификация чувственных образов по характеру отражения реальности – т.е. выделение образов объекта/ситуации, статических/динамических представлений в данном случае затруднительна, так как мы исследуем текстовую объективацию чувственного образа, а в тексте сложно сколь-либо однозначно определить эти характеристики чувственного образа.

В словарных толкованиях как существительных и глаголов конкретной, так и абстрактной семантики содержится информация преимущественно о зрительных образах. Например, *стоять* «1. *Находиться в вертикальном положении, не двигаться с места, занимать место где-либо, находясь в таком положении*» (Кузнецов 1998, с.1275); *книга* «1. *Произведение печати в виде сброшюрованных, переплетённых вместе листов с каким-либо текстом*» (Кузнецов 1998, с.435); *лицо* «1. *Передняя часть головы человека*» (Евгеньева 1981, с.191).

Также в словарных толкованиях присутствует информация о слуховых чувственных образах: *мир* «Пр. к значению 3: *Настала ночь, весь мир затих*» (Евгеньева 1981, с.274); об осязательных чувственных образах: *сила* «1. *Способность живых существ к физическим действиям, требующим значительного напряжения мышц*» (Кузнецов 1998, с.1184); *стекло* «1. *Твёрдый, достаточной прочности и разной степени прозрачности материал, получаемый при остывании кварцевого песка с некоторыми другими веществами*» (Кузнецов 1998, с.1265). Как видно из последнего примера, одна словарная дефиниция может содержать информацию о перцептивных образах разных типов, в данном случае – об осязательном и зрительном чувственных образах.

В тексте словарной дефиниции присутствует информация о синестетических чувственных образах (при обсуждении результатов перцептивного эксперимента в связи с некоторыми лексемами также выявлены синестетические образы). Так, в примере, сопровождающем словарное толкование существительного *рука* «*Вести ребёнка за руку, сжимая кисть ладонью*» (Кузнецов 1998, с.1132), содержится информация о чувственном образе, который может быть истолкован и как зрительный, и как осязательный одновременно. Пример, сопровождающий толкование одного из значений существительного *стекло* «*Стекло впилося в руку*» (Кузнецов 1998, с.1265) содержит информацию и о зрительном, и об осязательном образе. В примере, сопровождающем толкование одного из значений глагола *говорить*, содержится информация и о зрительном, и о слуховом образе одновременно: «*Говорить по телефону*» (Кузнецов 1998, с.20).

В словарных дефинициях синестетических образов выявляется больше, чем в перцептивном эксперименте. При обсуждении результатов эксперимента мы предпримем попытку объяснить появление

синестетических образов особенностями представления как формы отражения действительности. Представление – это целостный образ ситуации, реалии. Выявление большого количества синестетических образов именно на материале словарной статьи обусловлено, главным образом, особенностью текстовой экспликации информации о чувственном образе. Предложение номинирует ситуацию, а не изолированно воспринимаемый объект. В сознании складывается целостная картинка ситуации, сочетающая данные различных органов чувств. Следовательно, можно предположить, что предложение, называя ситуацию, потенциально содержит информацию именно о синестетических представлениях, которые наиболее адекватно отражают эту ситуацию. Из сказанного выше следует, что специфика чувственного образа как компонента лексического значения обусловлена в том числе источником получения информации об этом образе: перцептивные образы, объективированные в тексте в большинстве случаев синестетичны.

При обсуждении результатов перцептивного эксперимента нами предпринята попытка классификации образов по способу их объективации. Эта классификация – т.е. деление чувственных образов на эмоционально-оценочные и лишённые эмоционально-оценочной окрашенности; обобщённо сформулированные и детализированные – может быть востребована и при рассмотрении лексикографической объективации чувственного образа.

В словарных дефинициях лексем конкретной и абстрактной семантики содержатся эмоционально-оценочные образы. Однако, если в ходе перцептивного эксперимента большее количество эмоционально-оценочных образов выявлено именно в связи с существительными и глаголами абстрактной семантики (см. ниже), то здесь такая закономерность не обнаруживается (например: конкретное существительное *лицо*, пример к значению 1: «*Приятное* лицо» (Кузнецов 1998, с.501); абстрактное существительное *страна*, пример к значению 1: «Полесье сохранилось у меня в памяти как *печальная* и немного *загадочная* страна» (Евгеньева 1981, с.281); конкретный глагол *есть*, толкование значения 7: «7. Разг. *Изводить бесконечными попрёками, замечаниями, придирками*» (Кузнецов 1998, с.297); абстрактный глагол *работать*, пример к значению 4: «Пассажиры *грубо и озлобленно* работали локтями» (Евгеньева 1981, с.575).

В словарных толкованиях так же, как и в ходе проведения перцептивного эксперимента, по способу объективации образа обнаруживаются и обобщённые, и детализированные образы. Степень детализированности образа, отражённого в тексте словаря, связана с идиостилем лексикографа. Большинство детализированных образов находим в словаре под редакцией А.П. Евгеньевой, так как там в качестве примеров, сопровождающих словарные дефиниции, взяты предложения из художественных текстов. В словарях С.А.Кузнецова и С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой детализированных образов обнаружено меньше, потому

что в качестве примеров выступают не предложения, но по преимуществу словосочетания. Приведём для сравнения словарные толкования абстрактного существительного *дело*, данные в исследуемых словарях:

Дело

1. Работа, занятие, деятельность. *Привычное дело.*
2. Круг ведения. *Дело совести.*
3. Надобность, нужда. *Ходить по делам.*
4. Нечто важное, нужное. *Говори дело.*
5. Сфера знаний, деятельности, работы. *Столярное дело.*
6. То же, что предприятие. *У фирмы выгодное дело.*
7. Событие, обстоятельство, факт. *Дело было осенью.*
8. Судебное дело, разбирательство, процесс. *Слушается дело.*
9. Собрание документов, относящихся к какому-нибудь факту или лицу. *Папка для дел.*

(Ожегов, Шведова 1999, с.159).

Непосредственно словарные толкования существительного не включают информации о чувственных образах. Информация о чувственном образе содержится в примерах, сопровождающих толкования значений № 8 и № 9. В обоих случаях образы не детализированы, но только названы.

Дело

1. Работа, занятие, деятельность. *Срочное дело*
2. Практическая деятельность, действие. *Дело чести.*
3. То, что непосредственно касается кого-чего либо, входит в чьё-либо ведение. *Лезть не в своё дело.*
4. То, что полезно, важно, существенно. *Я дело говорю.*
5. Специальность, профессия, круг занятий. *Столярное дело.*
6. Небольшое промышленное или торговое предприятие. *Открыть своё дело.*
7. Надобность, нужда, потребность в чём-либо. *У меня есть к тебе дело.*
8. Судебное дело, разбирательство, процесс. *Уголовное дело.*
9. Собрание документов, относящихся к какому-нибудь факту или лицу. *Перелистать дело.*
10. Сражение, бой. *Вступил в дело отдельный полк*
11. Происшествие, событие, факт. *Дела давно минувших дней.*
12. Положение вещей, обстановка, обстоятельства, связанные с чем-либо. *Дела его плохи.*
13. Вещь, явление. *Восток дело тонкое.*

(Кузнецов 1998, с.248)

Информация о чувственных образах присутствует в примерах, иллюстрирующих толкование значений № 9 и № 10. В обоих случаях образы лишь названы, но не конкретизированы.

Дело

1. Работа, занятие, деятельность. *Он ковал подкову за подковой, отбрасывая их одну за другой в кучу; проходя уже довольно поздно вечером, я подошёл к балагану и увидел старика за тем же делом (Гаршин)*
2. Практическая деятельность, действие. *Мечтать о том, чтоб расстояние от мечты до дела было самым кратчайшим (В.Кожевников)*

3. То, что непосредственно, близко касается кого-чего либо, входит в чьё-либо ведение. *Лезть не в своё дело.*
4. То, что полезно, важно, существенно. *Не плачь, я дело говорю (Грибоедов).*
5. Специальность, профессия, круг занятий. *Военное дело.*
6. Небольшое промышленное или торговое предприятие. *Открыть своё дело.*
7. Деловая надобность, нужда, потребность в чём-либо. *Какое нам с вами дело до Бессонова? (Гаршин).*
8. Судебное дело, разбирательство по поводу какого-либо события, факта, судебный процесс. *Уголовное дело.*
9. Собрание документов, относящихся к какому-нибудь факту или лицу. *Записки были подшиты в толстом деле для переписки с участниками (Ажаев).*
10. Сражение, бой. *Час назад вступил в дело отдельный полк Хохлова (Бондарев)*
11. Происшествие, событие, факт. *Вдруг в глазах моих свершилось невероятное дело: отец внезапно поднял хлыст (Тургенев)*

(Евгеньева 1981, с.382)

Информация о чувственных образах содержится в примерах, сопровождающих толкования значений № 1, 9, 10, 11. Во всех случаях образы описаны детально, что обусловлено самой формой объективации чувственного образа: картинки ситуаций отражены в распространённых предложениях художественных текстов.

Рассмотренные словарные толкования свидетельствуют о том, что текстовая объективация чувственного образа отличается от объективации образа в перцептивном эксперименте. Если чувственное представление овнешляется в связном тексте, или даже в одном предложении текста, то в описании чувственного образа могут участвовать все слова предложения. Следовательно, при рассмотрении предложения на предмет объективации в нём чувственного образа, сложно однозначно определить, какое из слов несёт образную нагрузку, а какое – нет. Можно предположить, что каждое слово текста, из которого извлекается информация о чувственных образах, «перцептивно заряжено», и, соответственно, любое слово, независимо от его семантики и частеречной принадлежности, попав в соответствующий контекст, может стать чувственно нагруженным.

Из сказанного выше следует, что при рассмотрении лексикографической объективации чувственного образа особенно важным становится не определение типов чувственных образов, но выявление способов объективации информации о чувственных образах в тексте. Информация о типах и свойствах самого чувственного представления как компонента лексического значения может быть извлечена, в свою очередь, из данных перцептивного эксперимента.

Лингвистика накопила богатый материал, посвящённый описанию текстовой объективации чувственных образов. По преимуществу такого типа исследования проводились на базе анализа художественных текстов. Актуализация в тексте чувственных образов некоторыми исследователями

связывается с присутствием в тексте тропов, главным образом – метафор. «Главным способом воссоздания образности является метафорическое употребление слов. В художественных текстах сложилась такая система изобразительных средств, что практически любое слово языка, далёкое подчас от какой бы то ни было наглядности, может стать образным» (Харченко 1987, с.27). Данный подход к образности разрабатывался в работах А.А. Потебни, В.Г. Гака, С.М. Мезенина, В.Н. Телия, Н.И. Сукаленко, Е.О. Опариной, А.М. Шахноровича, В.К. Харченко и др.

Объективация образных представлений в тексте может связываться с употреблением синтаксических конструкций определённых типов. По мысли В.В.Бабайцевой, это конструкции, соответствующие двучленным логическим суждениям, где предикат мысли в предложении вербализован, а субъект – нет. «Наблюдения над языковым и речевым материалом показывают, что в значительном количестве случаев наглядно-чувственные образы, сами не находящие выражения в слове, входят в содержание предложений выражающих двучленную мысль... В них есть вербализованный предикат и предмет мысли, отразившийся в сознании в идее наглядно-чувственных образов» (Бабайцева 1967, с.59).

Например, по мысли В.В.Бабайцевой, информация о чувственном образе содержится в следующем фрагменте текста: « - Чудесно! – думал Вараксин, крепко потирая руки. Ему рисовалась простая, милая жизнь с маленькой, умной и сердечной женой» (М.Горький)». Хотя наглядно-чувственные образы в предложении «Чудесно!» непосредственно не вербализованы, они входят в его содержание, образуя первый компонент выражаемого суждения. Представление, предиктируемое словом «чудесно», вызывается в сознании читателя последующим описанием ситуации.

Суждения, отражённые в предложениях такого типа, исследователь предлагает называть логико-психологическими. «Логико-психологические суждения нередко выражаются в предложениях, тесно связанных с контекстом или речевой ситуацией. Логико-психологическое суждение соотносимо с определёнными семантико-структурными типами предложений. Логико-психологическое суждение лежит в основе многих разновидностей односоставных предложений. Таковы, например, предложения с неопределённым и обобщённым деятелем, безличные и номинативные предложения. Логико-психологическое суждение может быть и в основе некоторых периферийных двусоставных предложений. Таковы, например, предложения типа *Это стол, Это чудесно*. Местоимение *это* лишь указывает на предметы и явления, отразившиеся в виде наглядно-чувственных образов» (Бабайцева 1967, с.62).

При исследовании способов объективации информации о чувственном образе в тексте отдельной сферой исследования является изучение паралингвистических компонентов общения и их текстового отражения. Данная проблематика подробно разработана в трудах И.Н. Горелова, где рассмотрены случаи замены различных членов предложения авербальными компонентами. По мысли исследователя, «не существует

никакого нормативного текста, который деформируется «со стороны» из-за вмешательства паралингвистических средств, напротив, говорящий бессознательно оценивает актуальную ситуацию общения и реализует некоторую коммуникативную программу, накладывая на неё вербальную форму» (Горелов 2003. с.129). Однако изучение паралингвистических средств общения, являющихся одним из невербальных компонентов коммуникации, не входит в сферу наших интересов в данном исследовании.

Некоторые условия реализации представления в слове были проанализированы И.С. Куликовой. Она выделяет конкретизацию, без которой смысл слова в контексте включает только понятийный элемент; описание как один из приёмов, применяющихся при ознакомлении с индивидуальными предметами (Куликова 1976).

Выявление и описание контекстуальных условий, в которых может актуализироваться образный компонент значения слова, осуществлено в кандидатской диссертации Е.М. Бебчук «Образный компонент в лексическом значении русского существительного» (Воронеж, 1991). Исследование показало, что в актуализации образного компонента особое место принадлежит конкретизации, «представляющей описание внешних признаков предмета, указание видового признака, манифестацию общего через единичное, называние частей, атрибутов, связанных с предметом по смежности. Актуализирует также образный компонент рематизация образного слова и употребление его в конструкции, называющей визуальный штамп... Для усиления актуализированного образного компонента используются более мощные лексические и грамматические средства, как-то: нанизывание конкретизаторов, характеризующих внешний вид предмета и выраженных однородными определениями; лексическая конкретизация, представленная развёрнутой синтаксической конструкцией, по способу выражения разделяющаяся на атрибутивную – нанизывание большого количества атрибутивных конкретизаторов, характеризующих предмет с разных сторон, и объяснительную, используемую в основном для актуализации существительных с пространственным значением; наличие глаголов со значением восприятия; употребление при образном существительном слов, своей семантикой

указывающих на яркость проявления наглядно-чувственных признаков предмета; указание на предмет и место его нахождения, то есть локативная конкретизация; использование жестовой конкретизации; наличие функциональной конкретизации, способствующей описанию процесса функционирования предмета и его частей и др.» (Бебчук 1991, с.12).

Выявление всех видов лексических и грамматических средств, способствующих объективации чувственного образа в тексте, не входит в задачи нашего исследования. Однако при рассмотрении словарных дефиниций существительных и глаголов – как непосредственно

толкований, так и примеров, их сопровождающих, – были выявлены некоторые механизмы объективации образа в тексте, описанные в работе Е.М. Бебчук. Среди них наиболее часто обнаруживаемый способ – конкретизация, представленная различными синтаксическими средствами. Например, *глаз*: пример, сопровождающий толкование первого значения слова «Глаза, как вишни, изюминки у кого-либо» (Кузнецов 1998, с.207); *лицо*: пример, сопровождающий толкование первого значения слова «У него было *правильное, будто выточенное лицо*» (Евгеньева 1981, с.191). Синтаксически этот способ объективации образа выражен при помощи распространённых определений – сравнительных оборотов.

Наиболее часто в тексте чувственные образы, связанные с лексемой, объективируются при помощи механизма пояснения. Например, *сила*: пример, сопровождающий толкование первого значения слова «У гуся страшная сила в крыльях: *крылом он может перебить противнику крыло*» (Евгеньева 1981, с.91); *дом*: пример, сопровождающий толкование первого значения «Машины подъехали к дому краевого комитета партии, *большому шестиэтажному серому зданию*» (Евгеньева 1981, с.425); *жизнь*: пример, сопровождающий толкование значения № 8 «С огнями пробудилась и жизнь: *на реке слышались гудки автомашин, у берега затрепал трактор*» (Евгеньева 1981, с.485) и т.п. С синтаксической точки зрения пояснение может быть реализовано и на уровне членов предложения – распространённых и нераспространённых определений, обстоятельств, – и на уровне синтаксических конструкций – главным образом, сложного бессоюзного предложения.

Таким образом, словарные дефиниции всех исследуемых конкретных существительных и глаголов, а также большей части абстрактных существительных и глаголов включают в себя указания на чувственные образы. Информация о чувственном образе может быть представлена в словарной статье тремя способами:

1. непосредственно в словарном толковании слова;
2. в примерах, иллюстрирующих это толкование;
3. в толковании слова может быть задана позиция, которая предполагает актуализацию в сознании реципиента чувственного образа, хотя сам образ непосредственно не описан.

Наличие или отсутствие информации об образе в словарной дефиниции, а также специфика лексикографического указания на чувственный образ определяется особенностями категориального и лексического значения толкуемого слова, контекстными связями слова, а также особенностями «манеры» толкования значения, принятой тем или иным лексикографом.

В словарных статьях конкретных существительных указания на чувственные образы чаще всего содержатся непосредственно в толковании значения слова. Конкретные существительные обозначают предметы, которые можно чувственно наблюдать в действительности, поэтому для осознания значения таких слов необходимо иметь представление

о реалиях, которые они называют. Словарное толкование описывает эти представления.

В словарных статьях абстрактных имён указания на чувственные образы чаще содержатся в примерах, сопровождающих дефиницию. Примеры в словарной статье относительно случайны: они могут разниться в дефинициях различных словарей. Можно говорить лишь о тяготении словарных дефиниций абстрактных существительных к отражению чувственного образа.

В дефинициях конкретных и абстрактных глаголов часто непосредственно в толковании слова при помощи местоимений, неопределённой формы глагола и существительных абстрактной семантики задана позиция «под чувственный образ», которая наполняется конкретным содержанием в примерах, иллюстрирующих то или иное толкование.

В словарных статьях многозначных конкретных существительных и глаголов указание на образ обычно присутствует в толковании первого денотативного значения слова. В словарных дефинициях многозначных абстрактных существительных и глаголов нет жёсткой соотнесённости информации о чувственном образе с первым значением слова.

В словарных дефинициях исследуемых лексем преобладают указания на зрительные чувственные образы. Среди актуализированных чувственных образов много синестетических, что обусловлено, в том числе, текстовыми особенностями объективации чувственного образа. Называя предметную ситуацию, предложение содержит информацию о целостной картинке действительности, совмещающей в себе данные разных органов чувств одновременно.

Анализ текстов словарных дефиниций показывает, что на специфику образных представлений, соотносимых со словом, оказывает влияние контекст, в котором данное слово находится. Текстовое окружение лексемы способно актуализировать чувственный образ, в частности, в связи со словами, которые в ходе перцептивного эксперимента не вызывали у испытуемых яркие чувственные образы.

2.3. Обсуждение результатов перцептивного эксперимента

2.3.1. Образ в структуре значения конкретных существительных

Рука

В ходе перцептивного эксперимента получено 377 реакций.

По типу образа

1. *Зрительные образы*: 352 – 93,3 % (белые кисти 7; длинные пальцы 7; открытая ладонь 4 и т.д.).

Слуховые образы: 1 – 0,3% (пианист играет на пианино 1). Данный образ может быть квалифицирован и как зрительный.

Осязательные образы: 23 – 6,1% (мягкая 5; держу мужчину за руку 2; в напряжении 2 и т.п.).

Вкусовые образы: отсутствуют – 0 %.

Обонятельные образы: 1 – 0,3 % (неприятный запах).

2. Среди зрительных образов:

Образы-схемы: отсутствуют – 0%

Образы-картинки: 352 – 100%

3. *Образы объекта*: 306 – 81,2% (пять пальцев 31; длинные пальцы 7; перчатка 4 и др.).

Образы ситуации: 71 – 18,8% (я пишу 21; рукопожатие 10; мой друг машет рукой 2 и др.).

4. *Статические образы*: 308 – 81,7 % (кольца на пальцах 8; наручные часы 3; перчатка 3 и др.).

Динамические образы: 69 – 18,3 % (рукопожатие 4; учитель пишет на доске 3; мой друг машет рукой 2 и т.д.).

5. *Образы, обусловленные ситуацией эксперимента*: 9 – 2,4 % (я открываю учебник 1; рука лежит на парте 1 и т.д.).

Внеситуативные образы: 368 – 97,6 % (отрезок от кисти до локтя 7; руки моей мамы т.д.).

По типу объективации образа:

1. *Эмоционально-оценочные образы*: 19 – 5% (неприятный запах 1; красивая 4 и др.).

Образы без эмоционально-оценочной составляющей: 358 – 95% (наручные часы 5; локоть 5; браслеты на запястье 3 и др.).

2. *Обобщённые образы*: 43 – 11,4% (мужская 10; женская 5; красивая 4 и проч.).

Детализированные образы: 334 – 88,6% (кисть пишет на бумаге 8; отрезок от кисти до локтя 7; белые кисти 7 и др.).

В перечне реакций зрительные образы преобладают, это связано с самой природой зрительного восприятия действительности. Приблизительно 80-90% информации о мире человек получает благодаря органу зрения. Зрительные образы наиболее яркие, кроме того, они проще в описании, чем слуховые, обонятельные и проч. По мысли Н.И. Жинкина, «из всех сенсорных воздействий для человека самым чувствительным, богатым и тонким является звук и его приём слухом, а самым устойчивым и объективным – свет и соответственно зрение. Это объясняется, вероятно, тем, что в первом случае учитывается время, а во втором – пространство, слитная информация о которых безусловно необходима для реальной ориентации в действительности» (Жинкин 1982, с.120). Ведущая роль зрительной модальности ещё в девятнадцатом веке отмечается

А.А. Потебнёй, А.Н. Веселовским. Так, А.А. Потебня подчёркивает, что «если в одно время с видимым образом предмета воспринимается и известный запах, то и впечатление запаха относится ко внешнему образу» (Потебня 1982, с.76). Та же интегрирующая роль зрительной модальности привлекает внимание А.Н. Веселовского «Наш глаз поддерживается слухом, осязанием и т.д.» (Веселовский 1940, с.77).

По мысли Н.И. Сукаленко, «универсальная роль зрительной модальности подтверждается существованием опознавательных знаков, символов, атрибутов, представляющих собой тот неотъемлемый по частоте встречаемости предмет, с которым прочно связываются в нашем сознании не только образы людей, но и образы географических мест, событий» (Сукаленко 1991, с.98).

При рассмотрении реакций на слово-стимул *рука* обнаруживаются образы, которые можно объединить в группы по общности признака отражаемого в этих образах объекта. Так, ряд образов («тёплая», «мягкая», «сухая») – описание свойств руки; реакции «одно кольцо», «много колец», «браслет» и т.п. – указание на аксессуары, которые украшают руку; «медиатор», «мобильный телефон», «сумочка в руке» – предметы, которые находятся в руке; «рука гладит голову», «рукопожатие», «учитель пишет на доске» – действия, выполняемые рукой. Содержание чувственного образа, связанного в сознании испытуемых с данной лексемой, подлежит моделированию. Актуальными для носителей языка становятся перцептивно воспринимаемые: *свойства объекта* (цвет, длина, запах, размер), *окружение объекта* (аксессуары и предметы, которые находятся в руке), *действия, выполняемые объектом*.

Сама идея моделирования чувственного образа представляется продуктивной, ибо описание образных ассоциаций слова затруднено по ряду объективных причин. Во-первых, чувственные образы по природе своей индивидуальны, субъективны и поэтому не поддаются адекватной объективации в слове. Во-вторых, далеко не все реакции являются совпадающими у ряда испытуемых, в связи с чем, увеличение количества испытуемых в эксперименте неизбежно повлечёт за собой появление новых реакций. Кроме того, представления индивида могут меняться со временем. Из сказанного выше следует, что объем чувственного образа в структуре значения неисчерпаем. «В процессе реализации действия исходный образ видоизменяется, накапливая в себе опыт практического взаимодействия субъекта со средой. Объем содержания образа безграничен» (Психологический словарь 1999, с.219). Однако мы и не ставим задачи его исчерпывающего выявления и описания. Но, опираясь на полученные в эксперименте данные, мы можем выявить специфические черты чувственного образа и приблизительно моделировать его: «Новое знание об объекте обнаруживается при переводе исходных качеств объекта в определённую модель, т.е. при обязательном изменении формы исходных данных в результате их моделирования в понятия какой-либо научной парадигмы» (Пищальникова 2003, с.11).

Вероятно, моделированию легче будут подвергаться чувственные образы, связанные со словами конкретной семантики. Это обусловлено наглядностью, наблюдаемостью отражаемого референта, которые позволяют его схематически представить в модели. Среди чувственных образов абстрактных слов образы ситуаций будут преобладать над образами объектов, соответственно моделирование в данном случае затруднительно (или должно осуществляться на иных основаниях).

Базой для формирования чувственных образов в структуре значения слова является предметный мир. В фокусе внимания находится как непосредственно наблюдаемый индивидом объект («моя рука», «моя мама делает массаж» и т.п.), так и уже отражённый объект («рука Мэри-Кейт Олсен из к/ф «Мгновения Нью-Йорка», «реклама кремов», «муляж руки»). Субстратом представления становится не только чувственно данная действительность, но и образы фантазии: «рука тянется из тумана», «чёрная рука вылезает из-под кровати». Вряд ли испытуемые наблюдали такие картинки в жизни. На характер образа здесь влияет не только личный, ситуативный опыт индивида, но и его культурный опыт. Возможно, возникновение образов последнего типа свидетельствует о некоторой стандартизации, т.е. процессе рационализации чувственных представлений, который происходит в значении слова.

Реакции различаются по степени детализации, конкретности описания реалии. Образы «длинные пальцы», «белая кожа», «мускулистая» и т.п. более детально отражают объект, нежели образы «очень большая», «много колец». Высокой степенью обобщённости обладают чувственные образы «мужская», «женская».

Однако, по всей видимости, в данном случае мы имеем дело не с особым типом чувственных образов (обобщённых), но с различающейся манерой описания чувственных образов. В первом случае испытуемые детально описывают образ, во втором – лишь называют его. Считая достаточным только эксплицировать своё представление, испытуемый интуитивно рассчитывает на общую пресуппозицию с экспериментатором, который будет анализировать результаты эксперимента. Явление недостаточной конкретизации в описании чувственного образа отмечается А.П. Бабушкиным применительно к словарным толкованиям. «Необходимо отметить наличие мыслительных картинок, которые мы называем «картинками по умолчанию». Лексикографы как бы экономят языковые средства для описания известной всем реалии. В мозгу носителей языка, безусловно, имеется соответствующая картинка, но «картинность» восприятия реалии не выявляется в словарной дефиниции, хотя и видится за словом» (Бабушкин 1996, с.48).

Возвращаясь к рассматриваемым примерам, можно предположить, что такие обобщённые образы – свидетельство стандартизации представлений в национальном сознании (например, в национальном сознании существует относительно стандартизованный образ женской и мужской руки, в связи с чем он не нуждается в детальном описании).

Полученные в ходе эксперимента реакции можно соотнести со значением конкретного существительного *рука*: «1. Одна из двух верхних конечностей человека от плеча до кончиков пальцев, а также от запястья до кончиков пальцев» (Ожегов, Шведова 1999, с.686).

Ряд образов – это ассоциации не на слово *рука*, а на слово *кисть*: «рукопожатие 4»; «открытая ладонь 4» и т.д. В «Толковом словаре русского языка» под редакцией С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой даётся следующее определение слову *рука*: «Одна из двух верхних конечностей человека от плеча до кончиков пальцев, а также от запястья до кончиков пальцев» (Ожегов, Шведова 1999, с.686). Возможно, вторая часть дефиниции уже представлена в сознании как самостоятельное значение, которое содержит отдельный образ.

В перечне образов конкретного существительного *рука по типу образа* преобладают зрительные статические внеситуативные образы-картинки объекта, по типу объективации образа преобладают неценочные детализированные образы.

Глаз

В ходе перцептивного эксперимента получено 333 реакции.

По типу образа:

1. *Зрительные образы*: 333 – 100 % (длинные ресницы 48; зелёные глаза; большой глаз 8 и т. д.).

Слуховые образы: отсутствуют – 0 % .

Осязательные образы: отсутствуют – 0 %.

Вкусовые образы: отсутствуют – 0 %.

Обонятельные образы: отсутствуют – 0%.

2. Среди зрительных образов:

Образы-схемы: 3 – 0,9% (шар 3)

Образы-картинки: 330 – 99,1% (длинные ресницы 48; чёрный зрачок 18 и проч.)

3. *Образы объекта*: 361 – 94,9% (чёрный зрачок 18; человеческий глаз 10; карий глаз 7 и др.)

Образы ситуации: 17 – 5,1% (глаз парит в пространстве – всевидящее око 7; я крашу глаза 2; картинки моих снов 1 и др.)

4. *Статические образы*: 317 – 95,2 % (голубой глаз 21; зелёные глаза 14; очки 6 и др.).

Динамические образы: 16 – 4,8 % (моргает 3; я крашу глаза 2; глаз бежит на ногах 1 и т.д.).

5. *Образы, обусловленные ситуацией эксперимента*: 0%

Внеситуативные образы: 333 – 100 %

По типу объективации образа:

1. *Эмоционально-оценочные образы*: 20 – 6% (глубокий взгляд 8; весёлый взгляд 1; грустные глаза 1 и др.)

Образы без эмоционально-оценочной составляющей: 80 – 94% (круглый глаз 2; круглый зрачок 2; контактные линзы 2 и др.)

2. *Обобщённые образы*: 41 – 12,3% (человеческий глаз 12; окулист 2; европейского типа 1 и проч.).

Детализированные образы: 292 – 81,7% (глаза в линзах 1; миндалевидной формы 1; голубое небо 1 и др.).

Динамические образы не преобладают в перечне реакций этого конкретного существительного, но их наличие подчёркивает нежёсткую зависимость образных ассоциаций от категориального значения слова (можно предположить, что существительные, в отличие от глаголов, вызывают в сознании испытуемых в большей степени статические образы). Присутствие процессуальных образов среди ассоциаций конкретного существительного может быть обусловлено самой природой чувственного восприятия.

Любой образ, по сути своей, динамичен, процессуален. По мысли В.П. Зинченко, сознание имеет послойную организацию. Бытийный слой сознания включает в себя биодинамическую и чувственную ткань – образы. «Они обладают свойствами обратимости и трансформируются одна в другую. Биодинамическая ткань – наблюдаемая и регистрируемая внешняя форма живого движения – трансформируется в чувственный образ» (Зинченко 1991, с.25). Следовательно, одна из детерминант специфики образных ассоциаций слова – особенности чувственного восприятия действительности.

Интересна реакция «озеро с прозрачной водой – вокруг дерева 1». Вероятно, в данном случае в чувственном представлении реализуется сравнение «глаз, как озеро» или метафора «озёра глаз». Ученые, изучающие природу метафоры, – среди них Дж. Миллер, Дж. Лакофф, М. Джонсон – указывают, что большинство языковых метафор рождается из чувственных образов. Вероятно, данная метафора имеет чувственную основу. В эксперименте мы наблюдаем визуализацию уже самой метафоры.

Однако реакция «озеро с прозрачной водой – вокруг дерева 1» может быть проинтерпретирована иначе: озеро и деревья – те реалии, которые видит глаз. Озеро с прозрачной водой и деревья – объекты, на который направлен взгляд.

Подобная сложность возникает с интерпретацией образа «голубое небо». Возможно, он порождается устойчивым языковым сравнением «глаза, как небо», возможно – это отражение реалии, на которую смотрит глаз.

Если предпринять попытку моделирования чувственных образов, полученных в ходе эксперимента на лексему *глаз*, то их содержание укладывается в следующую схему: *свойства объекта* (цвет («зелёные глаза», «серый глаз»), размер («большой»), форма («овальной формы») – *окружение объекта* («брови», «очки») – *действия, выполняемые объектом*

(«моргает»)– *предметы и ситуации, на которые направлен взгляд* («много предметов вокруг», «стена»).

Среди представлений – сложившиеся в ходе непосредственного перцептивного опыта (наиболее яркие примеры – «глаза моего молодого человека 1», «глаза моей подруги 1»). Также присутствуют образы – результаты вторичного отражения действительности, где в зрительном образе запечатлён не сам объект, а его изображение («рисунок глаза синей ручкой 3»), его отражение в произведениях мировой художественной культуры, в мифологии («третий глаз Шивы 1», «глаз бежит на ногах 1»).

Интересны образы «глаз европейского типа 1», «женский глаз 1», «человеческий глаз 12». По своей специфике они подобны реакциям на лексему *рука* «женская», «мужская» (см. выше). Такие образы можно назвать конвенциональными, их наличие свидетельствует об устоявшемся в национальном сознании образе реалии. Применительно к данному случаю: видимо, у испытуемых существует некое обобщённое представление о глазе европейского типа, о человеческом глазе, о том, как выглядит глаз женщины, поэтому чувственный образ дан в эксперименте не детализировано.

Все реакции на слово *глаз*, кроме «кошачий 1», «тигриный 1», – описание человеческого глаза. Перечень реакций на данное слово и на последующие слова экспериментального списка позволяет выявить одну из особенностей содержания чувственного образа – его антропоцентризм. В основе содержания представления лежит очеловеченный мир, в центре внимания индивида находятся те реалии, которые практически востребованы.

Полученные в ходе эксперимента реакции можно соотнести со значением конкретного существительного *глаз* «1. Орган зрения, а также само зрение» (Ожегов, Шведова 1999, с. 131). Зрительный образ «ведьма 1», видимо, связан не с первым значением слова. Он соотносится со значением «3. Дурной взгляд, сглаз» (Ожегов, Шведова 1999, с.131). С образом в сознании испытуемых может связываться не только прямое значение предметного существительного, но и переносное.

В перечне образов конкретного существительного *глаз* по типу образа преобладают зрительные статические внеситуативные образы-картинки объекта, по типу объективации образа преобладают не оценочные детализированные образы.

Вода

В ходе перцептивного эксперимента получено 200 реакций

По типу образа:

1. *Зрительные образы*: 162 – 81 % (прозрачная 21; большой водопад 9; лужа 3 и т.д.).

Слуховые образы: 12 – 6% (журчат ручьи 8; плеск волн 2; шум водопада 1 и др.)

Осязательные образы: 18 – 9% (мокро вокруг 7; тёплая 6; холодная лужа 3; прохлада в летний день 2 и др.).

Вкусовые образы: 8 – 4 % (чувство жажды 7; солёная 1).

Обонятельные образы: отсутствуют – 0%.

2. Среди зрительных образов:

Образы-схемы: отсутствуют – 0%

Образы-картинки: 162 – 100%

3. *Образы объекта:* 65 – 82,5% (стакан с водой 4; вода в кувшине 2; волна океана 1 и др.)

Образы ситуации: 35 – 17,5% (я пью воду 5; пляж 2; летают птицы 1 и др.)

4. *Статические образы:* 143 – 71, 5% (гладь озера 8; чёрно-белое изображение озера 1; зеркало 1 и др.)

Динамические образы: 57 – 28,5 % (течёт из крана 8; я пью воду 5; медленное течение 2 и т.д.).

5. *Образы, обусловленные ситуацией эксперимента:* отсутствуют – 0 % .

Внеситуативные образы: 200 – 100 %

По типу объективации образа:

1. *Эмоционально-оценочные образы:* 5 – 2,5% (чувство радости 1; грустное настроение 1 красиво вокруг 2 и др.)

Образы без эмоционально-оценочной составляющей: 195 – 97,5% (синее море 2; прозрачная капля 2; кружка 1 и др.).

2. *Обобщённые образы:* 48 – 24% (река 12; мокро вокруг 7; весенний пейзаж 1 и др.).

Детализированные образы: 152 – 76% (течёт из крана 8; я пью воду 5; стакан с водой 4 и др.).

Палитра исследуемых чувственных образов очень многообразна: в ходе эксперимента выявлены не только зрительные, но и слуховые, осязательные, температурные, вкусовые образы. Вероятно, это детерминировано самой спецификой референта: вода шумит, имеет вкус, может быть тёплой и холодной, все эти свойства попадают в фокус внимания индивида, так как имеют для него практическое значение. Следовательно, специфика чувственного образа в структуре значения слова определяется в том числе свойствами самого отражаемого в представлении объекта.

В перечне реакций на слово *вода* сравнительно много динамических образов, что тоже связано с особенностями референта: вода обычно находится в движении. Выше было сказано, что динамичность представления обуславливается его особенностями как формы чувственного отражения действительности, судя по данным эксперимента – и спецификой отражаемого объекта.

Образы «большой водопад 9», «вода течёт из крана 8», «горная река 2», «вода переливается из кувшина в кувшин 1» могут быть проинтерпретированы и как зрительные, и как слуховые. Эти реакции

высвечивают одно из качеств чувственного образа – синестезию. Представление по определению целостно, поэтому любая классификация образов в определённом смысле условна, однако в целостном образе какой-то элемент может выходить на первый план, становиться доминантой образа.

Содержанием чувственных образов становится как непосредственно эмпирически данный объект («река 12», «гладь озера 8» и др.), так и уже отражённая реальность («чёрно-белое изображение озера 1», «русалки 1»).

Содержание чувственных образов, полученных в эксперименте в связи со словом *вода* можно представить в виде модели: *свойства объекта* (цвет «голубая 9», вкус «солёная 1», температура «холодная 3» и проч.) – *окружение объекта* («бассейн на даче 2», «вода в кувшине 2», «чай в чашке 1», «река в лесу 1» и др.) – *воздействие объекта на человека* («мне холодно 1», «мокро вокруг 7»). Однако в данном случае возможность моделирования образа осложняется тем, что реакции испытуемых соответствуют различным значениям многозначного слова, в связи с чем чувственные образы – очень разноплановые. Вероятно, если предпринимать попытку содержательного моделирования образного компонента значения слова, то это следует осуществлять в пределах одной семемы, или же моделью образного компонента значения полисемантического слова и будет тот набор семем, которые «прочитываются» за реакциями перцептивного эксперимента.

Полученные в ходе эксперимента реакции можно соотнести со значениями конкретного существительного *вода*

«1. Прозрачная бесцветная жидкость» (Ожегов, Шведова 1999, с.89): «прозрачная вода 21», «течёт из крана 8», «графин 1» и др.

Большая часть образов может быть соотнесена со значением существительного «3.Речное, морское, озёрное пространство, а также их поверхность или уровень» (Ожегов, Шведова 1999, с.89): «река 12», «море 10», «гладь озера 8» и др. Вероятно, данное значение многозначного слова для участников эксперимента сегодня является наиболее актуальным.

Таким образом, перцептивный эксперимент, направленный на выявление образа в структуре значения слова, косвенно позволяет определить, какое из значений многозначного слова является для носителей языка на сегодняшний день наиболее востребованным.

В перечне образов конкретного существительного *вода* по типу образа преобладают зрительные статические внеситуативные образы-картинки объекта, по типу объективации образа преобладают неоценочные детализированные образы.

Голова

В ходе перцептивного эксперимента получена 441 реакция

По типу образа:

1. *Зрительные образы*: 438 – 99,3 % (длинные волосы 76; большие глаза 27; чёрные волосы 14 и др.).

Слуховые образы: отсутствуют – 0 % .

Осязательные образы: 3 – 0,7 % (голова болит 2; горячий шар 1)

Вкусовые образы: отсутствуют – 0 %.

Обонятельные образы: отсутствуют – 0%.

2. Среди зрительных образов:

Образы-схемы: 21 – 4,8% (овал с волосами 15; лоб+волосы 1; деформированный шар и др.)

Образы-картинки: длинные волосы 76; голубые глаза 16; стрижка «ёжик» 1 и др.).

3. *Образы объекта*: 430 – 97,5% (белые зубы 13; прямой нос 13; густые ресницы 7 и др.)

Образы ситуации: 11 – 2,5% (я ем 1; студент за партой 1; я думаю 9)

4. *Статические образы*: 429 – 97 % (ярко-красные губы 9; каштановые волосы 8; густые ресницы 7 и др.).

Динамические образы: 12 – 3% (я думаю 9; голова болит 2; я ем 1).

5. *Образы, обусловленные ситуацией эксперимента*: 1 – 0,2 % (студент за партой 1).

Внеситуативные образы: 440 – 99,8 % (голова героя мультика 1; чубатый украинец 1; один глаз 1 и т.д.)

По типу объективации образа:

1. *Эмоционально-оценочные образы*: 3 – 0,7% (глупое выражение лица 1; ухоженные волосы 1; нечто неяркое 1)

Образы без эмоционально-оценочной составляющей: 438 – 99,3% (серые глаза 2; смуглая кожа 2; белая кожа 2 и др.).

2. *Обобщённые образы*: 110 – 25% (большие глаза 27; улыбка 21; большая 5 и др.)

Детализированные образы: 331 – 75% (вьющиеся волосы 13; карие глаза 12; ярко-красные губы 9 и т.п.).

Среди чувственных образов существительного *голова* присутствуют образы-схемы: «овал с волосами 15», «овал с ушами 3». Вероятно, образы-схемы объекта в сознании испытуемых могут вызвать только слова конкретной семантики, т.е. те, которые называют эмпирически наблюдаемые объекты. Чувственно воспринимаемый изолированный объект легко поддаётся мысленной схематизации. Наличие образов-схем в перечне реакций данного слова подтверждает мысль о том, что специфика представления связана со спецификой отражаемого объекта и, как следствие, со спецификой семантики соответствующего слова (слово конкретной/абстрактной семантики).

Наличие образов-схем выявляет ещё одну особенность чувственного образа в структуре значения слова – его рационализацию. Чувственно данная схема объекта – это не образ памяти, это обобщение на чувственном уровне. Наличие таких образов в сознании индивида

подтверждает идею взаимодействия чувственного и рационального, тела и разума (подробно разработанную в трудах отечественных и зарубежных психологов, нейрофизиологов, лингвистов И.М.Сеченова, С.Л.Рубинштейна, Н.И.Жинкина, Л.М.Веккера, Б.Г.Ананьева, Х.Рутрофа. Краткий обзор этих работ сделан в книге А.А.Залевской «Введение в психолингвистику» (Залевская 2007, с.126-131).

В перечне образов на данную лексему встречаются недетализированные, обобщённые (например, «большая 5», «нечто неяркое 1»). Такие образы тоже следует учитывать и описывать, так как в форме их объективации как бы задана «позиция под образ», хотя не раскрыто его предметное содержание. Т.е. тот феномен, который наблюдается при анализе словарных дефиниций – наличие «позиции под чувственный образ» выявляется и здесь. В таких реакциях как «большая голова», «нечто неяркое», «моя голова», «голова героя мультика» позиции под чувственный образ заданы, а сам образ не описан, т.к. содержательное наполнение представления здесь у каждого индивида будет своё.

При обсуждении результатов эксперимента в связи с лексемой *глаз* мы обратили внимание на то, что большая часть полученных чувственных образов – описание человеческого глаза. Эта закономерность выявляется и в данном случае (все испытуемые описывают человеческую голову), хотя эксплицируется только в одном ответе: «голова человека 1». Видимо, образ в структуре значения слова – это не копия действительности, представление избирательно, в нём запечатлены лишь значимые для индивида реалии. Выше было сказано, что базой для формирования чувственного образа в структуре значения слова является предметный мир, однако это утверждение нуждается в уточнении: в образе как компоненте лексического значения отношение к предметному миру, определённый взгляд на реальность.

Содержание чувственных образов, полученных в эксперименте в связи со словом *голова* можно представить в виде модели: *свойства объекта* (форма: «формы яйца 4», «круглая 6», размер: «большая 5») – *структурные части объекта* («лицо 14», «нос 5», губы 2» и др.) – *свойства структурных частей* («длинные волосы 76», «голубые глаза 16», губы бантиком 4» и др.).

Полученные в ходе эксперимента реакции можно соотнести со значением конкретного существительного *голова* «1. Часть тела человека (или животного), состоящая из черепной коробки и лица (у животных – морды); у беспозвоночных – передний относительно обособленный участок тела с органами чувств и роговым отверстием» (Ожегов, Шведова 1999, с.135). Интересна реакция «чубатый украинец 1». Возможно, она соотносима с переносным значением слова «5. В царской России название некоторых военных, административных и выборных начальствующих должностей, а также лиц, занимающих эти должности» (Ожегов, Шведова 1999, с.135).

В перечне образов конкретного существительного *голова* по типу образа преобладают зрительные статические внеситуативные образы-картинки объекта, по типу объективации образа преобладают неоценочные детализированные образы.

Дом

В ходе перцептивного эксперимента получена 401 реакция.

По типу образа:

1. *Зрительные образы:* 373 – 92,9% (маленький 18; огромное здание 14; одно окно 10 и др.).

Слуховые образы: 1 – 0,3 % (шум голосов).

Осязательные образы: 26 – 6,5 % (тепло в доме 16; мне тепло 9; тёплый чай 1).

Вкусовые образы: 1 – 0,3 % (вкусная еда)

Обонятельные образы: отсутствуют – 0%.

2. Среди зрительных образов:

Образы-схемы: 15 – 4% (детский рисунок: домик, труба с дымом 11; параллелепипед 2; прямоугольник 2)

Образы-картинки: 358 – 96% (частный дом в деревне 11; сад у дома 5; камин с огнём 5 и др.).

3. *Образы объекта:* 325 – 80% (камин с огнём; красная крыша 4; забор 3 и др.)

Образы ситуации: 76 – 20% (солнечное утро 1; весна на улице 1; я на отдыхе 1 и др.)

4. *Статические образы:* 392 – 97,8% (кирпичный 17; деревянный 17; большой 7 и др.).

Динамические образы: 9 – 2,2% (дым из трубы 7; строится 1; я выношу мусор 1 и т.д.).

5. *Образы, обусловленные ситуацией эксперимента:* отсутствуют – 0%

Внеситуативные образы: 401 – 100%

По типу объективации образа:

1. *Эмоционально-оценочные образы:* 15 – 3,7% (спокойствие 7; хорошее настроение 4; красивый 4)

Образы без эмоционально-оценочной составляющей: 386 – 96,3% (маленький 18; мои близкие 16; моя комната 6 и др.).

2. *Обобщённые образы:* 96 – 24% (маленький 18; коттедж 2; солнечное утро 1 и др.).

Детализированные образы: 315 – 76% (дым из трубы 7; красная крыша 4; черепичная крыша 2 и др.).

Часто описание образных ассоциаций на конкретное существительное *дом* выглядит следующим образом: «Дом – уют: коврик у двери, камин с огнём» или: «Дом – любовь: мои близкие». Принято считать, что абстрактные понятия осмысляются через конкретные, так как сложнее конкретных и рождаются позже конкретных. В данном случае значение конкретного существительного осмысляется через значения абстрактных слов. Чувственные образы соотносимы не со словом «дом», а с лексемами

«уют» и «любовь». Уже специфика ассоциирования предметных существительных указывает на то, что с чувственными образами в сознании могут быть связаны не только слова конкретной лексики. Можно провести параллель между тем, как переплетается абстрактное и конкретное в слове, и тем, как взаимодействуют бытийный и рефлексивный слой сознания. По мысли В.П. Зинченко, не только рефлексивный слой сознания пронизан чувственными представлениями, но и рефлексия (обобщения) довлеет над образами (Зинченко 1991).

Образы «я иду домой 1», «я выношу мусор 1», «моя квартира 5», «моя комната 6», «дом моей бабушки 1» и т.п. указывают на то, что большую роль в формировании образных ассоциаций слова играет личный опыт испытуемых. Перцептивный эксперимент вскрывает одну из важных характеристик значения: оно формируется прежде всего на базе субъективного опыта человека. Ответы респондентов, начинающиеся со слов «мой», «моя» не объективируют исчерпывающе содержание чувственных образов, но указывают на их наличие в сознании испытуемых. Конкретное наполнение представления в таких случаях у каждого индивида может быть своё, здесь лишь задана «позиция под чувственный образ».

Из перечня реакций видно, что испытуемые описывают преимущественно деревенский дом («деревянный дом 17», «дом посреди леса 3», «частный дом в деревне 11», «дым из трубы 3», «крыльцо 1» и т.д.), хотя сами являются жителями города. Видимо, в сознании испытуемых присутствует некий стереотип – типовое представление дома, которое сложилось в ходе знакомства с национальной культурой (в данном случае под стереотипами мы понимаем «идеальные образы предметов и явлений реальной действительности» (Рыжков 1988, с.8), а также «восприятие, классификацию и оценку событий на основе определённых представлений» (Краткий психологический словарь 1985, с.342). Образный компонент значения слова – как и значение вообще – формируется не только на базе индивидуального опыта субъекта, но и коллективного опыта.

Среди реакций встречаются образы-схемы объекта: «параллелепипед 1», «прямоугольник 1», «детский рисунок: домик, труба с дымком 11», что также свидетельствует о стандартизации, обобщённости чувственного образа данной лексемы. Среди полученных в ходе эксперимента описаний чувственных образов наибольшей степенью обобщённости, рационализации характеризуются образные ассоциации именно слова *дом*. Видимо, это происходит потому, что лексема *дом* называет очень актуальный, востребованный и широко представленный в национальной культуре концепт, и культурные стереотипы (в том числе, и на уровне чувственного познания действительности) здесь вытесняют, замещают в сознании индивида образы, полученные в ходе эмпирического опыта. Так, например, образ «дом, похож на детский рисунок 1» свидетельствует о том, что стереотипное представление детского рисунка домика

становится для реципиента важнее его собственного представления, и структурирует его индивидуальный опыт. Можно предположить, что, чем больше объём концепта, чем ярче концепт представлен в национальном сознании, тем более рационализируется чувственный образ, который находится в его ядре.

Особый интерес представляет реакция «крепость 1». Вероятно, это визуализация пословицы «Мой дом – моя крепость». Этот образ свидетельствует о том, что языковые связи слова (устойчивые словосочетания, в которые входит лексема, пословицы и др.) способны влиять на чувственное представление, которое вызывает это слово в сознании индивида. В данном случае чувственная реакция не первична, сначала в сознании испытуемого актуализировалась фраза, т.е. возникла синтагматическая ассоциация, а потом, возник перцептивный образ, отражающий ситуацию, обозначенную во всей фразе.

Содержание чувственных образов, полученных в эксперименте в связи со словом *дом* можно представить в виде модели: *свойства объекта* (цвет: «жёлтый дом 1», материал изготовления: «кирпичный 17», «деревянный 17», размер: «огромное здание 14» – *свойства структурных частей объекта* («голубая крыша 1», «большие окна 2», «черепичная крыша 2» и т.п.) – *местоположение объекта* («частный дом в деревне 11», «дом посреди леса 2», «на окраине города 1», «у моря 1»).

Полученные в ходе эксперимента реакции можно соотнести со значениями конкретного существительного *дом*:

«1. Жилое здание». (Ожегов, Шведова 1999, с.174).

Реакции «мои близкие 16»; «моя семья 11», «моя квартира 5» и др. могут быть соотнесены со значением «2. Своё жильё, а также семья, люди, живущие вместе». (Ожегов, Шведова 1999, с. 174).

В перечне образов конкретного существительного *дом* по типу образа преобладают зрительные статические внеситуативные образы-картинки объекта, по типу объективации образа преобладают неоценочные детализированные образы.

Лицо

В ходе перцептивного эксперимента получены 194 реакции.

По типу образа:

1. *Зрительные образы*: 194 – 100 % (улыбка 17; голова 9; светлая кожа 4 и др.).

Слуховые образы: отсутствуют – 0%

Осязательные образы: отсутствуют – 0 %.

Вкусовые образы: отсутствуют – 0 %.

Обонятельные образы: отсутствуют – 0%.

2. Среди зрительных:

Образы-схемы: 28 – 14,4% (губы +нос + глаза 28).

Образы-картинки: 166 – 83,7% (зеркало 6; светлая кожа 4 и др.).

3. *Образы объекта*: 193 – 99,5% (фотография 2; большие губы 2; портрет 1 и др.)
Образы ситуации: 1 – 0,5% (новости по телевизору)

4. *Статические образы*: 193 – 99,5% (человек 8; женское 6; зеркало 6 и др.).
Динамические образы: 1 – 0,5 % (новости по телевизору).

5. *Образы, обусловленные ситуацией эксперимента*: отсутствуют – 0%.
Внеситуативные образы: 194 – 100%

По типу объективации образа:

1. *Эмоционально-оценочные образы*: 42 – 21,7% (красивое 16; доброе 6; правильные черты лица 2 и др.)

Образы без эмоционально-оценочной составляющей: 152 – 78,3% (круглое 5; глаза 4; косметика 3 и др.)

2. *Обобщённые образы*: 81 – 41,8% (улыбка 17; красивое 16; голова 9 и др.).

Детализированные образы: 113 – 58,2% (светлая кожа 4; длинные ресницы 2; большой нос 1 и др.).

Среди всех исследуемых конкретных существительных слово *лицо* вызвало наибольшее количество оценочных образов. Видимо, это детерминировано особенностями самого референта: мимика выразительна, мимические действия и есть невербальное выражение оценки наличной ситуации (например, «хмурое лицо», «серьёзное лицо»). Т.е. оценочность в данном случае отчасти заложена в самом объекте, но также она представляет собой и отношение индивида к объекту («красивое лицо», «приятное лицо», «уродливое» и др.).

Перечень реакций на данную лексему во многом совпадает со списком реакций, полученных в связи с лексемой *голова*, хотя эти слова не являются синонимами. Вероятно, это обусловлено тем, что существительные *лицо* и *голова* называют один и тот же фрагмент действительности. Следовательно, сходство образных реакций определяется, главным образом, единством отражённого в номинациях отрезка действительности, что лишний раз свидетельствует о том, что содержательной доминантой чувственного образа является предметный мир.

Среди образов встречаются схематические: «губы + нос + глаза 28», «овал 3». Образ-схема – результат рационализации представления, которая, видимо, осуществляется уже на уровне чувственного познания действительности.

Содержание чувственных образов, полученных в эксперименте в связи со словом *лицо* можно представить в виде модели: *свойства объекта* (размер: «овальное 6», «круглое 5») – *структура объекта* («губы + нос + глаза 28», «улыбка 17», «глаза 4», «брови 3» и др.) – *свойства частей объекта* («уверенный взгляд 3», «длинные ресницы 2», «большие губы 2»,

«большой нос 1» и др.) – *окружение объекта* («в сумраке ночи 1», «на обложке глянцевого журнала 1»).

Все чувственные образы, выявленные в ходе перцептивного эксперимента в связи с конкретным существительным *лицо*, могут быть соотнесены с его значением: «1.Передняя часть головы человека» (Ожегов, Шведова 1999, с.329).

В перечне образов конкретного существительного *лицо по типу образа* преобладают зрительные статические внеситуативные образы-картинки объекта, по типу объективации образа преобладают неоценочные детализированные образы.

Дверь

В ходе перцептивного эксперимента получено 472 реакции.

По типу образа:

1.Зрительные образы: 462 – 97,9 % (деревянная дверь 99; золотая ручка 18; дверь с надписью 7 и др.).

Слуховые образы: 10 – 2,1 % (скрипит 9; щелчок замка 1)

Осязательные образы: отсутствуют – 0 %.

Вкусовые образы: отсутствуют – 0 %.

Обонятельные образы: отсутствуют – 0%.

2.Среди зрительных:

Образы-схемы: 4 – 0,9% (прямоугольник 4)

Образы-картинки: 458 – 99,1% (круглая ручка 23; железная дверь 23; деревянная ручка 12 и др.).

3. Образы объекта: 456 – 96,6% (деревянная дверь 99; белая 30; железная 23 и др.)

Образы ситуации: 16 – 3,4% (открывается в мою комнату 6; висит в воздухе 1; ночь: полоска света из двери 1 и др.)

4. Статические образы: 454 – 96,2% (коричневая дверь 15; деревянная ручка 12; железная ручка 11 и др.).

Динамические образы: 18 – 3,8 % (открывается-закрывается 8; тяну её за ручку 2; отталкиваю легко 1 и т.д.).

5. Образы, обусловленные ситуацией эксперимента: отсутствуют – 0%.

Внеситуативные образы: 472 – 100%

По типу объективации образа:

1. Эмоционально-оценочные образы: 2 – 0,4% (чувство неизвестности 2)

Образы без эмоционально-оценочной составляющей: 470 – 99,6% (прямоугольник 4; две створки 4; покрыта лаком 3 и др.).

2. Обобщённые образы: 45 – 9,5% (с ручкой 13; ручки нет 3 и др.).

Детализированные образы: 427 – 90,5% (круглая ручка 23; золотая ручка 18; коричневая ручка 3 и др.).

При описании результатов эксперимента по данной лексеме мы сталкиваемся с трудностью интерпретации образов как обусловленных ситуацией эксперимента и не обусловленных ею. Перцептивный эксперимент проводился в университетских аудиториях и школьных классах, следовательно, в экспериментальной ситуации испытуемые могли описывать те двери, которые видели в аудитории, поэтому такие реакции, как, например, «деревянная 99», «белая 30», «закрыта 7» и проч. можно в равной мере рассматривать как обусловленные ситуацией эксперимента и нет. Этот пример высвечивает одну из черт психолингвистических экспериментов - относительность объективности интерпретации результатов, зависимость результатов от ситуации эксперимента.

Содержание чувственных образов, полученных в эксперименте в связи со словом *дом*, можно представить в виде модели: *свойства объекта* (размер: «большая 18», материал изготовления: «деревянная 99», «обита чёрной кожей 2», цвет: «белая 30», «коричневая 15») – *структурные части объекта* («с замком 20», «с ручкой 13», «две створки 4») – *свойства структурных частей объекта* (цвет: «ручка чёрная 3»; размер: «крупная ручка 1»; материал изготовления: «ручка деревянная 12», «ручка железная 11», «стеклянный глазок 3»; форма: «ручка резная 10», «ручка витая 5») – *окружение объекта* («открывается в мою комнату 6», «вход в небо 2, «чернота за дверью 2», «висит в воздухе 1»).

Большое количество реакций на данное слово описывают форму дверной ручки («круглая ручка 23»; «витая ручка 5»; «ручка – голова льва 1» и др.). Реакций, связанных с описанием формы двери, нет. Видимо, в сознании фиксируются наиболее яркие признаки предмета, сразу привлекающие внимание. В данном случае это форма дверной ручки. При образном восприятии собственно двери на первый план выходит материал её изготовления («деревянная 99»; «железная 23» и др.). Этот признак осознаётся, так как важен для практической деятельности. «Деятельность человека есть отношение к действительности. Познаваемые объекты раскрываются человеку той стороной, которая необходима для осуществления деятельности. В конечном итоге деятельность определяет необходимую глубину познания объектов и явлений» (Рыжков 1988, с.6).

Как видно из перечня реакций, в чувственных образах, соответствующих лексеме *дверь*, отражена структура этого объекта. При обсуждении результатов эксперимента по другим конкретным существительным вскрывается эта же закономерность: испытуемые, описывая свои представления, тяготеют к описанию структуры объекта. Иными словами, не только понятие, но и чувственный образ анализирует реальность: реальность уже на чувственном уровне отражена структурно. Можно предположить, что чувственный образ в структуре значения слова аналитичен.

Образы «вход в небо 2», «дверь висит в воздухе 1» рождаются не на базе перцептивно воспринимаемой действительности, но на основании фантазии испытуемых. Следовательно, помимо субъективного опыта,

коллективного опыта, отражённого в культуре, источником формирования чувственных образов в структуре значения слова является фантазия, воображение. Хорст Рутроф в рамках корпоральной семантики использует принцип семиотического взаимодействия, суть которого заключается в признании равенства познавательной силы разных способов отражения действительности, в том числе и фантазии. «...Можно сказать, что чем больше прочтений разных видов используется, тем более реален наш мир. Когнитивная наука открыла двери для учёта роли фантазии в ментальном конструировании нашего окружения, но вопрос в том, способна ли когнитивная наука перенести ту роль, которую воображение играет в обычном познании, также и на описание языка. Для семантики, опирающейся на тело, воображение несомненно важно в качестве ингредиента значения... Без воображения мы никогда не смогли бы осмыслить наш опыт. Без воображения мы никогда не смогли бы рассуждать о знании реальности» (цит. по: Залевская 2007, с.218).

Все реакции, полученные в ходе перцептивного эксперимента, можно соотнести со значением конкретного существительного *дверь* «2. Укрепляемая на петлях плита, закрывающая проём в стене для входа и выхода» (Ожегов, Шведова 1999, с.153). Видимо, это значение слова, в данный момент актуализируется в национальном сознании.

В перечне образов конкретного существительного *дверь* по типу образа преобладают зрительные статические внеситуативные образы-картинки объекта; по типу объективации образа преобладают неоценочные детализированные образы.

Книга

В ходе перцептивного эксперимента получена 301 реакция.

По типу образа:

1. *Зрительные образы*: 292 – 97% (учебник химии 13; толстая книга 37; здание библиотеки 3 и др.).

Слуховые образы: 1 – 0,3% (шелест страниц 1)

Осязательные образы: 2 – 0,7 % (тяжёлая 2)

Вкусовые образы: отсутствуют – 0 %.

Обонятельные образы: 6 – 2% (запах типографской краски 6).

2. Среди зрительных:

Образы-схемы: 2 – 0,7% (прямоугольник 2)

Образы-картинки: 290 – 99,3 % (учебник химии 13; я читаю книгу 9 и др.).

3. *Образы объекта*: 267 – 88,7% (в твёрдом переплёте 8; пожелтевшие страницы 7; стеллаж и др.)

Образы ситуации: 34 – 11,3% (я читаю книгу 9; нудный процесс чтения 3; я листаю страницы 3 и др.)

4. *Статические образы*: 279 – 92,7% (печатный текст на странице 5; стопка макулатуры 4; иллюстрации в книге 4 и др.).

Динамические образы: 22 – 7,3% (я читаю книгу 9; я пишу лабораторную работу 1; я беру книгу с полки 1 и т.д.).

5. *Образы, обусловленные ситуацией эксперимента:* 13 – 4,3% (учебник химии 13; я открываю учебник 1; рука лежит на парте 1 и т.д.).

Внеситуативные образы: 288 – 95,7 % (фолиант 3; в кожаном переплёте 2; в тканом переплёте 1 и т.д.)

По типу объективации образа:

1. *Эмоционально-оценочные образы:* 9 - 3% (нудный процесс чтения 3; неприятный запах 1; красивая 4 и др.)

Образы без эмоционально-оценочной составляющей: 292 – 97% (раскрыта 7; библиотека 7; листы сшиты 3)

2. *Обобщённые образы:* 81 – 30% (толстая 37; большая 6; бумага 5 и др.).

Детализированные образы: 220 – 70% (пахнет типографской краской 6; чёрные буквы на белой бумаге 3 и др.).

Некоторые чувственные образы нельзя однозначно отнести к той или иной классификационной группе по перцептивному основанию. Так, образ «в твёрдом переплёте 8» можно интерпретировать и как зрительный, и как осязательный; «я листаю страницы 3» – и как слуховой, и как зрительный; «тяжёлая 2» – как зрительный и как весовой. Здесь проявляется одна из черт чувственного образа как вида отражения действительности – синестезия. Наличие синестетичных образов говорит о том, что на специфику чувственного образа в структуре значения слова в том числе оказывают влияние психофизиологические закономерности чувственного восприятия действительности.

Слово *книга* вызвало в сознании испытуемых самое большое количество ситуативных образов. Видимо, специфика чувственных образов обусловлена не только особенностями лексического значения соответствующего слова, природой образа, но и ситуацией эксперимента.

Во многих случаях испытуемые описывают учебник (учебник химии 13; учебник физики 1). По всей видимости, обилие таких образов связано с возрастом и родом деятельности испытуемых. Многие из них – ученики старших классов средней школы. Одним из факторов, влияющих на специфику образных ассоциаций слова, является возраст и род деятельности субъекта, в сознании которого возникает образ.

В перечне реакций много культурно маркированных образов («Война и мир 3», «обложка «Парфюмера» Зюскинда 2», «книга «Гарри Поттер 2» и т.п). Видимо, это обусловлено спецификой самой отражённой в образе реалии (книга – атрибут высокоразвитой культуры) и, как следствие, содержанием лексического значения слова *книга*.

Среди реакций много таких, которые называют реалию, но не описывают её: например, «фолиант 3», «писатель 1», «стихи на странице 1». Видимо, респонденты, давшие такие ответы, предполагают, что

у экспериментатора существует устойчивое чувственное представление этих реалий, следовательно, образ не нуждается в конкретизации (стихотворный текст на бумаге выглядит совсем иначе, нежели прозаический, фолиант не похож на брошюру). Такие образы предлагаем называть конвенциональными.

Содержание чувственных образов, полученных в эксперименте в связи со словом *книга* можно представить в виде модели: *свойства объекта* (размер: «толстая 37», «большая 6»; цвет: «тёмная 3»; форма: «прямоугольник 2», запах: «пахнет типографской краской 6») – *свойства структурных частей объекта* («потрёпанный переплёт 4»; «чёрные буквы на белой бумаге 3»; «красный переплёт 2» и проч.) – *окружение объекта* (открыта на столе 8»; «стеллаж 3»; «под подушкой 1»).

Показательно то, что далеко не все перцептивно воспринимаемые характеристики объекта осознаются респондентами. Так, если указывается на размер книги, то это «большая» или «толстая» книга, но не получено ни одной реакции «тонкая». Если испытуемый указывает, что в книге есть картинки, то они непременно «красочные», «яркие», но не чёрно-белые, тусклые (если книга без картинок – то это не осознаётся как признак реалии). Т.е. в фокус внимания попадают наиболее яркие, возможно, выходящие за пределы нормы свойства объекта, а также свойства практически востребованные. Они и становятся основой представления, остальные признаки затемняются, уходят на второй план, что свидетельствует об избирательности представления как формы познания действительности.

Большую часть реакций, возникших у испытуемых в связи с данным конкретным существительным можно соотнести с первым денотативным значением слова – «1. Произведение печати в виде переплетённых листов с каким-нибудь текстом» (Ожегов, Шведова 1999, с.279). Реакции «Война и мир 3», «обложка «Парфюмера» Зюскинда 2», «писатель 2», «книга «Гарри Поттер» 2», «Последний из могикиан 1», «Алхимик» 1», видимо, соответствуют значению «книга – художественное произведение». Это значение не зафиксировано в современных толковых словарях русского языка, однако, судя по данным эксперимента, уже складывается в национальном сознании.

В перечне образов конкретного существительного *книга по типу образа* преобладают зрительные статические внеситуативные образы-картинки объекта, по типу объективации образа преобладают неоценочные детализированные образы.

Завод

В ходе перцептивного эксперимента получено 216 реакций.

По типу образа:

1. *Зрительные образы:* 194 – 89,8% (огромное здание 22; много труб 16; бетонные стены 2 и др.).

Слуховые образы: 19 – 8,8% (грохот 17; лязг железа 1; стук 1)

Осязательные образы: отсутствуют – 0%

Вкусовые образы: отсутствуют – 0 %.

Обонятельные образы: 3 – 1,4% (неприятный запах 3).

2. Среди зрительных:

Образы-схемы: отсутствуют – 0%

Образы-картинки: 194 – 100%

3. *Образы объекта:* 167 – 87,3% (серое здание 10; длинная труба 7; какие-то механизмы 2 и др.)

Образы ситуации: 49 – 22,7% (люди спуют по цеху 6; цех 3; рядом продают квас 1 и др.)

4. *Статические образы:* 146 – 67,6% (корпуса 6; толстые трубы 2; много окон 1 и др.).

Динамические образы: 22 – 7,3% (всё в движении 2; трубы дымят 24; лязг железа 1 и т.д.).

5. *Образы, обусловленные ситуацией эксперимента:* отсутствуют – 0%

Внеситуативные образы: 216 – 100%

По типу объективации образа:

1. *Эмоционально-оценочные образы:* 9 – 4,2% (неприятный запах 3; серый и мрачный 2; скучное здание 1 и др.)

Образы без эмоционально-оценочной составляющей: 207 – 95,8% (мебель 1; забор 1; автомобили 1 и др.)

2. *Обобщённые образы:* 54 – 25% (грязь 7; корпуса 6; утро 1 и проч.).

Детализированные образы: 162 – 75% (дым из трубы 15; бетонные стены 2; белый дым 1 и др.).

Большая часть реакций на данную лексему отражает реалии времени, в котором живут испытуемые (например, «Коминтерновский завод 2», «Мехзавод 2», «Ликёро-водочный 2», «бетонные стены 2», «люди в белых халатах 2», «памятник Ленину 2» и проч.). Перцептивный эксперимент, направленный на работу с индивидуальным сознанием, предполагает выявление этой особенности содержания чувственных образов, ибо большинство образов-представлений формируется на базе индивидуального перцептивного опыта. Можно предположить, что если эксперимент с такой же инструкцией в связи со словом *завод* провести через 30-50 лет, то реакции уже будут другими. Также иные реакции были бы получены, если бы эксперимент ставился в другом населённом пункте (многие описывают в эксперименте Воронежский механический завод, завод им. Коминтерна, ликёро-водочный завод, которые известны

в Воронеже). Следовательно, данные перцептивного эксперимента (как, видимо, и любого психолингвистического) «привязаны» ко времени и месту проведения исследования и могут варьироваться.

Однако такая относительность чистоты эксперимента вовсе не отрицает его результатов, не является аргументом против включения чувственного образа в структуру значения слова. Конкретное наполнение чувственного образа зависит от многих переменных: времени, места проведения эксперимента, условий проведения, индивидуального стиля ответов на вопросы респондентов. Но соотношение разных типов чувственных образов в структуре образного компонента значения, видимо, остаётся неизменным. Мы можем предположить, что стабильными являются соотношение зрительных, слуховых, обонятельных и проч. образов в связи с данной лексемой; пропорция образов объекта и образов ситуации; образов, обусловленных ситуацией эксперимента и не зависящих от неё, а также соотношения реакций в рамках других классификационных групп чувственных образов. Вот почему представляется продуктивной попытка моделирования образного компонента значения слова – это и есть возможность выявить его содержание.

Содержание большинства чувственных образов, полученных в эксперименте в связи со словом *завод* можно представить в виде модели: *свойства объекта* («серое здание 10», «серый и мрачный 2» и др.) – *структура объекта* («много труб 16»; «корпуса 6», «станки 5» и др.) – *свойства структурных частей объекта* («длинная труба 7», «толстые трубы 2», «белый дым 1») – *окружение объекта* («памятник Ленину 1», «забор 1», «рядом продают квас 1»). Реакции «мебель 1», «ракеты», «консервы 1» в эту модель не укладываются, это чувственные образы продукции, которую производят на заводах. Образы подобного типа часто встречаются в связи с глаголами (см. ниже) – это *образы объекта, на который направлено действие*.

Все реакции, возникшие у испытуемых в связи с данным конкретным существительным можно соотнести со значением слова «1. Промышленное предприятие с механизированными процессами производства» (Ожегов, Шведова 1999, с.200).

В перечне образов конкретного существительного *завод* по типу образа преобладают зрительные статические внеситуативные образы-картинки объекта, по типу объективации образа преобладают не оценочные детализированные образы.

Стекло

В ходе перцептивного эксперимента получено 314 реакций

По типу образа:

1. *Зрительные образы:* 302 – 96,1% (окно 72; разбитая бутылка 5; рама 2 и др.)

Слуховые образы: 2 – 0,6 % (звон стекла 2).

Осязательные образы: 10 – 3,3% (твёрдое 2; острое 1; гладкое 1)

Вкусовые образы: отсутствуют – 0 %.

Обонятельные образы: отсутствуют – 0%.

2. Среди зрительных

Образы-схемы: отсутствуют – 0%

Образы-картинки: 302 – 100%

3. *Образы объекта:* 282 – 89,8% (окно 72; чистое 7; разбитое 4 и др.)

Образы ситуации: 32 – 10,2% (вид из окна на улицу 10; пейзаж за окном 4; деревья за окном 3 и др.)

4. *Статические образы:* 308 – 98% (очень прозрачное 79; неровные края 4; голубое 2 и др.).

Динамические образы: 6 – 2% (звон стекла 2; я бью стекло 1; стекло падает на пол 1 и т.д.).

5. *Образы, обусловленные ситуацией эксперимента:* отсутствуют – 0%

Внеситуативные образы: 314 – 100%

По типу объективации образа:

1. *Эмоционально-оценочные образы:* 4 – 1,3% (чувство страха 2; чувство расставания 1; чувство счастья 1 и др.)

Образы без эмоционально-оценочной составляющей: 310 – 98,7% (тонкое 2; большое 2; твёрдое 2 и др.)

2. *Обобщённые образы:* 20 – 6,4% (вид из окна на улицу 10; пейзаж за окном 4 и др.).

Детализированные образы: 294 – 93,6% (капли дождя на стекле 8; матовое 2; линзы подзорной трубы 1 и проч.).

При обсуждении результатов эксперимента в связи со словом *книга* мы выявили одно из свойств чувственных образов: в фокус внимания испытуемых попадают не все характеристики отражаемой реальности, но лишь практически полезные или очень заметные (например, размер книги релевантен, лишь если книга большая). Та же закономерность отражена и в данном случае в реакциях «разбитое 4», «неровные края 4», «осколки 4», «звон стекла 2», «разбитое стекло в машине 1». В остальных ответах респондентов описывается неповреждённое стекло, но это не осмысливается описывающими.

Интересны реакции «утки на пруду 1», «лёд 1». Вероятно, в чувственном представлении воплощается распространённое сравнение глади пруда и льда со стеклом (по образным реакциям можно реконструировать либо сравнения – «пруд, как стекло», «лёд, как стекло», либо метафоры «стекло пруда», «стекло льда»). Данные перцептивного эксперимента косвенно свидетельствуют о частотной сочетаемости слова, а также о тропеическом словоупотреблении.

Среди ответов испытуемых встречается реакция «стекло: недоступность: слёзы, тревога 1». Чувственный образ здесь вторичен. Конкретное существительное осмысливается через абстрактное, и то, в свою очередь ассоциируется с чувственными образами.

Содержание большинства чувственных образов, полученных в эксперименте в связи со словом *стекло* можно представить в виде модели: *свойства объекта* («очень прозрачное 79», «хрупкое 21», «чистое 7», «холодное 6» и проч.) – *окружение объекта* («жалюзи на окне 1», «кактусы на подоконнике 1», «вид из окна на улицу 10», «деревья за окном 3», «небо 2» и т.п.).

Большинство реакций, полученных в ходе перцептивного эксперимента можно соотнести со значением конкретного существительного *стекло*: «2. Тонкий лист, или другой формы изделие из прозрачного твёрдого материала» (Ожегов, Шведова 1999, с.765). Однако образы «окно 72», «вид из окна на улицу 10», «пейзаж за окном 3», «стеклопакет 3» и подобные свидетельствуют о том, что в сознании испытуемых слова *окно* и *стекло* синонимичны, ибо это реакции, скорее, на лексему *окно*. Вероятно, мы наблюдаем в данном случае формирование нового значения существительного *стекло* – оконный проём.

В перечне образов конкретного существительного *стекло* по типу образа преобладают зрительные статические внеситуативные образы-картинки объекта, по типу объективации образа преобладают неоценочные детализированные образы.

Таким образом, в ходе перцептивного эксперимента для всех конкретных существительных были выявлены яркие чувственные образы.

В перечне образов конкретного существительного по типу образа преобладают зрительные статические внеситуативные образы-картинки объекта, по типу объективации образа преобладают неоценочные детализированные образы.

В перечне реакций также встречаются слуховые, обонятельные и зрительные динамические образы объекта и ситуации.

Большинство чувственных образов можно соотнести с первым денотативным значением предметного существительного.

Чувственные образы, выявленные в эксперименте, косвенно указывают на частотную сочетаемость слова, включённость его в синонимические ряды и лексико-семантические группы.

Чувственный образ конкретного существительного подлежит моделированию, его содержание схематически может быть представлено как: свойства объекта – окружение объекта – действия, выполняемые объектом – структура объекта – свойства структурных частей объекта.

В перечнях реакций частотных оказывается больше, чем единичных, что свидетельствует об относительной стандартизованности чувственного образа.

В списке реакций присутствуют образы-схемы объекта, что говорит о рационализации чувственного представления. Вероятно, схематичность –

специфика именно чувственных образов слов конкретной семантики, ибо они называют перцептивно воспринимаемые реалии, которые легко подвергаются схематизации.

Источником формирования образа в структуре значения слова является предметный мир, точнее, отношение носителя языка к окружающей его действительности. Реальность в образном компоненте значения предстаёт как в форме субъективных, индивидуализированных образов, фиксирующих непосредственный перцептивный опыт индивида, так и в форме вторичного отражения – образов фантазии, культурно маркированных образов и образов-стереотипов, отражающих коллективный опыт носителей языка.

Можно предположить, что чувственный образ входит в смысловую структуру конкретных существительных.

2.3.2. Образ в структуре значения абстрактных существительных

Дело

В ходе перцептивного эксперимента получено 244 реакции.

По типу образа:

1. *Зрительные образы*: 212 – 86,9% (папка с надписью «Дело №» 31; мужчина работает на станке 9; планы записаны в ежедневнике 2 и др.).

Слуховые образы: 4 – 1,6% (я разговариваю с другом 2; монотонный гул 1; крики присяжных 1).

Осязательные образы: отсутствуют – 0%

Вкусовые образы: отсутствуют – 0 %.

Обонятельные образы: отсутствуют – 0 % .

Среди полученных реакций есть такие, которые не поддаются классификации образа по перцептивному основанию: 28 – 11,5% (нечто серьёзное 6; нечто трудное 6; чувство радости 4 и др.).

2. Среди зрительных образов:

Образы-схемы: отсутствуют – 0%

Образы-картинки: 212 – 86,9% (папка с надписью «Дело №» 31; мужчина работает на станке 9; планы записаны в ежедневнике 2 и др.).

3. *Образы объекта*: 90 – 36,9% (папка с надписью «Дело №» 31; папка с надписью «Личное дело» 5; стол и учебники 4 и др.)

Образы ситуации: 154 – 63,1% (я делаю уроки 13; я убираю квартиру 12; мужчина работает на станке 9)

4. *Статические образы*: 103 – 42,2% (папка с надписью «Личное дело» 5; папка с бумагами 10; пустой класс 4 и др.).

Динамические образы: 141 – 57,8% (я разговариваю с другом 2; все суетятся 2; мужчина рубит дерево 2 и т.п.).

5. *Ситуативные образы*: 8 – 3,3 % (стол и учебники 4; ручка и тетрадь на парте 2; я на учёбе 2).

Эти образы можно расценить как обусловленные ситуацией проведения эксперимента, так как эксперимент проводился в университетских аудиториях и школьных классах.

Внеситуативные образы: 236 – 96,7% (мужчина занят бизнесом 5; следователь 4; офис 2 и др.).

По типу объективации образа:

1. *Эмоционально-оценочные образы*: 37 – 15,2% (нечто серьёзное 6; нечто трудное 6; человек с серьёзным выражением лица 4 и др.).

Образы без эмоционально-оценочной составляющей: 207 – 84,8% (мы убираем кабинет 4; я спешу 3; пластиковая папка 2 и др.).

2. *Обобщённые образы*: 49 – 20% (моя работа 8; мужчина занят бизнесом 5; много начальников 1 и др.)

Детализированные образы: 195 – 80% (папка с надписью «личное дело» 5; ручка и тетрадь на парте 2; мужчины в серых костюмах 2 и др.).

В структуре значения существительного абстрактной семантики, как и конкретной, зрительные образы составляют ядро образного представления. Однако представлений других модальностей в процентном отношении здесь больше, чем в предыдущих примерах. Возможно, обилие зрительных образов в связи с конкретными существительными связано с их семантикой: существительные конкретной семантики называют предметы, которые можно непосредственно наблюдать.

Среди реакций встречаются такие, которые не поддаются классификации по перцептивному основанию («нечто серьёзное», «нечто трудное»). Сама словесная объективация образа в данном случае препятствует его однозначной интерпретации. Неопределённые местоимения свидетельствуют о том, что испытуемый сталкивается с трудностью называния, описания образа. Однако такие ответы испытуемых не говорят об отсутствии чувственного образа. Видимо, представления, связанные с абстрактной лексикой, отличаются от образных ассоциаций конкретных существительных. Они менее конкретны, следовательно, с трудом объективируются в эксперименте.

Интересна природа образов «папка с надписью «Дело №», «надпись «Делу время, потехе – час», «папка с надписью «Дело о...» и «слышу пословицу «Сделал дело – гуляй смело!», «реклама пива со слоганом «Сделал дело – гуляй смело!». Испытуемым представляется не реалья, которую обозначает слово *дело*, а сама знаковая оболочка лексемы (графическая и акустическая). Т.е. образом в сознании может чувственно отражаться не только означаемое, но и означающее слова. В связи с конкретным существительным ассоциаций такого типа не возникло – там на первый план выходит реалья, которую обозначает слово, её отражение становится доминантой чувственного образа.

Среди выявленных экспериментально чувственных образов динамические преобладают (в образной структуре конкретного существительного доминируют статические образы). Возможно, это связано с тем, что *дело* – отглагольное существительное. Образные ассоциации отглагольного существительного по своей специфике ближе к образным ассоциациям глагола, чем к реакциям на конкретное существительное.

Нередко в связи с лексемой *дело* испытуемые описывают мужчину, занятого какой-либо деятельностью: «мужчина у станка»; «мужчина сидит в кресле»; «столяр пилит дерево» и т.д. Здесь отразилось устоявшееся в сознании людей восприятие мужчины как деятеля. Такие образы, вероятно, – отражение социальных стереотипов испытуемых.

Также к социальным стереотипам можно отнести «высветившееся» в ходе эксперимента представление о современном деловом человеке: «мужчины в серых костюмах», «успешные люди – люди в костюмах», «красные галстуки».

По данным реакциям можно выявить ещё одну черту образных ассоциаций слова – их антропоцентризм. Эта особенность обнаруживается и при рассмотрении результатов эксперимента по словам конкретной семантики, только там проявляется иначе (например, в связи со словом-стимулом *голова* испытуемые описывали преимущественно человеческую голову, хотя такого ограничения экспериментатор не ставил; в связи с лексемой *глаз* возникали представления человеческого глаза и т.п.).

Антропоцентрический характер чувственных образов, связанных с существительным *дело* проявляется в том, что описание образа сводится к описанию субъекта – деятеля. Т.е. в центре образного представления слова абстрактной семантики оказывается человек (ср.: содержательной доминантой чувственных образов конкретных существительных является предмет). Видимо, эта особенность чувственных образов детерминирована абстрактностью семантики исследуемого слова. Представление как форма чувственного познания действительности тяготеет к отражению перцептивно данного референта. Абстрактные существительные не называют таких объектов, но, скорее, номинируют тип отношения человека к действительности, поэтому этим референтом и становится сам индивид – носитель отношения, свойства (в данном случае человек, который занимается делом, в связи с лексемой *время* – человек, который спешит (см. ниже) и т.п.).

Полученные в ходе эксперимента реакции можно соотнести с двумя значениями многозначного слова *дело* : «1. работа, занятие, деятельность» (Ожегов, Шведова 1999, с.159), («я делаю уроки», «я убираю квартиру» и проч.); «9. судебное разбирательство, процесс» (Ожегов, Шведова 1999, с. 159) («тушь течёт по щекам, крики присяжных»; «следователь»).

В перечне образов абстрактного существительного *дело* по типу образа преобладают зрительные динамические внеситуативные образы-картинки

ситуации, по типу объективации образа преобладают неоценочные детализированные образы.

Время

В ходе перцептивного эксперимента получено 269 реакций

По типу образа:

1. *Зрительные образы:* 258 – 95,9% (часы 46; большие настенные часы 29; стрелки часов 12) .

Слуховые образы: 10 – 3,7% (тиканье часов 4; звонок с урока 3; нудный звук тикающих часов 1 и др.)

Осязательные образы: отсутствуют – 0%.

Вкусовые образы: отсутствуют – 0 %.

Обонятельные образы: отсутствуют – 0 % .

Среди полученных реакций есть такие, которые не поддаются классификации образа по перцептивному основанию: 1 – 0,4% (чувство неуверенности 1).

2. Среди зрительных образов:

Образы-схемы: 5 – 1,9% (стрелки + циферблат 5)

Образы-картинки: 253 – 94,1% (наручные часы с секундной стрелкой 17; песочные часы 9; будильник на тумбочке 3; Куранты на Спасской башне 3 и др.).

3. *Образы объекта:* 206 – 76,6% (наручные часы с секундной стрелкой 17; стрелки часов 12; кукушка 1 и др.)

Образы ситуации: 63 – 23,4% (зимний пейзаж за окном 3; утро 2; дни проносятся 9 и др.)

4. *Статические образы:* 212 – 78,8% (большие настенные часы 29; песочные часы 9; круглый циферблат 3 и др.).

Динамические образы: 57 – 21,2% (дни проносятся 9; песок течёт 6; я бегу с ускорением 3 и др.).

5. *Ситуативные образы:* 8 – 3 % (на циферблате 11.45 – до конца урока 15 минут 8)

Эти образы можно расценить как обусловленные ситуацией проведения эксперимента, так как эксперимент проводился в университетских аудиториях и школьных классах.

Внеситуативные образы: 261 – 97% (большие настенные часы 29; мелькание времён года 3; деньги 2 и др.).

По типу объективации образа:

1. *Эмоционально-оценочные образы:* 2 – 0,7% (нудный звук тикающих часов 1; чувство неуверенности 1).

Образы без эмоционально-оценочной составляющей: 267 – 99,3% (часы 46; белый циферблат с чёрными цифрами 1; парк ночью 1 и др.).

2. *Обобщённые образы:* 108 – 40% (часы 46; спешка 6; моя жизнь 5; утро 2 и др.)

Детализированные образы: 161 – 60% (большие настенные часы 29; наручные часы с секундной стрелкой 17; шестерёнки часов в движении 2 и др.).

Интересен образ «часы идут». Его можно проинтерпретировать и как зрительный, и как слуховой. Возможно, в этом образе проявлена одна из существенных черт представления как формы чувственного отражения действительности – синестезия. Однако не исключено, что респондент, от которого получена данная реакция, объективировал не синестетический образ, но зрительный или слуховой. Мы сталкиваемся с классической трудностью интерпретации результатов психолингвистического эксперимента, где бывает сложно отграничить индивидуальное сознание испытуемого от индивидуального сознания интерпретатора.

Среди выявленных в ходе эксперимента чувственных образов обнаруживается сравнительно большое количество образов объекта (что присуще образным реакциям на слова конкретной семантики). Среди образов объекта в основном – описания часов: «часы 46», «наручные часы с секундной стрелкой 17», «стрелки часов 12» и т.п. Видимо, обилие образов объекта в данном случае – результат символического восприятия понятия времени испытуемыми.

Согласно концепции А.Шаффа, «символы выступают как подкласс замещающих знаков и характеризуются главным образом тремя чертами: 1) материальные предметы представляют здесь абстрактные предметы, 2) представление опирается на договор, который надо знать, чтобы можно было понять символ, 3) условное представление опирается на чувственное по своей внешней форме представление абстрактного понятия, выраженного знаком... Глубочайший смысл символов состоит в том, что они приближают абстрактные понятия к человеку, показывая ему абстрактные содержания в образе материального предмета, то есть в форме, более лёгкой для восприятия разумом и сохранения в памяти» (Шафф 1963, с.193-194).

Чувственные образы «песок течёт 6», «река 1», «река с быстрым течением 1», «кораблик, бегущий по ручью 1» также иллюстрируют символичность восприятия понятия времени. Приведённые выше чувственные образы почерпнуты не из индивидуального перцептивного опыта испытуемых, но уже закреплены, стандартизованы в мировой культуре. В произведениях живописи и литературы традиционно метафорическое восприятие времени как реки, бурного потока, струящегося песка; время «подаётся» через пространство, посредством изображения движущегося объекта (в этом состоит феномен хронотопа, детально рассмотренный в работах М.М.Бахтина) Наличие среди выявленных чувственных образов-символов, вероятно, свидетельствует о том, что образное представление как компонент значения слова в некоторой степени может быть рационализировано и рождается не только на базе непосредственного перцептивного опыта.

Культурно маркирован образ «часы повисли на ветке», так как, видимо, он восходит к картине Сальвадора Дали «Время».

Так как в перечне реакций на абстрактное существительное *время* преобладают образы объекта, объяснимо появление в ходе эксперимента образов-схем («стрелки + циферблат 5»), ибо представление объекта может поддаваться схематизации на базе редукции черт объекта.

Возможность схематизации, редукции представления, по мысли психологов, заложена в самой природе вторичного образа. «Выпадение абсолютных величин проявляется в двух моментах: в несохранении числа однородных элементов (например, числа колонн в представлении об Исаакиевском или Казанском соборе. Как это показано в работах Б.Г.Ананьева); в нарушении воспроизведения абсолютных размеров отображаемого пространственного массива и в особенности размеров отдельного объекта» (Веккер 1974, с.283). «При внимательном анализе или попытке установить все стороны или черты предмета, образ которого дан в представлении, обычно оказывается, что некоторые стороны, черты или части вообще не представлены» (Рубинштейн 1973, с.241).

Обобщённость образа и, как следствие, возможность возникновения образов-схем объекта обусловлены отсутствием непосредственного воздействия представляемого объекта на анализатор. «Отсутствие такого воздействия снимает прямое влияние границ сенсорно-перцептивного поля, благодаря чему создаётся принципиальная возможность большей полноты метрически инвариантного воспроизведения объекта. Но это же отсутствие непосредственного раздражения вместе с тем сильно затрудняет воспроизведение всей полноты единичной специфичности данного объекта, смещая это воспроизведение в сторону топологической схемы или «портрета класса» (Веккер 1974, с.284).

Рационализация чувственного представления проявляется не только в возникновении образов-схем. Так, например, реакции «часы идут» и «шестерёнки часов в движении» называют одну и ту же предметную ситуацию, однако отражают разный взгляд на реалию. Вероятно, чувственный образ как компонент лексического значения – не копия действительности, но тип отношения к ней. По этой причине представляется важным в ходе описания результатов эксперимента сосредоточивать внимание не только на типах образов, но и – отдельно – на способах их объективации.

Интересна реакция «деньги»: вероятно, она соотносима с устойчивым выражением «время – деньги». В данном случае в сознании респондента сначала возникает синтагматическая ассоциация – актуализируется фраза, в которую входит слово, – а затем возникает чувственное представление денотативной ситуации, названной во фразе. Можно предположить, что «языковой опыт» испытуемого оказывает влияние на образное ассоциирование слова.

Реакции «нечто течёт 3», «нечто светлое 2» свидетельствуют о трудности адекватного описания чувственного образа. В перечне образных реакций конкретных существительных таких ответов испытуемых практически не было. Это говорит не об отсутствии образа

в смысловой структуре абстрактного слова, но о несколько иной природе такого образа. Существительное *время* называет реалию, которую невозможно наблюдать визуально в действительности, поэтому не всегда с данным словом ассоциируется образ предмета. Кроме того, по мысли Дж. Миллера, нечёткость, размытость – черты, которые в принципе присущи любому образу. «Образ, чтобы им можно было пользоваться, обязательно должен быть нечётким. Если бы образы-в-памяти были полностью детализированы, как фотографии, они не могли бы служить для хранения неполной информации» (Миллер 1999, с.239).

Полученные в ходе эксперимента реакции можно соотнести с двумя значениями многозначного слова *время*: «2. Продолжительность, длительность чего-либо, измеряемая секундами, минутами, часами» (Ожегов, Шведова 1999, с. 103) – «большие настенные часы»; «будильник на тумбочке » и др.; «6. Пора дня, года» (Ожегов, Шведова 1999, с.103) – «мелькание времён года»; «парк ночью 1».

В перечне образов абстрактного существительного *время* по типу образа преобладают зрительные статические внеситуативные образы-картинки объекта, по типу объективации образа преобладают неоценочные детализированные образы.

Жизнь

В ходе перцептивного эксперимента получены 272 реакции

По типу образа:

1. *Зрительные образы*: 261 – 95,9% (проносятся кадры моей жизни 19; дети играют 15; младенец 3 и др.)

Слуховые образы: 4 – 1,5% (смех 1; стук сердца 1; крик новорожденного 1 и др.)

Осязательные образы: отсутствуют – 0%.

Вкусовые образы: отсутствуют – 0%.

Обонятельные образы: отсутствуют – 0% .

Среди полученных реакций есть такие, которые не поддаются классификации образа по перцептивному основанию: 7 – 2,6% (чувство любви 2; ожидание чего-то неопределённого 1; веселье 1 и др.).

2. Среди зрительных образов:

Образы-схемы: отсутствуют – 0%

Образы-картинки: 100% (новорожденный в кроватке 17; мои друзья за праздничным столом 16; роды 12 и др.).

3. *Образы объекта*: 117 – 43% (бабочки 1; рыбки 1; фотоальбом 1 и др.)

Образы ситуации: 155 – 57% (проносятся кадры моей жизни 19; человек умирает 4; идёт урок 2 и др.)

4. *Статические образы*: 124 – 45,6% (тропинка в лесу 1; дорога через луг 1; могила с крестом 1 и др.).

Динамические образы: 148 – 54,4% (широкая река с сильным течением 5; нечто движется 3; быстро распускающиеся цветы 3 и др.).

5. Ситуативные образы: 2 – 0,7% (идёт урок 2)

Эти образы можно расценить как обусловленные ситуацией проведения эксперимента, так как эксперимент проводился в университетских аудиториях и школьных классах.

Внеситуативные образы: 270 – 99,3% (моя мама 5; длинная дорога 5; густой тёмный лес 4 и др.).

По типу объективации образа:

1. *Эмоционально-оценочные образы:* 33 – 12% (нечто прекрасное 16; счастливая семейная пара 3; красивая девушка за столом 1 и др.).

Образы, лишённые эмоционально-оценочной составляющей: 239 – 88% (дети играют 15; толпа людей 5; младенец и старик 4 и др.).

2. *Обобщённые образы:* 80 – 29,4% (лето 2; час пик 1; суета 1 и др.)

Детализированные образы: 192 – 70,6% (длинная дорога 5; густой тёмный лес 4; зелёная трава у тропы 3 и др.).

Если сравнить перечни реакций на слова *жизнь* и *время*, то окажется много тематически общих. *Жизнь*: «широкая река с сильным течением»; «люди в движении»; «длинная дорога»; «туннель»; «ломаная линия». *Время*: «кораблик, бегущий по ручью»; «нечто течёт»; «я бегу с ускорением»; «Млечный путь». Общий смысловой компонент этих образов – движение. Существительные *время* и *жизнь* не являются синонимами, но, возможно их можно отнести к одному лексико-семантическому полю, что вскрывают пересекающиеся образные ассоциации этих слов.

Образы «широкая река с сильным течением 5», «длинная дорога 5», «дорога через луг 1», «тропинка в лесу 1» соотносятся с устоявшимися в языке метафорическими представлениями жизни как реки и дороги (жизненный путь, течение жизни и т.д.). Видимо, на формирование значения слова в индивидуальном сознании существенно влияет языковая картина мира народа. Косвенно это влияние отразилось на результатах перцептивного эксперимента.

Образы «отрезок на бумаге 2», «линия на руке 2», «луч выходит из точки О 1» похожи на образы-схемы, однако таковыми в чистом виде не являются. Выше приводился пример образа-схемы в связи с лексемой *время* – «циферблат + стрелки». Это схема объекта – часов, который легко по данной схеме мысленно восстанавливается, здесь же такая «десхематизация» невозможна. Видимо, рассматриваемые образы тоже могут быть расценены как визуализированные метафоры, символы: абстрактное понятие *жизнь* символизировано материальным объектом – линией. Наличие подобных образов свидетельствует о том, что не только эмпирическая база ложится в основание чувственного образа, этой основой

становится та система культурных кодов, та система материальных знаков, в которую «встроен» индивид.

Судя по данным перцептивного эксперимента, среди образов существительных абстрактной семантики гораздо больше перцептивно преломлённых метафорических образов, нежели среди образных ассоциаций существительных конкретной семантики.

Культурную составляющую имеют чувственные образы «дерево, дом, мальчик 2»; «Новый год 1»; «газета «Жизнь» 1»; «песня «Я люблю тебя, жизнь!» 1». Первая из приведённых реакций может быть отнесена к объективирующим культурно маркированные образы, так как, видимо, соотносима с восточной мудростью: «Каждый мужчина должен за жизнь построить дом, посадить дерево, вырастить сына».

Большая часть полученных образных ассоциаций слова антропоцентричны: понятие *жизнь* образно осмысляется как жизнь человека («проносятся кадры моей жизни 19»; «новорожденный в кровати 17», «мои друзья за праздничным столом 16» и т.п.).

Полученные в ходе эксперимента реакции можно соотнести со значением многозначного слова *жизнь*: «3. Время существования от его возникновения до конца, а также в какой-нибудь его период» (Ожегов, Шведова 1999, с.194) – «новорожденный в кровати»; «проносятся кадры моей жизни » и др.

В перечне образов абстрактного существительного *жизнь* по типу образа преобладают зрительные динамические внеситуативные образы-картинки ситуации, по типу объективации образа преобладают неоценочные детализированные образы.

Работа

В ходе перцептивного эксперимента получено 286 реакций

По типу образа:

1. Зрительные образы: 256 – 89, 5% (бумажные деньги 41; стол с бумагами 18; мужчина идёт утром по улице 11 и др.)

Слуховые образы: 1 – 0,4% (писк приборов)

Осязательные образы: 13 – 4,5% (чувство мышечной усталости 13)

Вкусовые образы: отсутствуют – 0 %.

Обонятельные образы: 1 – 0,4% (запах пота)

Среди полученных реакций есть такие, которые не поддаются классификации образа по перцептивному основанию: 15 – 5,2% (мне скучно 4; чувство удовольствия 11)

2. Среди зрительных образов:

Образы-схемы: отсутствуют – 0%

Образы-картинки: 256 – 89,5% (люди в движении 13; женщина работает в поле 9; человек сидит за столом 3 и др.).

3. Образы объекта: 136 – 48% (бумажные деньги 41; компьютер 8; удобный стул 1 и др.)

Образы ситуации: 150 – 52% (мужчина в зале суда 2; я иду на работу 2; я подметаю комнату 2 и др.)

4. *Статические образы:* 172 – 60% (стол с бумагами 18; стол 6; пустой цех 2 и др.).

Динамические образы: 114 – 40% (люди в движении 13; художник рисует картину 3; потный кузнец бьёт молотом по наковальне 1 и др.).

5. *Ситуативные образы:* 1 – 0,4% (кабинет химии)

Этот образ можно расценить как обусловленный ситуацией проведения эксперимента, так как эксперимент проводился в университетских аудиториях и школьных классах.

Внеситуативные образы: 285 – 99,5% (мужчина идёт утром по улице 11; мой папа 9; рабочий 2 и др.).

По типу объективации образа:

1. *Эмоционально-оценочные образы:* 24 – 8,4% (трудная работа 3; тяжёлая физическая работа 4; замученные люди 1 и др.).

Образы, лишённые эмоционально-оценочной составляющей: 262 – 91,6% (стол 6; бумаги 5; станок 2 и др.).

2. *Обобщённые образы:* 45 – 15,7% (люди в движении 13; офис 7; начальство 3 и др.)

Детализированные образы: 241 – 84,3% (бумажные деньги 41; мужчина в чёрной форме у станка 5; мужчина сидит за компьютером 1 и др.).

При сопоставлении реакций на слово-стимул *дело* и на слово-стимул *работа* выявляются совпадающие. Видимо, синонимы кодируются в сознании испытуемых сходными чувственными образами.

Интересны реакции «бомж в забрызганном пиджаке»; «пустой цех завода в полумраке»; «станки не работают». Здесь ассоциирование идёт на слово «безработица», т.е. у респондентов возникают ассоциации по контрасту. Слова *работа* и *безработица* – антонимы. Вероятно, не только синонимы, но и антонимы могут содержать в значении сходные чувственные образы.

Чувственные образы «дети пишут контрольную работу» и «я делаю домашнюю работу» – реакции не на лексему *работа*, а на словосочетания «домашняя работа», «контрольная работа». Вероятно, образные ассоциации слова обуславливаются не только эмпирическим опытом индивида, но и языковыми связями слова, компонентом значения которого является образ.

Образ «заголовок в газете «Работа» – зрительное представление графической оболочки лексемы *работа*.

При рассмотрении типов объективации образов данной лексемы обнаруживается сравнительно большое количество обобщённых образов. Особо интересны образы «начальство 3», «тяжёлая физическая работа 4», «физически работающий человек 2», «толстый начальник 1». Вероятно, испытуемые не считают необходимым подробно описывать, как выглядит начальство, физически работающий человек, потому что считают, что это

экспериментатор себе представляет. Можно предположить, что вышеприведённые реакции объективируют релевантные для национального сознания самостоятельные концепты (*начальник, физически работающий человек, физическая работа*).

Полученные в ходе эксперимента реакции можно соотнести со значением существительного *работа* «2. Занятие, труд, деятельность» (Ожегов, Шведова 1999, с.637).

В перечне образов абстрактного существительного *работа по типу образа* преобладают зрительные статические внеситуативные образы-картинки ситуации, по типу объективации образа преобладают неоценочные детализированные образы.

Страна

В ходе перцептивного эксперимента получено 330 реакций.

По типу образа:

1. *Зрительные образы*: 308 – 93,3% (толпа людей 36; карта России 10; город Москва 3 и др.)

Слуховые образы: 15 – 4.5% (слышу слово «Россия» 4; звуки гимна России 9; звуки русской речи 2)

Осязательные образы: отсутствуют – 0%.

Вкусовые образы: отсутствуют – 0 %.

Обонятельные образы: отсутствуют – 0 % .

Среди полученных реакций есть такие, которые не поддаются классификации образа по перцептивному основанию: 7 – 2,2% (тёплые чувства 7).

2. Среди зрительных образов:

Образы-схемы: 77 – 23,3% (географическая карта – изображение России розовым цветом 52; карта России 10; красным граница СССР 3 и др.). Отнесение вышеперечисленных образов к схематическим можно поставить под сомнение, так как схематизация в данном случае осуществляется не самим испытуемым. Эти образы – отражение уже существующих схематических изображений реальности.

Образы-картинки: 231 – 70 % (В.В.Путин в своём кабинете 22; бескрайние поля 6; герб России 4 и др.).

3. *Образы объекта*: 257 – 77,9% (карта России 10; американский флаг 2; глобус 2 и др.)

Образы ситуации: 155 – 57% (я путешествую 3; я купаюсь в море 2; заседание Госдумы в зале 2 и др.)

4. *Статические образы*: 297 – 90% (географическая карта 9; горы 5; мой дом 2 и др.).

Динамические образы: 33 – 10% (флаг России, развевающийся на ветру 7; я купаюсь в море 2; отмечается 9 мая 1 и др.).

5. *Ситуативные образы*: 1 – 0,3% (я сижу за партой)

Этот образ можно расценить как обусловленный ситуацией проведения эксперимента, так как эксперимент проводился в университетских аудиториях и школьных классах.

Внеситуативные образы: 329 – 99,7% (толпа людей 36; звуки гимна России 9; государственная граница 4 и др.).

По типу объективации образа:

1. *Эмоционально-оценочные образы:* 10 – 3% (тёплые чувства 7; красивая 3).

Образы, лишённые эмоционально-оценочной составляющей: 320 – 97% (Красная площадь 5; улицы города 3; колосья пшеницы 2 и др.).

2. *Обобщённые образы:* 74 – 22,4% (большая 14; кругом беспорядок 5; Австралия 1 и др.)

Детализированные образы: 256 – 77,6% (географическая карта мира – изображение России розовым цветом 52; герб России 5; голубое небо 1 и др.).

Большинство полученных в ходе эксперимента реакций имеют семантический компонент «родина»: «географическая карта мира – изображение России розовым цветом», «карта России», «бескрайние поля» и т.п. Значение «родина» не зафиксировано в толковых словарях в дефинициях лексемы *страна* (см. Толковый словарь русского языка под ред. С.И.Ожегова, Н.Ю. Шведовой; Большой толковый словарь русского языка под ред. С.А. Кузнецова, МАС под ред. А.П. Евгеньевой). Вероятно, перцептивный эксперимент выявляет актуальные для носителей языка значения слов (не всегда находящие отражение в словарных дефинициях). В данном случае можно предположить, что в семантической структуре лексемы *страна* присутствует значение *родина*.

Реакции «герб России 1»; «звуки гимна России 2»; «флаг России, развевающийся на ветру 2» – описание государственной символики. По смыслу эти образы скорее соотносятся со словом *государство*, нежели с существительным *страна*. Эти абстрактные существительные имеют общие семантические признаки, что отражено в перечне образных ассоциаций.

Реакции «герб России 1»; «флаг России, развевающийся на ветру 2» и «Красная площадь» сходны по своей специфике. В этих реакциях объективируются устоявшиеся в национальном сознании символы России. Следовательно, в ходе перцептивного эксперимента, направленного на выявление чувственных образов, связанных с той или иной лексемой, могут быть обнаружены чувственные образы, которые являются символами названной словом реалии. Это делает результаты подобных экспериментов практически полезными при составлении пособий по лингвострановедению, лингвострановедческих иллюстративных словарей, при составлении которых исследователи нередко сталкиваются с трудностью выбора визуализируемых символов страны.

Образ «Шотландия: овцы, пастбища» – объективация существующего в сознании испытуемых стереотипного представления о Шотландии.

На наш взгляд, стереотипность и символичность выявляемых в ходе перцептивного эксперимента чувственных образов – свидетельство их рационализации. Рационализация чувственного образа проявляется в том

числе в его формировании на основании приобщения индивидом культурного опыта.

Чувственные образы «леса, поля, реки 7»; «Гёте и Вагнер 1»; «программа «Вокруг света» 1» культурно маркированы. Реакция «леса, поля, реки» отнесена к культурно маркированным, потому что, вероятно, коррелирует со строчкой из песни И. Дунаевского «Широка страна моя родная».

Среди обобщённо объективированных образов интерес представляет образ «заграничная страна». Этот образ конвенционален, т.е. у испытуемого, приведшего такую реакцию, есть усреднённое представление о заграничной стране, и он предполагает, что такое же представление есть и у экспериментатора. Вероятно, словосочетание «заграничная страна» объективирует существующий в национальной концептосфере самостоятельный концепт.

Полученные в ходе перцептивного эксперимента реакции можно соотнести со значениями слова *страна* «1. Территория, имеющая собственное государственное управление или управляемая другим государством» (Ожегов, Шведова 1999, с.772): «В.В. Путин в своём кабинете», «флаг России», «герб России» и т.п.; «2. Местность, территория» (Ожегов, Шведова 1999, с.772): «географическая карта – изображение России розовым цветом»; «вид города Лондона» и др.

Данные перцептивного эксперимента косвенно вскрывают информацию о полисемии слова. У конкретных многозначных существительных образно обычно осмысливается первое денотативное значение слова. Значение абстрактного существительного не так жёстко связано с чувственными представлениями, поэтому у образа появляется возможность «скользить» по оси значений многозначного абстрактного слова.

В перечне образов абстрактного существительного *страна* по типу образа преобладают зрительные статические внеситуативные образы-картинки объекта, по типу объективации образа преобладают неоценочные детализированные образы.

Мир

В ходе перцептивного эксперимента получено 354 реакции.

По типу образа

1. *Зрительные образы*: 322 – 91% (Земной шар – вид из Космоса 42; много улыбающихся людей 21; зелёные деревья 6 и др.)

Слуховые образы: 7 – 2% (смех 2; голоса птиц 2; гремит музыка 1 и др.)

Осязательные образы: отсутствуют – 0%.

Вкусовые образы: отсутствуют – 0 %.

Обонятельные образы: отсутствуют - 0 % .

Среди полученных реакций есть такие, которые не поддаются классификации образа по перцептивному основанию: 25 – 7% (спокойствие 21; чувство тревоги 3; что-то доброе 1).

2. Среди зрительных образов:

Образы-схемы: отсутствуют – 0%

Образы-картинки: 322 – 91% (люди разных рас 11; шар 6; звёзды 4 и др.).

3. *Образы объекта:* 210 – 59,3% (глобус 42; животные 2; Российский флаг 1 и др.)

Образы ситуации: 144 – 40,7% (земля без войн 3; кругом разруха 2; после боя: много людей сидят на земле и плачут 1 и др.)

4. *Статические образы:* 332 – 93,8% (люди разных рас 11; река 4; фото Земли со спутника 2; синее небо 2 и др.).

Динамические образы: 22 – 6,2% (летающие на меня белые голуби 6; смех 2; люди сидят и разговаривают 1 и др.).

5. *Ситуативные образы:* отсутствуют – 0%

Внеситуативные образы: 354 – 100% (Земной шар – вид из Космоса 104; глобус 42; много детей 4 и др.).

По типу объективации образа

1. *Эмоционально-оценочные образы:* 28 – 8% (спокойствие 8; счастливые люди 2; что-то доброе 1 и др.).

Образы, лишённые эмоционально-оценочной составляющей: 326 – 92% (космическая станция «Мир» 5; звёзды 4; планеты 4 и др.).

2. *Обобщённые образы:* 20 – 5,7 % (Космос 14; нечто огромное 8; земля без войн 3 и др.)

Детализированные образы: 334 – 94,3% (синее небо 5; улыбающееся сердечко 1; белое облачко в голубом небе 1 и др.).

Образ «после боя: люди сидят на земле и плачут» относится не к слову *мир*, а к слову *война*. Вероятно, антонимы в сознании индивида могут ассоциироваться с одинаковыми реалиями.

Слово *мир* полисеманлично. По перечню реакций видно, что они соответствуют разным значениям этого слова: «1. Отдельная область вселенной, планеты» (Ожегов, Шведова 1999, с.358): «звёзды»; «планеты»; «3. Земной Шар» (Ожегов, Шведова 1999, с.358), «4. Объединённое по каким-либо признакам общество» (Ожегов, Шведова 1999, с.358): «люди разных рас».

При проведении эксперимента испытуемым не называлось, какие именно из значений полисемантического слова имеет в виду экспериментатор. По частотности реакций, соответствующих тому или иному значению слова, можно выявить, какое из них на сегодняшний день в сознании людей выходит на первый план. Судя по данным эксперимента, наиболее актуально значение «Земной шар».

Слово *мир* имеет омонимичную форму: *мир* как отсутствие войны. Этому значению тоже соответствует ряд образных ассоциаций: «голубь с цветком в клюве»; «после боя: люди сидят на земле и плачут» и др. Нет никаких принципиальных различий в ассоциировании лексико-семантических вариантов многозначного слова и омонимов. Каждому из значений соответствует свой чувственный образ. Это подтверждает концепцию А.А. Залевской о неразличении индивидуальным сознанием полисемии и омонимии. «Словоформа может соотноситься с рядом единиц у разных участников эксперимента, однако сам факт существования у слова иных значений, отличных от всплывшего в момент идентификации слова-стимула в большинстве случаев испытуемыми не осознаётся... Это заставляет предположить, что разграничение лексико-семантических вариантов полисемантического слова и омонимов, существенное для описания языковой системы, не всегда существенно для функционирования слова в индивидуальном сознании. Скорее всего, каждый лексико-семантический вариант идентифицируется индивидом по отдельности. ...Омонимичные словоформы различаются по степени актуальности... Более частые в употреблении лежат ближе к поверхности памяти, и потому они легче актуализируются в эксперименте» (Залевская 1982, с.10).

Интересен образ «земля без войн». Видимо, эта реакция – результат совмещения в сознании индивида значений двух омонимов (происходит взаимопроникновение значений: «отсутствие войны» и «Земной шар»).

Среди реакций на слово-стимул *мир* много объективирующих оценочные образы, номинаций эмоций («спокойствие», «чувство тревоги», «мне весело», «что-то доброе», «я бегу и смеюсь», «чувство счастья» и проч.). Если у испытуемых появляется потребность оценивать описываемую реалию, выражать свои эмоции по поводу явления, которое становится объектом образного видения, можно выдвинуть предположение, что слово *мир* называет очень актуальный для национального сознания концепт.

Образы «кинотеатр» (реакция, видимо, возникает, так как один из кинотеатров Воронежа назван «Мир»), «магазин «Детский мир», «Космическая станция Мир» – это зрительные представления знаковой оболочки слова *мир*. Вероятно, один из источников формирования образного компонента значения слова (помимо чувственно воспринимаемой реальности) – языковая система, процессы, происходящие в языке. В данном случае специфику образного представления обуславливает процесс перехода имени нарицательного в собственное: со словом начинает ассоциироваться та реалья, которую теперь оно, как имя собственное, называет. Также, вероятно, если лексема часто выступает в качестве имени собственного, увеличится количество образов, связанных с восприятием его означающего (ср. среди существительных экспериментального списка: *работа* – «заголовок газеты «Работа», *труд* – «стадион «Труд»)

Реакции «Космос с летящими на меня звёздами», «Земной шар – вид из Космоса» иллюстрируют ещё одну особенность формирования чувственного образа. Те референты, которые отражены в данных зрительных образах, не могут быть восприняты реципиентом непосредственно. Следовательно, в формировании чувственного образа в индивидуальном сознании значим не только эмпирический опыт. Нередко перцептивный образ представляет собой отражение уже отражённого объекта. Также немалое значение в формировании чувственного образа играет фантазия индивида, т.е. мы наблюдаем некое конструирование образа.

Реакции «летающие белые голуби 6»; «белый голубь с цветком в клюве 1»; «Война и мир» 1 характеризуются культурной окрашенностью.

Полученные в ходе перцептивного эксперимента реакции можно соотнести со значениями абстрактного существительного *мир 1*: «1. Отдельная область вселенной, планеты» (Ожегов, Шведова 1999, с.358): «звёзды»; «планеты», «3. Земной Шар» (Ожегов, Шведова 1999, с.358), «4. Объединённое по каким-либо признакам общество» (Ожегов, Шведова 1999, с.358): «люди разных рас».

Мир2: «1. Согласие, отсутствие вражды, ссоры, войны» (Ожегов, Шведова 1999, с.358): «земля без войн», «синее небо», «после боя: много людей сидят на земле и плачут» и др.

В перечне образов абстрактного существительного *мир по типу образа* преобладают зрительные статические внеситуативные образы-картинки объекта, по типу объективации образа преобладают не оценочные детализированные образы.

Сила

В ходе перцептивного эксперимента получено 252 реакции.

По типу образа:

1. *Зрительные образы*: 228 – 90,4% (мужчина с накачанными мускулами 47; штангист со штангой 17; гири 8 и др.)

Слуховые образы: отсутствуют – 0%

Осязательные образы: 17 – 6,8% (напряжённый бицепс 8; чувство боли 9).

Вкусовые образы: отсутствуют – 0 %.

Обонятельные образы: отсутствуют – 0 %.

Среди полученных реакций есть такие, которые не поддаются классификации образа по перцептивному основанию: 7 – 2,8% (я испытываю чувство власти 7).

2. Среди зрительных образов:

Образы-схемы: отсутствуют – 0%

Образы-картинки: 228 – 90,4% (штангист со штангой 17; большая мужская рука 7; молодой мужчина 5 и др.).

3. *Образы объекта*: 224 – 88,9% (гири 8; оружие 3; портрет Ньютона 3 и др.)

Образы ситуации: 28 – 11,1% (наводнение 1; ураган 1; девушка укрощает льва 1 и др.)

4. *Статические образы:* 216 – 85,7% (мышцы 10; высокий мужчина 7; тело 3 и др.).

Динамические образы: 36 – 14,3% (спортсмен, поднимающий гирию 2; кулак, бьющий в лицо 1; две руки пытаются повалить друг друга 1 и др.).

5. *Ситуативные образы:* отсутствуют – 0%

Внеситуативные образы: 252 – 100% (спортсмен 5; мужчина в тренажёрном зале 4; гантели 2 и др.).

По типу объективации образа

1. *Эмоционально-оценочные образы:* 10 – 4% (агрессивный человек 4; красивый человек 2; мягкая женская сила 1 и др.).

Образы, лишённые эмоционально-оценочной окрашенности: 242 – 96% (груша 1; человек несёт ведро воды 1; мой тренер 1 и др.).

2. *Обобщённые образы:* 44 – 17,5% (некто могущественное 10; спортсмен 5; сильный человек 1 и др.).

Детализированные образы: 334 – 94,3% (синее небо 5; улыбающееся сердечко 1; белое облачко в голубом небе 1 и др.).

Исходя из перечня полученных реакций, можно отметить, что образно осмысливается испытуемыми преимущественно физическая сила. Возможно, здесь проявляется возрастная специфика мировидения: участники эксперимента – ученики старших классов школы и студенты университета.

Образы, содержащие культурную составляющую, – «русский богатырь»; «Геракл», «рыцарь с мечом на коне»; «Жан Клод ВанДамм», «Арнольд Шварценеггер». Во все эпохи в мировой культуре существовали устоявшиеся символы силы, что отражено в сознании испытуемых.

Перечисленные выше реакции также отражают одну из черт образа как компонента структуры значения слова – его антропоцентризм. Абстрактное понятие *сила* персонифицируется, т.е. осознаётся через представление сильного человека.

Чувственные образы-персонификации выявляются именно в связи со словами абстрактной семантики, так как, видимо, в персонифицированных образах выражается потребность испытуемых «заземлить», сделать более предметными, вещными значения абстрактных слов.

Большую часть образов можно соотнести со значением абстрактного существительного *сила* «2. Способность живых существ напряжением мышц производить физические действия, движения» (Ожегов, Шведова 1999, с.716): «мужчина с накачанными мускулами»; «спортсмен, поднимающий гирию» и др. Образ «военная техника 1» соотносится со значением «9. Вооружённые силы, а также различные их виды» (Ожегов, Шведова 1999, с.716).

Образ «американские самолёты бомбят Ирак» можно сопоставить со значением «5. Могущество, влияние власть» (Ожегов, Шведова 1999, с.716).

Образы «F», «портрет Ньютона», « $F=ma$ » соотносятся со значением существительного «1. величина, являющаяся мерой механического взаимодействия тел, вызывающих их ускорение и деформацию; характеристика интенсивности физических процессов (спец.)» (Ожегов, Шведова 1999, с.716). Т.е. сила здесь осмысляется как физическая величина.

В перечне образов абстрактного существительного *сила* по типу образа преобладают зрительные статические внеситуативные образы-картинки объекта, по типу объективации образа преобладают неоценочные детализированные образы.

Народ

В ходе перцептивного эксперимента получено 263 реакции.

По типу образа:

1. *Зрительные образы:* 256 – 97,3% (толпа людей 105; митинг на площади 23; очередь в магазине 7 и др.)

Слуховые образы: 6 – 2,3% (крик 3; звуки песен 1; кричащие бабки 1 и др.).

Осязательные образы: отсутствуют – 0%.

Вкусовые образы: отсутствуют – 0 %.

Обонятельные образы: отсутствуют – 0 % .

Среди полученных реакций есть такие, которые не поддаются классификации образа по перцептивному основанию: 1 – 0,4% (чувство свободы).

2. Среди зрительных образов:

Образы-схемы: отсутствуют – 0%

Образы-картинки: 256 – 97,3% (пенсионеры 5; болельщики на стадионе 4; мои соотечественники 3 и др.).

3. *Образы объекта:* 198 – 75,3% (пенсионеры 5; плакаты 5; воздушные шары 1 и др.)

Образы ситуации: 65 – 24,7% (митинг на площади 23; праздник на улицах города 11; концерт на площади 6 и др.)

4. *Статические образы:* 247 – 94% (много людей разных национальностей 13; площадь 4; этнические костюмы 2 и др.).

Динамические образы: 16 – 6% (толпа движется 2; звуки песен 1; плач 1 и др.).

5. *Ситуативные образы:* отсутствуют – 0%

Внеситуативные образы: 263 – 100% (пенсионеры 5; стадо 4; болельщики на стадионе 4 и др.).

По типу объективации образа

1. *Эмоционально-оценочные образы*: 21 – 8% (тупая масса 6; глупые люди 5; безликая масса 2 и др.).

Образы, лишённые эмоционально-оценочной окрашенности: 242 – 92% (племя в Африке 2; крестьяне на улице 2; мой класс 2 и др.).

2. *Обобщённые образы*: 76 – 29% (праздник на улицах города 11; концерт на площади 6; мои знакомые 3 и др.).

Детализированные образы: 187 – 71% (девушка в русском народном костюме 1; очередь у дверей народного автобуса 1 и др.).

Среди полученных в ходе эксперимента реакций много оценочно сформулированных описаний образов. Причём, по преимуществу, слово *народ* (понятие *народ*) оценивается испытуемыми негативно: «тупая масса», «глупые люди», «серая масса», «стадо», «кричащие бабки», «глупые лица». Лексемы *толпа* и *масса*, используемые при объективации образа, тоже могут быть расценены как выражение негативного отношения к реалии («толпа людей», «толпа меня гипнотизирует»).

Судя по данным перцептивного эксперимента, на первый план в сознании испытуемых выходит значение лексемы, которое может быть сформулировано как «малообразованная, не имеющая своего мнения группа населения, преимущественно занимающаяся физическим трудом». Это значение не фиксируется в современных толковых словарях. Следовательно, перцептивный эксперимент помогает выявить актуальные, формирующиеся в языковом коллективе значения слова.

Реакции «праздник на улицах города – «День города», «очередь у дверей народного автобуса» указывают на то, что образные представления формируются на основе личного опыта индивида (Отмечание «Дня города» и народный маршрут – специфическая черта города Воронежа).

Реакция «очередь у дверей народного автобуса», вероятно, вызвана не существительным *народ*, но с прилагательным *народный*. Очевидно, однокоренные слова содержат в сознании испытуемых сходные чувственные образы.

Полученные в ходе перцептивного эксперимента реакции можно соотнести со следующими значениями абстрактного существительного *народ*: «1. Население государства, жители страны» (Ожегов, Шведова 1999, с. 391): «толпа людей»; «куча маленьких голов – вид сверху» и др., «2. Нация, национальность или народность». (Ожегов, Шведова 1999, с.391): «много людей разных национальностей », «негры», «этнические костюмы» и др.

В перечне образов абстрактного существительного *народ* по типу образа преобладают зрительные статические внеситуативные образы-картинки объекта, по типу объективации образа преобладают неоценочные детализированные образы.

Борьба

В ходе перцептивного эксперимента получено 239 реакций.

По типу образа:

1. *Зрительные образы:* 225 – 94,3% (два мужчины боксируют на ринге 37; борцы сумо в схватке 14; мальчишки дерутся на улице 6 и др.)

Слуховые образы: отсутствуют – 0%.

Осязательные образы: 9 – 3,7% (мускулы напрягаются 5; я чувствую боль 4).

Вкусовые образы: отсутствуют – 0 %.

Обонятельные образы: отсутствуют – 0 % .

Среди полученных реакций есть такие, которые не поддаются классификации образа по перцептивному основанию: 5 – 2% (чувство ненависти 3; чувство удовольствия 1; я мучаюсь 1).

2. Среди зрительных образов:

Образы-схемы: отсутствуют – 0%

Образы-картинки: 225 – 94,3% (драка 18; девушки дерутся на ринге 6; эстафета 4 и др.).

3. *Образы объекта:* 21 – 8,8% (мат 1; кусок хлеба 1; чёрные и белые клавиши 1 и др.)

Образы ситуации: 218 – 91,2% (два мужчины боксируют на ринге 37; война: рукопашный бой 23; животные делят добычу 6 и др.)

4. *Статические образы:* 27 – 11,3% (мой враг: сосед по парте 1; бык 1; предприниматель 1 и др.).

Динамические образы: 212 – 88,7% (человек охватывает другого и жмёт – зажим 2; женщины дерутся в грязевой жиже 3; правая рука тянется вверх 1 и др.).

5. *Ситуативные образы:* отсутствуют – 0%

Внеситуативные образы: 239 – 100%

По типу объективации образа:

1. *Эмоционально-оценочные образы:* 11 – 4,6% (жестокая борьба 5 и др.).

Образы, лишённые эмоционально-оценочной окрашенности: 228 – 95,4% (перетягивание каната 1; тигры дерутся в поле 1; человек тонет в реке 1 и др.).

2. *Обобщённые образы:* 40 – 16,7% (драка 18; эстафета 4; спортсмены 3 и др.)

Детализированные образы: 199 – 83,3% (мужчины в купальниках на ковре 4; каратисты в спортзале 1; мужчина борется со львом 1 и др.).

Обилие динамических образов, актуализировавшихся в эксперименте в связи с абстрактным существительным *борьба*, вероятно, связано с тем, что это существительное – отглагольное. Категориальное значение глагола – действие, процесс.

В экспериментальном списке присутствуют слова-синонимы *борьба* и *сила*. Следовало ожидать, что перечни реакций на синонимические

лексемы будут тождественны друг другу. Однако чувственные образы данных абстрактных существительных, имея смысловые пересечения, существенно различаются. Смысловой доминантой перцептивных образов, полученных в эксперименте в связи с лексемой *сила*, является сема «физическая сила» («мужчина с накачанными мускулами», «мышцы», «напряжённый бицепс» и т.п.). Перцептивные образы, эксплицированные испытуемыми в связи с лексемой *борьба*, имеют иную акцентуацию: на первый план выходит описание различных видов борьбы («борцы сумо в схватке», «греко-римская борьба», «девушки дерутся на ринге», «каратэ» и т.п.). Т.е. перцептивный эксперимент показывает, что образные ассоциации синонимов могут не только частично совпадать, но и в некоторых случаях иметь достаточно мало точек пересечения (это же явление иллюстрируют результаты эксперимента по лексемам *дело*, *работа*, *труд*, где перечни реакций существенно различаются).

Видимо, частичное несовпадение чувственных образов синонимичных лексем вызвано тем, что образно в сознании испытуемых могут быть представлены разные значения многозначного существительного абстрактной семантики. Наибольшее количество реакций соотносимо с наиболее актуальным для носителей языка значением полисемантического слова. Лексемы же обычно синонимичны не по всем семемам. Вероятно, в данном случае для испытуемых наиболее значимыми оказались как раз некоррелирующие значения синонимов (перечни реакций на лексемы *работа* и *труд*, в частности, имеют столько смысловых различий, что рождается предположение: для испытуемых – носителей языка молодого поколения эти слова уже не являются синонимами. И, наоборот, реакции на слово-стимул *страна* содержат смысловой компонент *родина*, в связи с чем можно предположить, что понятия *страна* и *родина* в индивидуальном сознании участников эксперимента синонимичны - см. выше).

Зрительные образы «братя Кличко 1»; «Геракл 1» иллюстрируют антропоцентричность чувственного образа как компонента значения слова.

Полученные в ходе перцептивного эксперимента реакции можно соотнести со значениями абстрактного существительного *борьба*: «1. Стремление осилить в единоборстве» (Ожегов, Шведова 1999, с.57): «война: рукопашный бой», «мой враг – сосед по парте» и др., «2. Вид спорта – единоборство» (Ожегов, Шведова 1999, с.57): «борцы сумо в схватке», «греко-римская борьба» и др.

В перечне образов абстрактного существительного *борьба* по типу образа преобладают зрительные динамические внеситуативные образы-картинки ситуации, по типу объективации образа преобладают неоценочные детализированные образы.

Труд

В ходе перцептивного эксперимента получено 170 реакций.

По типу образа:

1. *Зрительные образы*: 148 – 87% (обезьяна 9; мужчина копает картошку 8; колосья 6 и др.)

Слуховые образы: отсутствуют – 0%.

Осязательные образы: 15 – 8,3% (напряжение мускулов 10; пот на лице 1; я поднимаю что-то тяжёлое 1 и др.).

Вкусовые образы: отсутствуют – 0 %.

Обонятельные образы: отсутствуют – 0 % .

Среди полученных реакций есть такие, которые не поддаются классификации образа по перцептивному основанию: 8 – 4,7% (что-то неприятное 4; чувство спокойствия 4).

2. Среди зрительных образов:

Образы-схемы: отсутствуют – 0%

Образы-картинки: 148 – 87% (рабочий копает яму 2; цех со станками 2; человек в огороде 2 и др.).

3. *Образы объекта*: 98 – 57,7% (поле 7; колосья 6; серп и молот 4 и др.)

Образы ситуации: 72 – 42,3% (демонстрация 7; цех со станками 2; моя жизнь 1 и др.)

4. *Статические образы*: 127 – 74,7% (обезьяна 9; поле 7; крестьяне 4 и др.).

Динамические образы: 43 – 25,3% (мужчина копает картошку 8; демонстрация 6; рабочий копает яму 2 и др.).

5. *Ситуативные образы*: отсутствуют – 0%

Внеситуативные образы: 170 – 100%

По типу объективации образа:

1. *Эмоционально-оценочные образы*: 19 – 11,2% (тяжёлый физический труд 9; что-то неприятное 4 и др.).

Образы, лишённые эмоционально-оценочной окрашенности: 151 – 88,8% (колосья 6; рабочий 5; колхоз 4 и др.).

2. *Обобщённые образы*: 42 – 24,7% (тяжёлый физический труд 9; демонстрация 7; колхоз 4 и др.)

Детализированные образы: 128 – 7,5% (серп и молот 4; мужчина с молотком 3; газета «Труд» на столе 3 и др.).

В перечне реакций на слово-стимул *труд* много образов, связанных с сельскохозяйственной тематикой («поле», «крестьяне», «серп и молот», «лопата в земле», «комбайн в поле» и проч.). Испытуемые – жители города. Возникновение таких образов, по всей видимости, свидетельствует о том, что при формировании чувственного образа в индивидуальном сознании релевантен не только личный перцептивный опыт индивида. Приведённые выше образы – стереотипное представление о труде.

Реакции «много человек: «Мир! Труд! Май!», «плакаты социализма», «СССР на карте мира» отражают идеологизированность понятия *труд* в сознании испытуемых. Судя по данным эксперимента, слово *труд* у респондентов ассоциируется с жизнью в СССР, понимается как деятельность пролетариев или крестьян, труд – обычно физический, «идеологически окрашенный». Показательно, что синонимичные лексемы *дело* и *работа* не вызвали реакций такой семантики. Это говорит о специфических смысловых признаках значения абстрактного существительного *труд* в национальном сознании (эта специфика не отражена в дефинициях современных толковых словарей).

Полученные в ходе перцептивного эксперимента реакции можно соотнести со значениями абстрактного существительного *труд*: «2. Работа, занятие» (Ожегов, Шведова 1999, с.814): «мужчина копает картошку», «уставший человек», «мужчина с молотком» и проч., «4. Привитие умений и навыков в какой-нибудь профессии как предмет школьного преподавания» (Ожегов, Шведова 1999, с.814): «урок труда в школе».

В перечне образов абстрактного существительного *труд* по типу образа преобладают зрительные статические внеситуативные образы-картинки объекта, по типу объективации образа преобладают неоценочные детализированные образы.

Таким образом, в ходе перцептивного эксперимента для всех абстрактных существительных были выявлены яркие чувственные образы.

В перечне образов абстрактных существительных по типу образа преобладают зрительные статические внеситуативные образы-картинки объекта, по типу объективации образа преобладают неоценочные детализированные образы.

Хотя среди образов преобладают зрительные представления, палитра образных ассоциаций абстрактных существительных богаче, чем конкретных: в экспериментальном списке чаще встречаются слуховые, обонятельные образы.

В списке реакций присутствуют зрительные образы-схемы объекта, что свидетельствует о процессах рационализации чувственного представления.

В основании чувственного образа существительных абстрактной семантики отражение предметной ситуации, поэтому образов ситуации в эксперименте выявлено больше, чем в связи с существительными конкретной семантики. Динамические образы выявляются почти так же часто, как статические.

В ходе перцептивного эксперимента выявлены образы, связанные со знаковой оболочкой абстрактного существительного. Образов такого типа не выявлено в связи с именами конкретной семантики.

Образы, которые вызывают в сознании абстрактные существительные, более тонко дифференцированы. Наряду с высокочастотными представлениями много индивидуальных, единичных.

Здесь чувственный образ не «привязан» к первому денотативному значению слова, но может соотноситься с несколькими семемами полисемантического слова. Видимо, это обусловлено более разветвлённой системой значения абстрактного существительного по сравнению с конкретным. Кроме того, абстрактные существительные именуют реалии, которые не представлены в действительности предметно. Следовательно, связь значений абстрактного слова с предметным образом не жестка.

По данным перцептивного эксперимента можно получить информацию о семантической структуре многозначного абстрактного существительного, наиболее актуальных значениях слова для носителей языка, лексической сочетаемости слов, вхождении их в антонимические и синонимические ряды.

Проблематично моделирование чувственных образов существительных абстрактной семантики. Это обусловлено превалированием образов ситуации над образами объекта. Содержательное моделирование образа легко осуществимо в том случае, если в основании образа – отражение объекта. Кроме того, полученные в ходе эксперимента реакции соотносятся с различными значениями абстрактного существительного, что тоже осложняет моделирование образа в структуре значения лексемы.

Источником формирования образа в структуре значения слова является предметный мир, точнее, отношение носителя языка к окружающей его действительности. Реальность в образном компоненте значения предстаёт как в форме субъективных, индивидуализированных образов, фиксирующих непосредственный перцептивный опыт индивида, так и в форме вторичного отражения – образов фантазии, культурно маркированных образов, образов-стереотипов, отражающих коллективный опыт носителей языка.

Базируясь на данных перцептивного эксперимента, можно предположить, что образ входит в смысловую структуру абстрактных существительных.

2.3.3. Образ в структуре значения конкретных глаголов

Говорить

В ходе перцептивного эксперимента получено 263 реакции.

По типу образа:

1. *Зрительные образы:* 135 – 51,2% (мой собеседник 16; открытый рот 19; рот и белые зубы 8 и др.).

Слуховые образы: 128 – 48,7% (звуки человеческого голоса 21; шум 11; звучит быстрая речь 7 и др.).

Осязательные образы: отсутствуют – 0%

Вкусовые образы: отсутствуют – 0 %.

Обонятельные образы: отсутствуют – 0 % .

2. Среди зрительных образов:

Образы-схемы: отсутствуют – 0%

Образы-картинки: 135 – 51,3% (два человека жестикулируют 9; губы шевелятся 7; два человека смотрят друг на друга 4 и проч.).

3. *Образы объекта:* 98 – 37,3% (губы 9; экран телевизора 4; облака в небе 1 и др.)

Образы ситуации: 165 – 62,7% (я беседую с другом 22; учитель объясняет новую тему)

4. *Статические образы:* 93 – 35,4% (рот и белые зубы 8; весёлое лицо моей мамы 1; ухо 1 и др.).

Динамические образы: 170 – 64,6% (два человека жестикулируют 9; мужчина жестикулирует 4 и т.п.).

5. *Ситуативные образы:* 13 – 5 % (преподаватель читает лекцию 13).

Этот образ можно квалифицировать как обусловленный ситуацией эксперимента, потому что перцептивный эксперимент проводился в университете во время лекционного занятия.

Внеситуативные образы: 250 – 95% (я беседую с другом 22; я отвечаю урок 10; я у телефона 5 и др.).

По типу объективации образа:

1. *Эмоционально-оценочные образы:* 9 – 3,4% (приятный голос 6; весёлое лицо моей мамы 1 и др.).

Образы без эмоционально-оценочной составляющей: 254 – 96,6% (шум 11; открытый рот 10; губы шевелятся 7 и др.).

2. *Обобщённые образы:* 60 – 22,8% (звуки человеческого голоса 21; звучит быстрая речь 7; я на отдыхе 1 и др.)

Детализированные образы: 203 – 77,2% (рот и белые зубы 8; облака в небе 1; бабушка читает сказку на ночь 1 и др.).

В связи с лексемой *говорить* в эксперименте получено относительно большое количество слуховых образов (48,7%). Это можно объяснить семантикой глагола. «Говорить – общаясь, разговаривать, вести беседу» (Ожегов, Шведова 1999, с.134). При обсуждении результатов эксперимента по существительным конкретной и абстрактной семантики было отмечено, что специфика образа как компонента значения слова определяется особенностями представления как формы психического отражения действительности. Судя по данному примеру, специфика образных ассоциаций слова также детерминируется особенностями его семантики.

И.Н. Горелов в работе «Соотношение невербального и вербального в коммуникативной деятельности», описывая различные психолингвистические эксперименты по образному ассоциированию отдельных слов, фразеологизмов и текстов, приходит к выводу о том, что у взрослого человека определённым образным представлением в сознании окутывается смысл (в том числе и переносный смысл слова). «В нашем эксперименте

никто и из испытуемых не подобрал к тексту «Стреляя глазами» рисунок со стрелой... Отказ от провоцируемой ассоциации свидетельствует, на наш взгляд, о том, что в психическом аппарате вводится в действие интегрирующий механизм, запрещающий интерпретацию составных и направляющий её в пользу смыслового целого» (Горелов 2004, с.214).

Если предположить, что смыслы представлены в сознании индивида образно, можно объяснить тот факт, что, например, глагол с семой «звучащая речь» актуализирует в эксперименте большое количество именно слуховых образов (зависимость образных ассоциаций слова от его семантики позволяет также объяснить то, что синонимы в перцептивном эксперименте вызывают сходные чувственные образы).

Среди образов, классифицированных по степени динамичности, динамические представления преобладают над статическими. Видимо, это связано с категориальным значением глагола – значением действия, процесса.

Некоторые реакции, связанные с лексемой *говорить*, отражают род деятельности испытуемых: «преподаватель читает лекцию», «учитель объясняет новую тему», «я отвечаю урок» и т.п. На характер результатов перцептивного эксперимента влияет профессиональная принадлежность, возраст участников эксперимента.

Интересен перцептивный образ «я молчу». Вероятно, эта реакция связана с глаголом-антонимом *молчать*. Можно предположить, что антонимы в сознании испытуемых содержат сходные чувственные образы. Возникновение такой реакции можно объяснить и иначе: глаголы *говорить* и *молчать* номинируют одну и ту же денотативную ситуацию – ситуацию разговора, где кто-то говорит, а кто-то молчит.

Среди чувственных образов, выявленных в связи с конкретным глаголом *говорить*, много антропоцентрических. Среди последних – образы-персонификации, т.е. такие, где образ действия замещается в сознании образом деятеля («моя соседка по парте», «диктор по телевизору», «Юлий Цезарь» и проч.).

Если предпринять попытку моделирования чувственных образов, полученных в ходе эксперимента на лексему *говорить*, то их содержание укладывается в следующую схему: *субъект действия* («мой собеседник», «девочка у телефона», «мой друг») – *инструмент действия* («открытый рот», «губы шевелятся», «горло») – *процесс* («два человека жестикулируют», «митинг коммунистов», «бабушка читает сказку на ночь»).

Полученные в ходе эксперимента реакции можно соотнести с двумя значениями конкретного глагола *говорить*: «2. Словесно выражать мысли, сообщать» (Ожегов, Шведова 1999, с. 134) («звуки человеческого голоса», «учитель объясняет новую тему» и проч.), «4. Общаясь, разговаривать, вести беседу» (Ожегов, Шведова 1999, с. 134) («два человека жестикулируют», «девочка у телефона» и проч.)

В перечне образов конкретного глагола *говорить по типу образа* преобладают зрительные динамические внеситуативные образы-картинки ситуации, по типу объективации образа преобладают неоценочные детализированные образы.

Идти

В ходе перцептивного эксперимента получено 319 реакций.

По типу образа:

1. *Зрительные образы*: 309 – 96% (ноги идут по дороге 27; ноги 20; тропа ведёт в лес 4 и др.).

Слуховые образы: 3 – 1% (подошва шаркает 1; шум дождя 1 и др.).

Осязательные образы: 7 – 3% (песок обжигает ноги 1; ветер дует в лицо 1; прохладный ветер 1 и др.).

Вкусовые образы: отсутствуют – 0 %.

Обонятельные образы: отсутствуют – 0 % .

2. Среди зрительных образов:

Образы-схемы: отсутствуют – 0%

Образы-картинки: 309 – 96% (ноги идут по дороге 27; ноги 20; тропа ведёт в лес 4 и др.).

3. *Образы объекта*: 98 – 30,7% (ноги 20; обувь 5; чёрные ботинки 2 и др.)

Образы ситуации: 221 – 69,3% (ноги идут по дороге 27; я вхожу в арку 1; мужчина идёт по подвесному мосту 1 и др.)

4. *Статические образы*: 113 – 35,4% (ноги 20; ноги в кроссовках 4; обувь 5 и др.).

Динамические образы: 206 – 64,% (мужчина идёт по улице 22; я иду утром по улице 16; я наступаю на землю 4 и т.п.).

5. *Ситуативные образы*: отсутствуют – 0%

Внеситуативные образы: 319 – 100% (я иду домой 16; я иду вперёд 13; просёлочная дорога 6 и др.).

По типу объективации образа:

1. *Эмоционально-оценочные образы*: 5 – 1,6% (чувство удовольствия 1; грустный мужчина 1; мне скучно 1 и др.).

Образы без эмоционально-оценочной составляющей: 314 – 98,4% (дорога между деревьев 5; лес 5; смотрю под ноги 3 и др.).

2. *Обобщённые образы*: 115 – 36% (ноги 20; обувь 5; парк 2 и др.)

Детализированные образы: 204 – 64% (дорога между деревьями 5; ноги в кроссовках 4; чёрные ботинки 2 и др.).

В списке полученных образов количество динамических в два раза превышает число статических, что обусловлено спецификой семантики конкретного глагола *идти*, где на первый план выходит сема «движение».

Слуховой образ «слышу песню С. Петкуна «Иду навстречу цветным витринам» вызван не содержательной стороной слова-знака, а с его звуковой оболочкой. Если с чувственным образом в сознании испытуемых может связываться не только значение лексемы, но и звуковая (графическая) оболочка слова, специфика образных ассоциаций лексики не определяется в полной мере её семантикой.

При описании результатов эксперимента, полученных в связи с лексемой *говорить*, было выявлено, что род деятельности испытуемых, а также их возраст оказывают влияние на результаты психолингвистического эксперимента. В данном случае по перечню реакций можно определить местожительство испытуемых: участники эксперимента – горожане («я гуляю по городу», «я иду в универ», «иду по мокрой улице», «иду по тротуару», «асфальт ползёт под ногами» и т.п.).

Если предпринять попытку моделирования чувственных образов, полученных в ходе эксперимента в связи с лексемой *идти*, то их содержание укладывается в следующую схему: *субъект действия* («бегущий спортсмен», «путешественник с рюкзаком», «грустный мужчина») – *инструмент действия* («ноги», «обувь», «мои ноги») – *процесс (в т.ч. направление действия)* («я иду в универ», «я иду домой», «я иду в школу») – *место действия* («я иду утром по улице», «берёзовый лес», «я иду по лесу») – *образ действия* («быстрый шаг», «чувство удовольствия», «ветер дует в лицо»).

Среди реакций много обобщённо сформулированных, нередко ситуация не описывается, но только называется («быстрый шаг», «много людей – спешат» и проч.). Также неконкретны по форме описания чувственного представления я-образы («я гуляю с друзьями», «я гуляю по городу», «я иду по шоссе» и т.п.). В данном случае сам испытуемый, видимо, чётко представляет описываемую картинку, однако её трудно представить интерпретатору. Скорее в таких случаях мы имеем дело с «позицией под чувственный образ», конкретное, однозначно прочитываемое содержание которого трудно выявить. Вероятно, попытка моделирования образного компонента значения слова позволяет отнести такого типа образы к какому-либо классу, встроить содержание образного компонента в определённые рамки. Если нет возможности однозначного толкования содержания чувственного образа, можно определить его содержательную доминанту, выявить его свойства, т.е. исследовать.

Полученные в ходе эксперимента реакции можно соотнести с двумя значениями конкретного глагола *идти*: «1. Двигаться, переступая ногами» (Ожегов, Шведова 1999, с.236) – «я иду домой»; «ноги идут по дороге» и др. Реакции «на улице пасмурно»; «лужи под ногами», «шум дождя» могут быть соотнесены со значением «11. О дожде, снеге: падать, выпадать» (Ожегов, Шведова 1999, с.236).

Любопытно, что в словарной дефиниции информация о чувственных образах содержится в толкованиях именно этих значений. Видимо, данные

образы являются составляющими образного компонента значения конкретного глагола *идти*.

В перечне образов конкретного глагола *идти* по типу образа преобладают зрительные динамические внеситуативные образы-картинки ситуации, по типу объективации образа преобладают неоценочные детализированные образы.

Видеть

В ходе перцептивного эксперимента получена 251 реакция.

По типу образа:

1. *Зрительные образы*: 247 – 98,4 % (открытые глаза крупным планом 46; горизонт 9; глаз 4 и др.).

Слуховые образы: 1 – 0,4% (голос моей учительницы).

Осязательные образы: 3 – 1,2% (мне жарко 2; холодок по коже 1).

Вкусовые образы: отсутствуют – 0 %.

Обонятельные образы: отсутствуют – 0 % .

2. Среди зрительных образов:

Образы-схемы: 1 – 0,4% (схема глаза 1)

Образы-картинки: 246 – 98% (машина идёт по дороге 5; я смотрю на закат 2; мужчина смотрит на солнце 2 и др.).

3. *Образы объекта*: 153 – 61% (большой дом 4; очки 3; картина на стене 2 и др.)

Образы ситуации: 98 – 39% (я смотрю телевизор 12; я в классе 5; сменяются кадры плёнки 1)

4. *Статические образы*: 214 – 85,3% (человек 4; глаз 4; далёкие дома 2 и др.).

Динамические образы: 37 – 14,7% (всё в движении вокруг меня 5; люди идут по улице 1; я гуляю по улице 1 и т.п.).

5. *Ситуативные образы*: 13 – 5% (то, что меня сейчас окружает 13)

Внеситуативные образы: 238 – 95% (я смотрю телевизор 13; природа 10; слепой 1 и др.).

По типу объективации образа:

1. *Эмоционально-оценочные образы*: 8 – 3,2% (мне весело 2; спокойное море 2; красивые девушки 2 и др.).

Образы без эмоционально-оценочной составляющей: 243 – 96,8% (горизонт 9; моё отражение в зеркале 1; окно 1 и др.).

2. *Обобщённые образы*: 99 – 39,4% (природа 10; человек 4; слепой 1 и др.)

Детализированные образы: 152 – 60,6% (доска в классе 2; зелёные глаза 1; красный Форд 1 и др.).

Среди зрительных образов, выявленных в ходе перцептивного эксперимента, присутствует образ-схема объекта – «схема глаза». Однако

в данном случае схематизация образа осуществляется не самим испытуемым, и образ представляет собой вторичное отражение действительности. Схемы глаза используются в медицине, биологии.

Чувственный образ «привидение» тоже вторичен, он сформирован не на базе эмпирического опыта респондента. Источником формирования образа в данном случае, вероятно, является кино или художественная литература.

Среди чувственных образов встречаются антропоцентрические: «врач-окулист», «слепой». Эти представления свидетельствуют о том, что в качестве перцептивного образа действия выступает образ деятеля, процесс и субъект, осуществляющий этот процесс, отождествляются. Возникновение образов-персонификаций в эксперименте именно в связи с глаголами, видимо, вполне закономерно. Глаголы называют процессы, ситуации, которые могут быть трудоёмки в описании. Возможно, образное представление действительности, будучи предметным по существу, тяготеет к образам объекта, поэтому при ассоциировании глагольной лексики образы самой ситуации действия «подменяются» образами субъекта действия и объекта, на который направлено это действие.

Такие образы, как например, «слепой», «врач-окулист», «слово-исключение в правиле», «горизонт», «природа» обобщённо сформулированы: реалия в данном случае не описывается, но только называется. Видимо, респондентами эти реалии осмысляются как хорошо знакомые и им, и экспериментатору, поэтому не требующие подробного описания. Можно предположить, что обобщённые по типу объективации образы, образы-называния реалии позволяют косвенно выявить актуальные для национального сознания концепты. Так, можно предположить, что лексемы *слепой*, *врач-окулист*, *слово-исключение в правиле*, *горизонт*, *природа* называют самостоятельные концепты.

Интересны реакции «луна», «облака». Образ, вероятно, связан не с отдельным глаголом, а с глагольными сочетаниями: *видеть луну*, *видеть облака*. Таким образом могут быть интерпретированы и другие образы объекта, выявленные в ходе перцептивного эксперимента. Можно предположить, что образ в сознании не всегда номинируется отдельным словом, образ может номинироваться и словосочетанием.

Интересный анализ психологической природы процессов, лежащих в основе ассоциирования, дал Дж. Миллер. Согласно обзору Дж. Миллера, существует шесть гипотез по этому поводу. Первая из них – «гипотеза частотности сочетаний» – в основе ассоциирования лежит скрытое знание о совместной сочетаемости слов. Применительно к проведённому эксперименту: глагол *видеть* вызывает в сознании различные существительные, частотно управляемые им, и испытуемые описывают чувственные образы, связанные с этими существительными.

Если предпринять попытку моделирования чувственных образов, полученных в ходе эксперимента в связи с лексемой *видеть*, то их содержание укладывается в следующую схему: *субъект действия* («врач-окулист») – *инструмент действия* («открытые глаза крупным планом»),

«глаз», «закрытые глаза») – *процесс* («я смотрю телевизор», «я смотрю на закат») – *объект действия* («спокойное море», «то, что меня сейчас окружает», «природа»).

Полученные в ходе эксперимента реакции можно соотнести с двумя значениями конкретного глагола *видеть*: «2. Воспринимать зрением» (Ожегов, Шведова 1999, с.82) – «открытые глаза крупным планом», «я смотрю телевизор » и др., «6. Представлять в сновидении» (Ожегов, Шведова 1999, с.82): «проносятся сны».

В перечне образов конкретного глагола *видеть* по типу образа преобладают зрительные статические внеситуативные образы-картинки объекта, по типу объективации образа преобладают неоценочные детализированные образы.

Дать

В ходе перцептивного эксперимента получена 231 реакция

По типу образа:

1. *Зрительные образы*: 225 – 97,6 % (пачка денег 23; протянутые руки 17; длинные руки 4 и др.).

Слуховые образы: 1 – 0,4% (детский смех 1).

Осязательные образы: 5 – 2% (я даю пинка 3; я даю кулаком в лицо 2).

Вкусовые образы: отсутствуют – 0 %.

Обонятельные образы: отсутствуют – 0 % .

2. Среди зрительных образов:

Образы-схемы: отсутствуют – 0%

Образы-картинки: 225 – 97,6% (протянутая рука 21; подарок 16; я отдаю книгу 6 и др.).

3. *Образы объекта*: 142 – 61,5% (пачка денег 23; подарок 16; автомобиль 1 и др.)

Образы ситуации: 89 – 38,5% (рука протягивает деньги 15; рука тянется к другой 8; я кормлю бездомную собаку 1 и др.)

4. *Статические образы*: 143 – 62% (длинные руки 4; конфета на ладони 3; ладонь 1 и др.).

Динамические образы: 88 – 38% (человек протягивает руку 7; я дарю подарок в коробке 5; человек подаёт другому пакет 5 и т.п.).

5. *Ситуативные образы*: отсутствуют – 0%

Внеситуативные образы: 231 – 100% (подарок 16; секс 2; праздник дома 2 и др.).

По типу объективации образа:

1. *Эмоционально-оценочные образы*: 7 – 3% (нечто приятное 6; чувство ожидания 1 и др.).

Образы без эмоционально-оценочной составляющей: 224 – 97% (небольшой предмет 3; тетрадь 3; банан 2 и др.).

2. *Обобщённые образы*: 52 – 22,5% (подарок 16; рука с предметом 15; незнакомый ребёнок 1 и др.)

Детализированные образы: 179 – 77,5% (рука протягивает деньги 15; длинные руки 4; женщина с длинными ногами 1 и др.).

В перечне реакций, полученных на слово-стимул *дать* так же, как и на слово-стимул *видеть*, образы объекта преобладают над образами ситуации («пачка денег», «конфета на ладони», «подарок» и т.п.). На первый план при образном ассоциировании выходит не само действие, а объект, на который направлено действие. Вероятно, это обусловлено конкретностью семантики лексемы: большое количество образов объекта выявлено также в связи с существительными конкретной семантики. Можно предположить, что чем конкретнее семантика лексемы, тем в большей степени предметен перцептивный образ, который эта лексема вызывает в сознании индивида.

Реакции «я списываю домашнее задание», «я бью кулаком в лицо», «учительница у доски» и т.п., видимо, вызваны не самой лексемой *дать*, а словосочетаниями, в которые входит эта лексема: *дать списать*, *дать в глаз*, *дать урок*. Таким образом, перцептивный эксперимент косвенно свидетельствует о сочетаемости слова.

Если предпринять попытку моделирования чувственных образов, полученных в ходе эксперимента в связи с лексемой *дать*, то их содержание укладывается в следующую схему: *инструмент действия* («протянутая рука», «протянутые руки», «длинные руки») – *процесс* («я даю пощёчину», «я отдаю книгу», «я бью кулаком в лицо») – *объект действия* («апельсин», «подарок», «сигарета»).

Большинство чувственных образов можно соотнести с прямым значением конкретного глагола *дать*: «1. Отдать в руки непосредственно» (Ожегов, Шведова 1999, с.112) – «я отдаю книгу» и др. Образы «я даю пощёчину» и «я даю пинка» соотносимы со значением «7. Нанести удар, ударить» (Ожегов, Шведова 1999, с.112).

В перечне образов конкретного глагола *дать* по типу образа преобладают зрительные статические внеситуативные образы-картинки объекта, по типу объективации образа преобладают неоценочные детализированные образы.

Есть

В ходе перцептивного эксперимента получена 271 реакция.

По типу образа:

1. *Зрительные образы*: 219 – 80,8 % (много еды на столе 27; человек ест 7; скатерть 7 и др.).

Слуховые образы: 3 – 1,1% (чавканье 2; звук песни 1).

Обязательные образы: 3 – 1,1% (горячая еда 1; горячая булочка; горячий кофе 1).

Вкусовые образы: 44 – 16,2 % (вкусная еда 16; сладкий вкус 5; чувство сытости 4 и др.)

Обонятельные образы: 2 – 0,7% (вкусный запах 2).

2. Среди зрительных образов:

Образы-схемы: отсутствуют – 0%

Образы-картинки: 219 – 80,8% (я ем торт 6; человек сидит за столом 6; моя семья на кухне 5 и др.).

3. *Образы объекта:* 175 – 64,6% (торт 9; скатерть 7; стол 6 и др.)

Образы ситуации: 96 – 35,4% (моя семья на кухне 5; я ем суп 4; я ем сочные фрукты 4 и др.)

4. *Статические образы:* 219 – 81% (много еды на столе 27; кухонный стол 1; нож 1 и др.).

Динамические образы: 52 – 19% (я жадно ем после учёбы 4; я быстро сажусь за стол 2; я варю кофе 1 и т.п.).

5. *Ситуативные образы:* отсутствуют – 0%

Внеситуативные образы: 271 – 100% (соловая ложка 3; семейный ужин 4; открытый холодильник 2 и др.).

По типу объективации образа:

1. *Эмоционально-оценочные образы:* 3 – 1,1% (чувство радости 1; вкусный запах 2)

Образы без эмоционально-оценочной составляющей: 268 – 98,9% (стол 6; жареная курица 4; пельмени 3 и др.).

2. *Обобщённые образы:* 36 – 13,3% (вкусная еда 16; семейный ужин 4; мясное блюдо 1 и др.)

Детализированные образы: 235 – 86,7% (бежевая пенка кофе 1; ложка зачерпывает борщ 1; ложка с супом 1 и др.).

Наличие большого количества вкусовых чувственных образов в перечне реакций глагола *есть* указывает на зависимость свойств чувственного образа от семантики исходного слова.

Интересна реакция «глагол to be чёрными чернилами на бумаге». На данном примере можно проиллюстрировать две особенности образных ассоциаций слова.

1) Перцептивный эксперимент отражает системные отношения в лексике, в данном случае – омонимию (глагол *есть* – принимать пищу и глагол *есть* – форма настоящего времени глагола *быть*)

2) Образом в сознании может окутываться как содержательная сторона слова-знака, так и знаковая оболочка, графическая или звуковая. В данном случае с чувственным образом связана графическая оболочка слова. Учитывая, что графическую и звуковую оболочку имеют все слова языка, в том числе и служебные, можно предположить, что таким образом в сознании могут быть образно представлены и слова языка (такие образы

называют образами-логогенами), независимо от категориального и лексического значения такого слова.

Образ «хлеб и соль на белой скатерти» имеет культурную составляющую: вряд ли испытуемые в своём непосредственном опыте сталкиваются с такой ситуацией. В этом чувственном представлении отражён национальный обряд приёма гостей в патриархальной России. Т.е. на специфику образных ассоциаций слова влияет не только личный перцептивный опыт индивида, но и устоявшиеся в национальной культуре представления.

Как культурно маркированный можно также расценить чувственный образ «кадры японского мультфильма «Унесённый призраками» 1»

Если предпринять попытку моделирования чувственных образов, полученных в ходе эксперимента в связи с лексемой *есть*, то их содержание укладывается в следующую схему: *инструмент действия* («рот», «столовая ложка», «вилка») – *процесс* («я ем суп», «рука кладёт пирожное в рот», «я жадно ем после учёбы») – *объект действия* («мясное блюдо», «горячая булочка», «зелень»)

Большинство полученных в ходе эксперимента реакций можно соотнести с прямым значением глагола *есть*: «1. Принимать пищу, употреблять в пищу» (Ожегов, Шведова 1999, с.188) «тарелка с едой », «горячий кофе » и проч.

В перечне образов конкретного глагола *есть по типу образа* преобладают зрительные статические внеситуативные образы-картинки объекта, по типу объективации образа преобладают не оценочные детализированные образы.

Стоять

В ходе перцептивного эксперимента получено 292 реакции.

По типу образа:

1. *Зрительные образы*: 267 – 91,5% (остановка автобуса 22; ноги 22; огромная очередь 17 и др.).

Слуховые образы: 5– 1,7% (выкрик «Стоять!» 3; шум машин 1 и др.).

Осязательные образы: 19 – 6,5% (мышцы ног в напряжении 8; ноги замёрзли 2 и др.).

Вкусовые образы: отсутствуют – 0 %.

Обонятельные образы: 1 – 0,3 % (запах пыли 1)

2. Среди зрительных образов:

Образы-схемы: отсутствуют – 0%

Образы-картинки: 267 – 91,5% (я стою на остановке 35; стоящий человек 10; улица 7 и др.).

3. *Образы объекта*: 193 – 66% (ноги 22; столб 6; светофор 4 и др.)

Образы ситуации: 99 – 34% (я стою на остановке 35; толкучка в маршрутке 7; я на краю пропасти 4 и др.)

4. *Статические образы:* 257 – 88% (остановка автобуса 22; я без движения 18; стоящий человек 10 и др.).

Динамические образы: 35 – 12% (идёт дождь 9; маршрутка едет 5; человек переминается с ноги на ногу 3 и т.п.).

5. *Ситуативные образы:* отсутствуют – 0%

Внеситуативные образы: 292 – 100% (огромная очередь 17; улица 7; милиционер на посту 7 и др.).

По типу объективации образа:

1. *Эмоционально-оценочные образы:* 19 – 6,5% (мне скучно 2; чувство удовольствия 1 и др.).

Образы без эмоционально-оценочной составляющей: 273 – 93,5% (остановка автобуса 22; стоящий человек 10; часовой 5 и др.).

2. *Обобщённые образы:* 77 – 26,4% (хорошая осанка 5; земля 2; перекрёсток 1 и др.)

Детализированные образы: 215 – 73,6% (солдат в почётном карауле 4; человек переминается с ноги на ногу 3; ноги замёрзли 2 и др.).

Интересны слуховые образы «Стоять!», песня из к/ф «Девчата». В данном случае перцептивный образ связан не со значением лексемы, но с её звуковой оболочкой. С образом в сознании индивида может связываться как означаемое слова, так и означающее.

Реакции «столб», «фонарный столб», видимо, вызваны не самой лексемой *стоять*, но устойчивым выражением «стоять как столб». Т.е. на специфику образного ассоциирования слова влияет не только специфика референта, отражённая в значении лексемы, но и языковые связи слова (свободная сочетаемость, вхождение слова во фразеосочетания).

В экспериментальном списке (см. выше) присутствует глагол *идти* – антоним данного. Во многом образные ассоциации глаголов пересекаются: например, совпадают реакции «перекрёсток», «две ноги». Можно предположить, что противоположные понятия связаны в сознании со сходными чувственными образами. Любопытно, что среди эмоционально-оценочных образов слова *стоять* преобладают образы с негативной оценкой. Среди эмоциональных образов, связанных с глаголом *идти*, наоборот, много позитивно окрашенных. Видимо, в сознании испытуемых статика оценена отрицательно.

Если предпринять попытку моделирования чувственных образов, полученных в ходе эксперимента в связи с лексемой *стоять*, то их содержание укладывается в следующую схему: *субъект действия* («стоящий человек», «часовой») – *инструмент действия* («ноги», «обувь», «мышцы ног в напряжении») – *процесс* («я стою на остановке», «я без движения», «толкучка в маршрутке»)

Большинство образных ассоциаций конкретного глагола *стоять* можно соотнести с его прямым значением: «1. Находиться в вертикальном положении, уперевшись ногами в твёрдую опору, не передвигаясь» (Ожегов, Шведова 1999, с.771) – «солдат в почётном карауле», «две ноги на асфальте» и др. Реакции «я стою перед зеркалом», «светофор», «перекрёсток» соотносимы со значением «10. Не двигаться, бездействовать». (Ожегов, Шведова 1999, с.771). Реакция «огромная очередь» соответствует значению «12. Стоять в очереди» (Ожегов, Шведова 1999, с.771).

В перечне образов конкретного глагола *стоять* по типу образа преобладают зрительные статические внеситуативные образы-картинки объекта, по типу объективации образа преобладают неоценочные детализированные образы.

Смотреть

В ходе перцептивного эксперимента получено 189 реакций.

По типу образа:

1. *Зрительные образы*: 189 – 100 % (я смотрю вдаль 7; картина в музее 2; горизонт 4 и др.).

Слуховые образы: отсутствуют – 0%.

Осязательные образы: отсутствуют – 0%.

Вкусовые образы: отсутствуют – 0 %.

Обонятельные образы: отсутствуют – 0 %.

2. Среди зрительных образов:

Образы-схемы: отсутствуют – 0%

Образы-картинки: 189 – 100% (экран телевизора 6; мир 6; даль 4 и др.).

3. *Образы объекта*: 98 – 51,8% (экран телевизора 6; лицо 2; глаза движутся 2 и др.)

Образы ситуации: 91 – 48,2% (я смотрю вдаль 7; слежка 3; какое-то зрелище 2 и др.)

4. *Статические образы*: 137 – 72,5% (горизонт 4; взгляд в одну точку 4; линия 1 и др.).

Динамические образы: 52 – 27,5% (мысли мелькают 2; глаза движутся 2; на горизонте садится солнце 1 и т.п.).

5. *Ситуативные образы*: 3 – 1,6% (всё вокруг меня 3)

Внеситуативные образы: 186 – 98,4% (картина в музее 6; экран телевизора 6; вечерний просмотр телевизора 3 и др.).

По типу объективации образа:

1. *Эмоционально-оценочные образы*: 4 – 2% (что-то красивое 2; симпатичный парень 1; счастливые люди 1 и др.).

Образы без эмоционально-оценочной составляющей: 185 – 98% (даль 4; я смотрю вперёд 3; монитор 1 и др.).

2. *Обобщённые образы*: 109 – 57,7% (картина в музее 6; мир 6; даль 4 и др.)

Детализированные образы: 80 – 42,3% (на горизонте садится солнце 1; дорожка от солнца на воде 1; моргающие глаза 1 и др.).

В списке полученных реакций отсутствуют культурно маркированные образы, однако присутствует «позиция под» такие образы. Образы «картина в музее» и «какое-то зрелище» предполагают наличие культурной составляющей, но так как они сформулированы обобщённо – только названы, а не конкретизированы – не получают конкретного содержательного наполнения. В данном случае форма выражения, описания чувственного образа препятствует выявлению его содержания.

Перечни реакций на глаголы *смотреть* и *видеть* частично совпадают («даль», «человек всматривается вдаль», «горизонт» и др.). Очевидно, синонимы представлены в сознании испытуемых сходными чувственными образами.

Если предпринять попытку моделирования чувственных образов, полученных в ходе эксперимента в связи с лексемой *смотреть*, то их содержание укладывается в следующую схему: *инструмент действия* («глаза движутся», «яркие глаза», «взгляд с прищуром») – *процесс* («я смотрю вдаль», «я смотрю по сторонам») – *объект действия* («неопределённый предмет», «картина в музее»).

Полученные в ходе эксперимента реакции можно соотнести с тремя значениями конкретного глагола *смотреть* «1. Направлять взгляд, чтобы увидеть, глядеть» (Ожегов, Шведова 1999, с.736) – «я внимательно что-то рассматриваю»; «пристальный взгляд» и др., «2. Присутствуя где-н. и рассматривая, знакомиться с кем-чем-нибудь, изучать» (Ожегов, Шведова 1999, с.736): «картина в музее», «3. То же, что видеть» (Ожегов, Шведова 1999, с.736): «фильм», «вечерний просмотр телевизора» и др.

В перечне образов конкретного глагола *смотреть по типу образа* преобладают зрительные статические внеситуативные образы-картинки объекта, по типу объективации образа преобладают неочечные обобщённые образы.

Взять

В ходе перцептивного эксперимента получено 238 реакций.

По типу образа:

1. *Зрительные образы*: 217 – 91,1% (пачка денег 36; я беру книгу 9; рука 9 и др.).

Слуховые образы: 7– 3% (звук голоса «Взять!» 6; звучит песня «Ночных снайперов» 1).

Осязательные образы: 14 – 5,9% (я схватываю нечто 3; нечто чувствую в руках 1; мне холодно 1 и др.).

Вкусовые образы: отсутствуют – 0 %.

Обонятельные образы: отсутствуют – 0 % .

2. Среди зрительных образов:

Образы-схемы: отсутствуют – 0%

Образы-картинки: 217 – 91,1% (я беру что-то из холодильника 1; беру вещи из гардероба 1; бабушка берёт спицы 1 и др.).

3. *Образы объекта:* 116 – 48,7% (пачка денег 36; какая-то вещь 12; руки 4 и др.)

Образы ситуации: 122 – 51,3% (очередь в библиотеку 3; я беру девушку за руку 2; рука берёт яблоко 2 и др.)

4. *Статические образы:* 121 – 50,8% (рука 9; волосатая рука 3; сигарета 2 и др.).

Динамические образы: 117 – 49,2% (мужчина протягивает руку 11; рука обхватывает предмет 10; я беру тетрадь 4 и т.п.).

5. *Ситуативные образы:* отсутствуют – 0%

Внеситуативные образы: 238 – 100% (служебная собака 3; машина 3; вор 3 и др.).

По типу объективации образа:

1. *Эмоционально-оценочные образы:* 7 – 3% (хитрый человек 1; печаль 1; красивый нож 1 и др.).

Образы без эмоционально-оценочной составляющей: 231 – 97% (мужчину кусает собака 1; я беру тряпку 1; мотоцикл 1 др.).

2. *Обобщённые образы:* 82 – 34,5% (какая-то вещь 12; рука берёт нечто со стола 8; вор 3 и др.)

Детализированные образы: 156 – 65,5% (волосатая рука 3; рука берёт яблоко 2; собака бежит за палкой 1 и др.).

В экспериментальный список включён антоним глагола *взять* – *дать*. Многие образные ассоциации на антонимы совпадают («пачка денег» и др.). Рассматривая образные ассоциации антонимов *идти* и *стоять*, мы предполагаем, что антонимы представлены в сознании сходными образами. Можно и иначе объяснить такое ассоциирование: глаголы *дать* и *взять* описывают одну и ту же денотативную ситуацию: акт передачи кому-либо чего-либо; т.к. часто в связи с тем или иным словом в сознании возникает не образ изолированного предмета, а целая картинка ситуации, не исключено, что глаголы *дать* и *взять* вызывают в сознании образ одной и той же ситуации, следовательно, сходные образы.

Образы «написана фраза «Бери от жизни всё!»³»; звучит песня «Ночных снайперов»¹» культурно маркированы.

Некоторые образы относятся не к содержательной стороне слова, а к знаковой форме: «звук голоса «взять!»⁵», «написана фраза «Бери от жизни всё!»¹».

Если предпринять попытку моделирования чувственных образов, полученных в ходе эксперимента в связи с лексемой *идти*, то их содержание укладывается в следующую схему: *инструмент действия* («рука», «волосатая рука», «руки») – *процесс* («мужчина протягивает руку», «рука обхватывает предмет», «беру вещи из гардероба») – *объект действия* («пачка денег», «какая-то вещь», «щенок»).

Полученные в ходе эксперимента реакции можно соотнести с двумя значениями конкретного глагола *взять*: «1. Захватывать рукой, принимать в руки» (Ожегов, Шведова 1999, с.81) – «я беру книгу со стола»; «я беру тетрадь» и др., «4. Получать в свою собственность» (Ожегов, Шведова 1999, с.81): «пачка денег»

В перечне образов конкретного глагола *взять* по типу образа преобладают зрительные статические внеситуативные образы-картинки ситуации, по типу объективации образа преобладают неоценочные детализированные образы.

Входить

В ходе перцептивного эксперимента получено 210 реакций.

По типу образа:

1. *Зрительные образы*: 207 – 98,6 % (дверь 21; я вхожу в здание 16; дом 15 и др.).

Слуховые образы: 3 – 1,4% (стук 2; стук каблучков 1).

Осязательные образы: отсутствуют – 0%.

Вкусовые образы: отсутствуют – 0%.

Обонятельные образы: отсутствуют – 0% .

2. Среди зрительных образов:

Образы-схемы: отсутствуют – 0%

Образы-картинки: 207 – 98,6% (дверь 21; я вхожу в здание 16; дом 15 и др.).

3. *Образы объекта*: 95 – 45,2% (дом 15; кроссовки 1; клетка 1 и др.)

Образы ситуации: 115 – 54,8% (я открываю дверь 16; я вхожу в квартиру 8; у меня много гостей 3 и др.)

4. *Статические образы*: 113 – 53,8% (дверь 21; ноги 12; дорога 4 и др.).

Динамические образы: 97 – 46,2% (шаг через порог 3; я делаю шаг вперёд 2; быстрый шаг 1 и т.п.).

5. *Ситуативные образы*: 15 – 7% (преподаватель в аудитории 6; дверь в аудиторию 4; аудитория 5).

Данные реакции можно отнести к обусловленным ситуацией эксперимента, так как эксперимент проводился в университетской аудитории.

Внеситуативные образы: 195 – 93% (дом 15; я вхожу в квартиру 8; дорога 4 и др.).

По типу объективации образа:

1. *Эмоционально-оценочные образы*: 4 – 2% (состояние аффекта 1; уверенная походка 2; состояние транса 1).

Образы без эмоционально-оценочной составляющей: 206 – 98% (деревянная дверь 3; дверь открыта 3; улица 3 и др.).

2. *Обобщённые образы*: 91 – 43,3% (помещение 14; медленная походка 3; начальник 1 и др.)

Детализированные образы: 119 – 56,7% (деревянная дверь 3; солнечные островки на земле 1; рука открывает дверь 1 и др.).

Если предпринять попытку моделирования чувственных образов, полученных в ходе эксперимента в связи с лексемой *входить*, то их содержание укладывается в следующую схему: *субъект действия* («начальник», «человек, входящий в дверь») – *инструмент действия* («ноги», «обувь») – *процесс* (в т.ч. *направление действия* («я вхожу в здание», «я делаю шаг вперёд»)) – *место действия* («помещение», «преподаватель в аудитории», «я дома»).

Полученные в ходе эксперимента реакции можно соотнести с прямым значениям конкретного глагола *входить*: «1. Вступить, проникнуть внутрь» (Ожегов, Шведова 1999, с.108) – «я открываю дверь», «я вхожу в квартиру» и др.

В перечне образов конкретного глагола *входить* по типу образа преобладают зрительные статические внеситуативные образы-картинки ситуации, по типу объективации образа преобладают неоценочные детализированные образы.

Писать

В ходе перцептивного эксперимента получено 327 реакций.

По типу образа:

1. *Зрительные образы:* 323 – 98,2 % (рука ручкой водит по бумаге 50; письмо 26; белый лист бумаги 24 и др.).

Слуховые образы: 1 – 0,3% (скрип ручки 1).

Осязательные образы: 3 – 0,9% (рука устала 2; рука напряжена 1)

Вкусовые образы: отсутствуют – 0 %.

Обонятельные образы: отсутствуют – 0 % .

2. Среди зрительных образов:

Образы-схемы: отсутствуют – 0%

Образы-картинки: 323 – 98,2% (рука ручкой водит по бумаге 50; письмо 26; белый лист бумаги 24 и др.).

3. *Образы объекта:* 221 – 67,5% (письмо 26; ручка 43; книга 10 и др.)

Образы ситуации: 106 – 32,4% (я на уроке русского языка 2; факультативное занятие по биологии 1; я заполняю регистрационную форму 1 и др.)

4. *Статические образы:* 227 – 66,4% (белый лист бумаги 24; перо 12; клеточки на бумаге 3 и др.).

Динамические образы: 110 – 33,6% (рука ручкой водит по бумаге 50; чернила каплют с пера 1; моя мама пишет 1 и т.п.).

5. *Ситуативные образы:* 4 – 1,2% (я пишу это задание 4).

Внеситуативные образы: 323 – 98,8% (письмо 26; моя школа 3; чернила каплют с пера 1 и др.).

По типу объективации образа:

1. *Эмоционально-оценочные образы*: 12 – 3,7% (аккуратный почерк 4; нудно пишу 4; коряво написанные буквы 1 и др.).

Образы без эмоционально-оценочной составляющей: 305 – 96,3% (моя подруга 4; парта 2; чердак 1 и др.).

2. *Обобщённые образы*: 118 – 36% (книга 10; буквы 7; сочинение 7 и др.)

Детализированные образы: 209 – 64% (чернила капаят с пера 1; старый жёлтый лист бумаги 1; зелёная паста 1 и др.).

Чувственные образы «Дарья Донцова», «Пушкин» связаны не с глаголом *писать*, а с производным от него существительным *писатель*. Возможно, явления, обозначаемые однокоренными словами, кодируются в сознании испытуемых сходными чувственными образами. Вероятно, это происходит потому, что однокоренные слова называют один и тот же концепт. Следовательно, связь слова с чувственным образом целесообразно рассматривать не только с позиций лексикологии, но и когнитивной лингвистики.

Образы «чернильница», «чернила капаят с пера» можно расценить как культурно маркированные: вероятно, эти представления почерпнуты не из индивидуального перцептивного опыта испытуемых. Культурную обусловленность имеют также чувственные образы «Дарья Донцова 1»; «поэма «Евгений Онегин» 1»; «Пушкин 1».

Если предпринять попытку моделирования чувственных образов, полученных в ходе эксперимента в связи с лексемой *писать*, то их содержание укладывается в следующую схему: *субъект действия* («сочиняющий стихи», «Пушкин») – *инструмент действия* («ручка», «карандаш», «рука») – *процесс* («рука ручкой водит по бумаге», «я вывожу первую букву слова», «женщина пишет») – *объект действия* («буквы», «коряво написанные буквы»).

Полученные в ходе эксперимента реакции можно соотнести с двумя значениями конкретного глагола *писать*: «1. Изображать на чём-нибудь графические знаки» (Ожегов, Шведова 1999, с.518): «рука ручкой водит по бумаге»; «белый лист бумаги» и др., «2. Сочинять научное, художественное, публицистическое и др. произведение» (Ожегов, Шведова 1999, с.518): «письмо»; «я пишу самостоятельную по химии»; «Пушкин», «Евгений Онегин» и т.п.

В перечне образов конкретного глагола *писать* по типу образа преобладают зрительные статические внеситуативные образы-картинки объекта, по типу объективации образа преобладают неоценочные детализированные образы.

Таким образом, в ходе перцептивного эксперимента для всех исследуемых конкретных глаголов были выявлены яркие чувственные представления.

Среди образов преобладают по типу образа зрительные статические внеситуативные образы-картинки объекта, по типу объективации образа - неоценочные детализированные образы.

Среди образных ассоциаций конкретных глаголов встречаются слуховые, осязательные, обонятельные чувственные образы. Специфика типа перцепции в том числе связана с семантикой глагола (например, глагол *говорить* вызвал большое количество слуховых образов, *есть* – обонятельных и осязательных).

В основании чувственного образа глаголов конкретной семантики – отражение предметной ситуации. Образов ситуации и образов объекта в эксперименте выявлено приблизительно равное количество. Динамические образы актуализируются почти столь же часто, как и статические.

В ходе перцептивного эксперимента выявлены образы, связанные со знаковой оболочкой конкретного глагола.

Содержание чувственного образа схематически может быть представлено в виде модели: субъект действия – инструмент действия – процесс – объект действия.

Большинство чувственных образов соотносимы с первым денотативным значением конкретного глагола.

По данным перцептивного эксперимента можно получить информацию о семантической структуре многозначного конкретного глагола, наиболее актуальных значениях слова для носителей языка, лексической сочетаемости слов, вхождении их в антонимические и синонимические ряды.

Образные ассоциации конкретных глаголов характеризуются высокой частотностью, отказы в ходе проведения эксперимента единичны.

Можно предположить, что чувственный образ входит в структуру значения конкретного глагола.

2.3.4. Образ в структуре значения абстрактных глаголов

Мочь

В ходе перцептивного эксперимента получена 121 реакция.

По типу образа:

1. *Зрительные образы:* 69 – 57% (я иду в гору 1; я ловлю рыбу 1 и др.).

Слуховые образы: отсутствуют – 0%

Осязательные образы: 32 – 26,5% (тяжёлая штанга 2; со лба течёт пот 1 и др.)

Вкусовые образы: отсутствуют – 0 %.

Обонятельные образы: отсутствуют – 0 % .

2. Среди зрительных образов:

Образы-схемы: отсутствуют – 0%

Образы-картинки: 69 – 57% (я иду в гору 1; я ловлю рыбу 1 и др.).

Среди полученных реакций есть такие, которые не поддаются классификации образа по перцептивному основанию: 20 – 16,5% (чувство уверенности 16; чувство свободы 3; нечто приятное 1 и проч.).

3. *Образы объекта:* 11 – 9,1% (тяжёлая штанга 2; девушка 1; пловец 1 и др.)

Образы ситуации: 110 – 90,9% (я занят делом 14; я занимаюсь спортом 6; я помогаю другу сделать задание 3 и др.)

4. *Статические образы:* 19 – 15,7% (сильный человек 3; мастер 1; мой друг 1 и др.).

Динамические образы: 102 – 84,3% (спортсмен поднимает штангу 5; я иду в гору 1; я закатываю рукава 1 и т.п.).

5. *Ситуативные образы:* 5 – 4,1 % (всё вокруг 5).

Внеситуативные образы: 116 – 95,9% (моя работа 9; тяжёлая штанга 2; я хожу по улице 1 и др.).

По типу объективации образа:

1. *Эмоционально-оценочные образы:* 21 – 17,4% (чувство уверенности 16; улыбка 1; нечто приятное 1 и др.).

Образы без эмоционально-оценочной составляющей: 100 – 82,6% (вода и суша 1; я думаю 1; я хожу 1 и др.).

2. *Обобщённые образы:* 103 – 85,1% (мастер 1; улыбка 1; пловец 1 и др.)

Детализированные образы: 18 – 14,9% (спортсмен поднимает штангу 5; я закатываю рукава 1; я иду в гору 1 и др.).

Большинство реакций только называют чувственный образ, но не детализируют его («я занят каким-либо делом», «я совершаю подвиг» и т.п.). Наличие обобщённо сформулированных образов в списке полученных реакций, вероятно, определяется идиостилем описания образных представлений испытуемых. Однако обращает на себя внимание тот факт, что максимальное количество обобщённых образов получено именно в связи с лексемой наиболее абстрактного значения – в связи с модальным глаголом *мочь*. Можно предположить, что форма объективации образных представлений слова определяется, в том числе, спецификой семантики данного слова.

Полученные в ходе эксперимента реакции можно соотнести со значением абстрактного глагола *мочь*: «1. Быть в состоянии, иметь возможность делать что-нибудь» (Ожегов, Шведова 1999, с. 368) («чувство физической силы», «я занят делом» и проч.). Образы «чувство физического удовольствия», «девушка», вероятно, соответствуют формирующемуся в национальном сознании новому значению глагола *мочь* – «быть

способным к половому акту», которое пока не фиксируется в современных толковых словарях (под ред. С.А.Кузнецова, С.И.Ожегова и Н.Ю.Шведовой, А.П.Евгеньевой).

В перечне образов абстрактного глагола *мочь* по типу образа преобладают зрительные динамические внеситуативные образы-картинки ситуации, по типу объективации образа преобладают неоценочные обобщённые образы.

Знать

В ходе перцептивного эксперимента получено 229 реакций.

По типу образа:

1. *Зрительные образы*: 203 – 88,7% (книга 36; я читаю книгу 15; формулы на доске 5 и др.).

Слуховые образы: 3 – 1,3% (звук голоса 2; звучит музыка 1)

Осязательные образы: отсутствуют – 0%

Вкусовые образы: отсутствуют – 0%.

Обонятельные образы: отсутствуют – 0% .

2. Среди зрительных образов:

Образы-схемы: отсутствуют – 0%

Образы-картинки: 203 – 88,7% (книга 36; я читаю книгу 15; формулы на доске 5 и др.).

Среди полученных реакций есть такие, которые не поддаются классификации образа по перцептивному основанию: 23 – 10% (приятное чувство 16; чувство уверенности 3 и проч.).

3. *Образы объекта*: 130 – 56,8% (книга 36; голова 8; учебник 5 и др.)

Образы ситуации: 99 – 43,2% (я читаю книгу 15; я на уроке 10; выпускной вечер за границей 1 и др.)

4. *Статические образы*: 166 – 72,5% (энциклопедия 7; формулы на доске 5; парень в очках 3 и др.).

Динамические образы: 63 – 27,5% (я рассказываю истории 5; учёный ухмыляется 1; ученик за партой поднимает руку 1 и т.п.).

5. *Ситуативные образы*: отсутствуют – 0 %

Внеситуативные образы: 229 – 100% (я у доски 10; мозг 4; много учёных 4 и др.).

По типу объективации образа:

1. *Эмоционально-оценочные образы*: 26 – 11,5% (приятное чувство 16; нечто важное 3; чувство уверенности 3 и др.).

Образы без эмоционально-оценочной составляющей: 203 – 88,5% (мой аттестат 1; текст в открытой тетради 1; ВГУ и др.).

2. *Обобщённые образы*: 145 – 63,3% (книга 36; голова 8; энциклопедия 7 и др.)

Детализированные образы: 84 – 36,7% (огромная голова 5; человек с ручкой в руках 2; длинная серая борода 1 и др.).

При обсуждении результатов перцептивного эксперимента по конкретным глаголам мы обратили внимание на то, что нередко выявленные чувственные образы соотносимы не с самим глаголом, а со словосочетанием, в которое входит этот глагол. Та же особенность выявляется и в образном восприятии глаголов абстрактной семантики. Так, реакции «стих на странице», «я читаю стих у доски», «стихотворение Анны Ахматовой «Клевета»: я его знаю наизусть» соотносимы со словосочетанием «знать наизусть».

Интересны образы «парень в очках», «много учёных», «человек с ручкой в руках», «учёный: мужчина с бородой и в очках». Здесь проявляется антропоцентричность чувственного образа: действие чувственно репрезентировано в сознании образом субъекта действия, «типичного представителя» действия (ср. в списке реакций конкретных глаголов: *говорить* – «оратор», *писать* – «писатель» и т.п.).

Вероятно, возникновение образов-персонификаций, равно как и возникновение в связи с глаголами образов объекта (*знать* – «энциклопедия», «учебник», «графики»), связано с трудностью описания ситуации, которую называет глагол. Глаголы, обозначая действие предмета, по определению номинируют какую-либо предметную ситуацию, но не объект. При образном ассоциировании глагола, как показывает эксперимент, восприятие ситуации начинает замещаться восприятием какого-либо её фрагмента: субъекта действия, объекта действия, инструмента действия (т.е. в сознании испытуемых ситуация действия фрагментируется). Видимо, именно чувственное отражение ситуации действия позволяет отграничить поле представления, овесть ситуацию, тем самым сделать её конкретнее в восприятии и, следовательно, проще в описании.

Полученные в ходе эксперимента реакции можно соотнести со значением абстрактного глагола *знать* «2. Обладать какими-либо познаниями, иметь о чём-либо представление» (Ожегов, Шведова 1999, с.232).

В перечне образов абстрактного глагола *знать* по типу образа преобладают зрительные статические внеситуативные образы-картинки объекта, по типу объективации образа преобладают неочечные обобщённые образы.

Хотеть

В ходе перцептивного эксперимента получено 204 реакции.

По типу образа:

1. *Зрительные образы:* 141 – 69,1% (красивая девушка 13; мороженое 12; новая машина 8 и др.).

Слуховые образы: 1 – 0,5% (плач ребёнка 1)

Осязательные образы: 1 – 0,5% (мне тепло)

Вкусовые образы: 32 – 15,7 % (чувство голода 30; чувство жажды 2)

Обонятельные образы: отсутствуют – 0 % .

2. Среди зрительных образов:

Образы-схемы: отсутствуют – 0%

Образы-картинки: 141 – 69,1% (красивая девушка 13; мороженое 12; новая машина 8 и др.).

Среди полученных реакций есть такие, которые не поддаются классификации образа по перцептивному основанию: 29 – 14,2% (чувство волнения 12; чувство радости 10 и проч.).

3. *Образы объекта:* 77 – 37,7% (красивая девушка 13; мороженое 12; шоколад 3 и др.).

Образы ситуации: 127 – 62,3% (я бегу домой 2; я гуляю по улице 1; я лечу – хочу летать 1 и др.).

4. *Статические образы:* 87 – 42,7% (много еды 8; обнажённая девушка 4; письмо 1 и др.).

Динамические образы: 117 – 57,3% (сцена в постели 7; человек, жующий апельсин 1 и т.п.).

5. *Ситуативные образы:* отсутствуют – 0 %

Внеситуативные образы: 204 – 100% (мороженое 12; деньги 4; вода 3 и др.).

По типу объективации образа:

1. *Эмоционально-оценочные образы:* 40 – 19,6% (красивая девушка 13; чувство радости 10; чувство страдания 3 и др.).

Образы без эмоционально-оценочной составляющей: 164 – 80,4% (стол с едой 2; хлеб 1; пицца 1 и др.).

2. *Обобщённые образы:* 81 – 88,7% (сладости 4; вода 3; Египет 1 и др.)

Детализированные образы: 23 – 11,3% (обнажённая девушка 4; человек, жующий апельсин 1; сто долларовая купюра 1 и др.).

Чувственные образы «мои мечты», «мои фантазии» формируются не на базе эмпирического опыта испытуемых, но, видимо, имеют творческий характер. Т.е. источником формирования образа в структуре значения слова может быть не только непосредственно воспринятая индивидом действительность, но и фантазия индивида, мысленное пересоздание чувственно воспринимаемой реальности.

Чувственный образ «первая и вторая часть фильма «Основной инстинкт» 1» культурно окрашен.

Полученные в ходе эксперимента реакции можно соотнести со значением абстрактного глагола *хотеть* «1. Ощущать потребность в чём-нибудь» (Ожегов, Шведова 1999, с. 868) («нетерпеливый человек», «деньги», «велосипед» и проч.). Реакции «секс», «обнажённая девушка», «первая и вторая часть фильма «Основной инстинкт» отражают

формирование нового значения абстрактного глагола *хотеть*: испытывать половое влечение к кому-либо. Это значение слова не отражено в «Толковом словаре русского языка» под редакцией С.И.Ожегова, Е.Ю.Шведовой в МАСе под редакцией А.П. Евгеньевой, но зафиксировано в «Большом толковом словаре русского языка» под редакцией С.А. Кузнецова: «3.Разг. Испытывать чувственное влечение к кому-либо» (Кузнецов 1998, с.1452).

В перечне образов абстрактного глагола *хотеть* по типу образа преобладают зрительные динамические внеситуативные образы-картинки ситуации, по типу объективации образа преобладают неоценочные обобщённые образы.

Думать

В ходе перцептивного эксперимента получена 251 реакция.

По типу образа:

1. *Зрительные образы*: 218 – 86,8% (мозг человека 25; голова 9; человек сидит за столом 5 и др.).

Слуховые образы: 2 – 0,8% (тишина 2)

Осязательные образы: 7 – 2,8% (голова болит 5; мне тепло 1; горячий кофе 1)

Вкусовые образы: отсутствуют – 0%

Обонятельные образы: отсутствуют – 0% .

2. Среди зрительных образов:

Образы-схемы: отсутствуют – 0%

Образы-картинки: 218 – 86,8% (мозг человека 25; голова 9; человек сидит за столом 5 и др.).

Среди полученных реакций есть такие, которые не поддаются классификации образа по перцептивному основанию: 24 – 9,6% (чувство напряжения 7; чувство лени 4; чувство одиночества 3 и проч.).

3. *Образы объекта*: 84 – 33,5% (голова 9; голова мужчины 5; сканворд в газете 2 и др.).

Образы ситуации: 167 – 66,5% (я на учёбе 7; мужчина облокотился о локоть 5 и др.)

4. *Статические образы*: 119 – 47,4% (двойка в дневнике 1; чёрный ящик 1; кружка кофе 1 и др.).

Динамические образы: 132 – 52,6% (мысли мелькают 17; мозги шевелятся 8; человек чешет затылок 2 и т.п.).

5. *Ситуативные образы*: 2 – 0,8 % (я сейчас 2)

Внеситуативные образы: 249 – 99,2% (философ 1; я возвращаюсь домой 1; родители 1 и др.).

По типу объективации образа:

1. *Эмоционально-оценочные образы*: 29 – 11,6% (чувство волнения 3; нечто приятное 2; спокойствие 1 и др.).

Образы без эмоционально-оценочной составляющей: 222 – 88,4% (пара по матану 4; я пишу контрольную работу 3; шарики крутятся 2 и др.).

2. Обобщённые образы: 175 – 69,7% (голова 9; вечер 4; маршрутка вечером 3 и др.)

Детализированные образы: 76 – 30,3% (голова мужчины 5; человек чешет затылок 2; стол у окна 1 и др.).

Интересна реакция «чёрный ящик». По всей видимости, этот образ связан с устойчивым метафорическим названием сознания, мышления – «чёрный ящик», т.е. то, что скрыто от наших глаз, не доступно в полной мере разгадке, и данный зрительный образ – визуализация метафоры.

Видимо, метафорическую природу имеет образ «движение часового механизма»: нередко в речевых произведениях работа головного мозга сравнивается с работой какого-либо механизма, в том числе – часов. Чувственный образ «шарики крутятся», вероятно, тоже связан с таким устоявшимся в национальном сознании метафорическом восприятием механизма мышления. Не исключено также, что последняя реакция вызвана устойчивым выражением, бытующим в разговорной речи: «шарики за ролики заходят» (о напряжённом процессе обдумывания чего-либо). Можно предположить, что языковые связи слова способны влиять на содержание чувственного представления, которое вызывает в сознании данная лексема.

Интересны образы-персонификации, полученные в перцептивном эксперименте в связи с глаголом *думать*: «ботаник», «памятник Ленину», «памятник Геродоту», «мужчина с сигаретой». В этих образах отражены стереотипные представления испытуемых о думающем человеке.

Реакция «ботаник» – неконкретизированное описание чувственного образа. Видимо, респондент предполагал, что внешний вид «ботаника» очевиден и для экспериментатора, поэтому не нуждается в пояснении. Можно предположить, что в национальном сознании на современном этапе сложилось определённое устойчивое визуальное представление о «ботанике», и это слово объективирует самостоятельный концепт.

Обращает на себя внимание тот факт, что в перечне реакций, полученных в связи с глаголами *думать* и *знать*, много совпадающих или близких по содержанию (например, «мозг», «голова», «ботаник» – в связи со словом *думать* и «мальчик в очках» – в связи со словом *знать* и др.). Видимо, это связано с тем, что абстрактные глаголы *думать* и *знать* относятся к одной лексико-грамматической группировке, что отражают образные ассоциации этих слов.

Реакция «пара по матану» (по математическому анализу) отражает одну из особенностей чувственного представления: перцептивный образ, формируясь, главным образом, на базе личного опыта индивида, связан с родом деятельности последнего. Среди участников перцептивного эксперимента были студенты 1-го курса факультета компьютерных наук ВГУ, где преподаётся дисциплина математический анализ, что и отразилось на результатах проведенного эксперимента.

Полученные в ходе эксперимента реакции можно соотнести со значением абстрактного глагола *думать* «1. Направлять мысли на кого-что-нибудь, размышлять» (Ожегов, Шведова 1999, с.182) – «человек чешет затылок», «профессор на лекции» и др.

В перечне образов абстрактного глагола *думать* по типу образа преобладают зрительные динамические внеситуативные образы-картинки ситуации, по типу объективации образа преобладают неочечные обобщённые образы.

Жить

В ходе перцептивного эксперимента получено 252 реакции.

По типу образа:

1. *Зрительные образы*: 198 – 78,6% (я иду вперёд 17; мой дом 10; высокое небо 4 и др.).

Слуховые образы: 1 – 0,4% (поют птицы 1)

Осязательные образы: 15 – 6% (я дышу 6; я глубоко дышу 5; свежий ветер 2 и др.)

Вкусовые образы: отсутствуют – 0%

Обонятельные образы: отсутствуют – 0% .

2. Среди зрительных образов:

Образы-схемы: 1 – 0,5 (младенец-подросток-взрослый 1)

Образы-картинки: 197 – 78,1% (я иду вперёд 17; мой дом 10; высокое небо 4 и др.).

Среди полученных реакций есть такие, которые не поддаются классификации образа по перцептивному основанию: 38 – 15% (чувство радости 32; плохое настроение 5 и проч.).

3. *Образы объекта*: 70 – 27,8% (мой дом 10; улыбка 5; птица 1 и др.)

Образы ситуации: 182 – 72,2% (я отдыхаю на море 6; я в университете 5; я играю в футбол 1 и др.)

4. *Статические образы*: 123 – 48,8% (солнце на голубом небе 4; старый дом 3; горы 1 и др.).

Динамические образы: 129 – 51,2% (я иду вперёд 17; я глубоко дышу 5; бег с препятствиями 2 и т.п.).

5. *Ситуативные образы*: 5 – 2% (всё вокруг 5)

Внеситуативные образы: 247 – 98% (моя будущая семья 12; домик в деревне 10; я отдыхаю на море 6 и др.).

По типу объективации образа:

1. *Эмоционально-оценочные образы*: 52 – 20,6% (чувство радости 32; любимые люди 6; улыбка 5 и др.).

Образы без эмоционально-оценочной составляющей: 250 – 79,4% (я просыпаюсь утром 3; мои родители 1; поле 1 и др.).

2. *Обобщённые образы*: 197 – 78,1% (мой день 4; поле 1; осень 1 и др.)

Детализированные образы: 55 – 21,9% (чёрная собака 1; люди в белых халатах 1; операционный стол 1 и др.).

В экспериментальном списке среди абстрактных существительных присутствует лексема *жизнь*. Среди реакций, полученных в связи с глаголом *жить* и существительным *жизнь* много повторяющихся или близких по содержанию: «проносятся кадры моей жизни», «моя семья», «роды» и проч. Однокоренные слова содержат в сознании испытуемых сходные чувственные образы.

Реакция «сын, дом, дерево» культурно нагружена, и вероятно, соотносится с восточной мудростью: «каждый мужчина за свою жизнь должен родить сына, построить дом и вырастить дерево». Эта реакция коррелирует с лексемой *жизнь*, что также подтверждает предположение о том, что однокоренные слова содержат в сознании испытуемых сходные чувственные образы.

Однако в перечнях реакций на эти слова-стимулы есть некоторые различия: среди чувственных образов, вызванных глаголом, больше динамических образов ситуации (например, «я дышу», «я просыпаюсь утром», «быстрый шаг», «я общаюсь с друзьями»). Чувственные образы, выявленные в связи с абстрактным глаголом *жить*, – это образы процесса, в основе их содержания – отражение хода жизни, движения (реакция «я иду вперёд», «младенец-подросток-взрослый»). Перцептивные образы, актуализировавшиеся в связи с существительным *жизнь* несколько отличаются по содержанию от описанных выше. Здесь в чувственном представлении отражены в форме статических образов этапы жизненного процесса, его начало и конец («младенец и старик», «отрезок», «новорожденный в кроватке», «я старый – образ смерти» и проч.). По этой причине, вероятно, среди образных представлений глагола *жить* нет образов смерти, а в связи с существительным *жизнь* такие образы выявлены.

По всей видимости, сказанное выше свидетельствует о том, что на характер образных представлений, вызываемых словом, влияет категориальное значение слова; в данном случае релевантным становится разница значения действия предмета и значения предмета.

Полученные в ходе эксперимента реакции можно соотнести со значением абстрактного глагола *жить* «3. Проводить жизнь в каком-нибудь месте среди кого-нибудь» (Ожегов, Шведова 1999, с.195) – «домик в деревне», «я отдыхаю на море». В словарном толковании этого значения тоже содержится указание на чувственный образ (в лакунах под образ).

В перечне образов абстрактного глагола *жить* по типу образа преобладают зрительные динамические внеситуативные образы-картинки ситуации, по типу объективации образа преобладают неоценочные обобщённые образы.

Иметь

В ходе перцептивного эксперимента получено 147 реакций.

По типу образа:

1. *Зрительные образы*: 134 – 91,2% (деньги 21; машина 8; моя семья 3 и др.).
Слуховые образы: отсутствуют – 0%
Осязательные образы: 11 – 7,5% (я держу что-то в руке 7; я держу телефон в руке 1 и др.)
Вкусовые образы: 1 – 0,7% (я дышу 1)
Обонятельные образы: отсутствуют – 0 % .
2. Среди зрительных образов:
Образы-схемы: отсутствуют – 0%
Образы-картинки: 134 – 91,2% (деньги 21; машина 8; моя семья 3 и др.).
 Среди полученных реакций есть такие, которые не поддаются классификации образа по перцептивному основанию: 1 – 0,7% (хорошее настроение 1).
3. *Образы объекта*: 126 – 85,7% (какая-то вещь 31; деньги 21; машина 8 и др.)
Образы ситуации: 21 – 14,3% (я ничем не занят – свободное время 2; пляж 1; моя жизнь 1 и др.)
4. *Статические образы*: 140 – 95,2% (доллары 3; телефон 1; гараж 1 и др.).
Динамические образы: 7 – 4,8% (я занимаюсь сексом 3; покупающий человек 1; я дышу 1 и т.п.).
5. *Ситуативные образы*: 1 – 0,7 % (то, что я сегодня взял с собой 1)
Внеситуативные образы: 146 – 99,3% (моя собственность 15; дети 9 и др.).

По типу объективации образа:

1. *Эмоционально-оценочные образы*: 4 – 2,7% (хорошее настроение 1; талантливый человек 1; красивая жена 1 и др.).
Образы без эмоционально-оценочной составляющей: 143 – 97,3% (машина 8; доллары 3; телефон 1 и др.).
2. *Обобщённые образы*: 137 – 93,2% (какая-то вещь 31; моя собственность 15; пляж 1 и др.)
Детализированные образы: 10 – 6,8% (я держу телефон в руке 1; чёрная машина 1 и др.).

Большая часть чувственных образов, выявленных в ходе эксперимента, это образы, соотносимые со словосочетаниями, в которые входит глагол *иметь*: «талант» – *иметь талант*, «дети» – *иметь детей*, «дом» – *иметь дом*, «моя работа» – *иметь работу* и т.п.

Полученные в ходе эксперимента реакции можно соотнести со значением абстрактного глагола *иметь* «1. Обладать, располагать, владеть чем-либо» (Ожегов, Шведова 1999, с. 244) – «какая-то вещь», «деньги», «собака» и др. Реакции «физиологическое желание», «я

занимаюсь сексом», видимо, соотносятся с формирующимся в национальном сознании новым значением абстрактного глагола *иметь* – *заниматься сексом*. В толковых словарях русского языка под редакцией С.А. Кузнецова, С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, А.П. Евгеньевой это значение не отражено.

В перечне образов абстрактного глагола *иметь* по типу образа преобладают зрительные статические внеситуативные образы-картинки объекта, по типу объективации образа преобладают неоценочные обобщённые образы.

Работать

В ходе перцептивного эксперимента получено 260 реакций.

По типу образа:

1. *Зрительные образы*: 232 – 89,2% (деньги 52; рабочий у станка 17; человек копает землю 8 и др.).

Слуховые образы: 2 – 0,8% (стук молотка 1; звуки музыки 1)

Осязательные образы: 6 – 2,3% (напряжение мускулов 3; чувство усталости 3)

Вкусовые образы: отсутствуют – 0%

Обонятельные образы: отсутствуют – 0 % .

2. Среди зрительных образов:

Образы-схемы: отсутствуют – 0%

Образы-картинки: 232 – 89,2% (деньги 52; рабочий у станка 17; человек копает землю 8 и др.).

Среди полученных реакций есть такие, которые не поддаются классификации образа по перцептивному основанию: 20 – 7,7% (чувство удовольствия 7; чувство радости 6 и проч.).

3. *Образы объекта*: 87 – 33,5% (деньги 52; веник 6; кувалда 1 и др.)

Образы ситуации: 173 – 66,5% (рабочий у станка 17; я в офисе сижу за компьютером 5; сварщик на крыше 1 и др.)

4. *Статические образы*: 112 – 43,1% (веник 6; сорняки на огороде 5; наковальня 4 и др.).

Динамические образы: 148 – 56,9% (человек копает землю 8; я подметаю пол 8; человек бежит по улице 1 и т.п.).

5. *Ситуативные образы*: 8 – 3% (я на паре 1; я в классе 7)

Внеситуативные образы: 252 – 97% (офис 7; я сажаю овощи 54; сумрачная комната 4 и др.).

По типу объективации образа:

1. *Эмоционально-оценочные образы*: 45 – 17,3% (тяжёлый физический труд 19; чувство удовольствия 7; плохое настроение 5 и др.).

Образы без эмоционально-оценочной составляющей: 215 – 82,7% (я на работе 17; конспект 3; лопата 3 и др.).

2. *Обобщённые образы:* 160 – 61,5% (деньги 52; тяжёлый физический труд 19; офис 7 и др.)

Детализированные образы: 100 – 38,5% (я сажаю овощи 5; дворник подметает улицу 1; рука после локтя 1 и др.).

Перечни реакций абстрактного глагола *работать* и абстрактных существительных *дело, работа* пересекаются («деньги», «я иду на работу», «я мою посуду» и др.). Эти слова относятся к одной тематической группе, сходны по семантике. Следовательно, специфика образных ассоциаций слова определяется (хотя и не в полной мере) его значением.

Преимущественно в эксперименте отражено представление о физическом труде. Видимо, это стереотипированное в национальном сознании представление о работе.

Полученные в ходе эксперимента реакции можно соотнести со значением абстрактного глагола *работать* «1. Трудиться над чем-нибудь. *Р. у станка*» (Ожегов, Шведова 1999, с.637). Реакция «рабочий у станка» совпадает с примером, данным в словарной дефиниции. Возможно, этот образ можно расценивать как относительно стандартизованный и включённый в структуру значения данного глагола.

В перечне образов абстрактного глагола *работать* по типу образа преобладают зрительные динамические внеситуативные образы-картинки ситуации, по типу объективации образа преобладают неоценочные обобщённые образы.

Понимать

В ходе перцептивного эксперимента получено 165 реакций

По типу образа:

1. *Зрительные образы:* 119 – 72,1% (я киваю 13; мои друзья 10; я на уроке 7 и др.).

Слуховые образы: 14 – 8,5% (шум голосов 9; звуки иностранной речи 3; тяжёлая музыка 1)

Осязательные образы: 1 – 0,6% (боль в груди 1)

Вкусовые образы: отсутствуют – 0%

Обонятельные образы: отсутствуют – 0 % .

2. Среди зрительных образов:

Образы-схемы: отсутствуют – 0%

Образы-картинки: 119 – 72,1% (я киваю 13; мои друзья 10; я на уроке 7 и др.).

Среди полученных реакций есть такие, которые не поддаются классификации образа по перцептивному основанию: 31 – 18,8% (чувство спокойствия 12; чувство сочувствия 8; чувство волнения 6 и проч.).

3. *Образы объекта*: 58 – 35,2% (огромная голова 4; мозг 4; картинка: головной мозг 1 и др.)

Образы ситуации: 107 – 64,8% (я на уроке 7; разговор по душам 7; пара по матану 3 и др.)

4. *Статические образы*: 58 – 35,2% (мой друг 5; люди 5; мудрый человек 2 и др.).

Динамические образы: 107 – 64,8% (я киваю 13; шум голосов 9; моя подруга кивает головой 1 и т.п.).

5. *Ситуативные образы*: отсутствуют – 0 %

Внеситуативные образы: 165 – 100%

По типу объективации образа:

1. *Эмоционально-оценочные образы*: 37 – 22,4% (чувство спокойствия 12; чувство радости 5; мудрый человек 2 и др.).

Образы без эмоционально-оценочной составляющей: 128 – 77,6% (мой друг 5; люди 5; я решаю задачу 4 и др.).

2. *Обобщённые образы*: 131 – 79,4% (лекция 7; люди 5; мудрый человек 2 и др.)

Детализированные образы: 34 – 20,6% (огромная голова 4; студент решает задачу 2; мальчик в очках 1 и др.).

Среди обобщённо описанных образов особенно интересны образы «иностранец» и «немец». Испытуемые не дают детального описания этих зрительных образов, видимо, рассчитывая на то, что у лица, интерпретирующего результаты эксперимента, есть устойчивое зрительное представление о немце и об иностранце вообще.

Видимо, в национальной культуре существует стереотипное представление о том, как выглядят *немец* и *иностранец* вообще, а сами лексемы называют самостоятельные концепты, в ядре которых – типизированные зрительные образы немца и иностранца вообще, соответственно.

Образы «я объясняю новый материал»; «я решаю задачу»; «я на уроке», «лекция», «пара по матану» и подобные им связаны с родом деятельности испытуемых.

Полученные в ходе эксперимента реакции можно соотнести со значением абстрактного глагола *понимать* «1. Уяснить значение чего-либо. *П. урок. П. друг друга*» (Ожегов, Шведова 1999, с. 561)

В перечне образов абстрактного глагола *понимать* по типу образа преобладают зрительные динамические внеситуативные образы-картинки ситуации, по типу объективации образа преобладают неоценочные обобщённые образы.

Значить

В ходе перцептивного эксперимента получена 131 реакция.

По типу образа:

1. *Зрительные образы:* 120 – 91,6% (авторитетный человек 15; начальник 9; какой-то символ на бумаге 7 и др.).

Слуховые образы: 1 – 0,8% (тяжёлая музыка 1)

Осязательные образы: отсутствуют – 0%

Вкусовые образы: отсутствуют – 0%

Обонятельные образы: отсутствуют – 0% .

2. Среди зрительных образов:

Образы-схемы: отсутствуют – 0%

Образы-картинки: 120 – 91,6% (авторитетный человек 15; начальник 9; какой-то символ на бумаге 7 и др.).

Среди полученных реакций есть такие, которые не поддаются классификации образа по перцептивному основанию: 10 – 7,6% (чувство спокойствия 7; чувство счастья 3 и проч.).

3. *Образы объекта:* 125 – 95,4% (ценная вещь 20; книга 1; деньги 1 и др.)

Образы ситуации: 6 – 4,6% (человек трудится 3; человек, стоящий на высоком пьедестале 2 и др.)

4. *Статические образы:* 116 – 88,5% (ценная вещь 20; авторитетный человек 15; близкие люди 12 и др.).

Динамические образы: 15 – 11,5% (чувство счастья 3; человек трудится 3; мелькают мысли 1 и т.п.).

5. *Ситуативные образы:* отсутствуют – 0 %

Внеситуативные образы: 131 – 100%

По типу объективации образа:

1. *Эмоционально-оценочные образы:* 67 – 51,1% (ценная вещь 20; авторитетный человек 15; мой любимый мужчина 8 и др.).

Образы без эмоционально-оценочной составляющей: 67 – 51,1% (мои родственники 10; я 10; люди 5 и др.).

2. *Обобщённые образы:* 127 – 97% (авторитетный человек 15; начальник 9; деньги 1 и др.)

Детализированные образы: 4 – 3% (человек, стоящий на высоком пьедестале 2; глубокий сосуд 1; знак = и др.).

Интересен перцептивный образ «знак =». Видимо, это реакция не на неопределённую форму глагола *значить*, которая предъявлялась испытуемым в эксперименте, а на личную форму глагола – *значит* (например, два плюс два *значит* четыре).

Полученные в ходе эксперимента реакции можно соотнести со значением абстрактного глагола *значить* «1. Иметь какой-нибудь смысл, важность, ценность» (Ожегов, Шведова 1999, с.232)

В перечне образов абстрактного глагола *значить* по типу образа преобладают зрительные статические внеситуативные образы-картинки объекта, по типу объективации образа преобладают неоценочные обобщённые образы.

Любить

В ходе перцептивного эксперимента получено 273 реакции.

По типу образа:

1. *Зрительные образы*: 203 – 74,4% (моя девушка 18; большое сердце 16; моя жизнь 3 и др.).

Слуховые образы: 4 – 1,5% (напряжённый голос 1; звук смеха 1; мама смеётся 1 и др.).

Осязательные образы: 6 – 2,2% (мне тепло 4; я дрожу 1; холодные ладошки 1)

Вкусовые образы: отсутствуют – 0%

Обонятельные образы: отсутствуют – 0% .

2. Среди зрительных образов:

Образы-схемы: 24 – 11,8% (большое сердце 16; красное сердце 3; нарисованное сердечко 2 и проч.)

Образы-картинки: 179 – 88,2% (моя девушка 18; мой молодой человек 17; целующиеся парень и девушка 10 и др.).

Среди полученных реакций есть такие, которые не поддаются классификации образа по перцептивному основанию: 60 – 22% (чувство волнения 14; чувство радости 32 и проч.).

3. *Образы объекта*: 183 – 64,5% (большое сердце 16; диван 5 и др.)

Образы ситуации: 90 – 35,5% (целующиеся парень и девушка 10; прогулка 5; объятия 3 и др.)

4. *Статические образы*: 183 – 64,5% (большое сердце 16; диван 5 и др.)

Динамические образы: 90 – 35,5% (целующиеся парень и девушка 10; прогулка 5; объятия 2 и др.)

5. *Ситуативные образы*: отсутствуют – 0 %

Внеситуативные образы: 273 – 100%

По типу объективации образа:

1. *Эмоционально-оценочные образы*: 72 – 26,4% (чувство радости 32; чувство волнения 14; чувство счастья 9 и др.).

Образы без эмоционально-оценочной составляющей: 201 – 82,4% (улица 1; мой город 1; каток 1 и др.).

2. *Обобщённые образы*: 48 – 17,6% (прогулка 5; объятия 3; семья 1 и др.)

Детализированные образы: 225 – 82,4% (два человека держатся за руки 3; красное сердце 3; слово «ма-ма» на бумаге 1 и др.).

Реакция «карта России», вероятно, отражает частотную сочетаемость глагола: «любить Родину».

Среди зрительных образов абстрактного глагола *любить* есть образы-схемы: «сердце», «нарисованное сердечко», «красное сердце» и т.п. Однако эти схематические образы нетождественны образам-схемам, которые были выявлены в ходе перцептивного эксперимента в связи с конкретными существительными. В данном случае схематические образы стереотипны, испытуемые не сами схематизируют ситуацию, названную глаголом *любить*, этот образ-схема (*любить, любовь* – сердечки) существует в мировой культуре.

Полученные в ходе эксперимента реакции можно соотнести со значением абстрактного глагола *любить* «1. Испытывать любовь к кому-нибудь, чему-нибудь» (Ожегов, Шведова 1999, с.336).

В перечне образов абстрактного глагола *любить* по типу образа преобладают зрительные статические внеситуативные образы-картинки объекта, по типу объективации образа преобладают неоценочные детализированные образы.

Таким образом, в ходе перцептивного эксперимента для всех исследуемых абстрактных глаголов были выявлены чувственные представления. Однако именно в связи со словами данной группы в ходе эксперимента получено наибольшее количество отказов.

По типу образа преобладают зрительные динамические внеситуативные образы-картинки ситуации, по типу объективации образа преобладают неоценочные обобщённые образы

В связи с глаголами абстрактной семантики выявлено наибольшее количество образов, имеющих эмоционально-оценочную составляющую. Видимо, эта особенность связана с семантикой абстрактных глаголов: слова этой группы не называют вещно наблюдаемого референта (в отличие от конкретных существительных) и эмпирически наблюдаемого действия (в отличие от конкретных глаголов), т.е. предметов и действий, которые можно воспринять перцептивно. В представлении реальных, названных абстрактными глаголами, акцент перемещается с «информации органов чувств» на образы эмоций.

В основании чувственного образа глаголов абстрактной семантики лежит отражение предметной ситуации.

Чувственные образы соотносимы не только с первым значением многозначных абстрактных глаголов.

По данным перцептивного эксперимента можно получить информацию о семантической структуре многозначного абстрактного глагола, наиболее актуальных значениях слова для носителей языка, лексической сочетаемости слов, вхождении их в синонимические ряды.

Многие реакции связаны не со словами-стимулами экспериментального списка, но со словосочетаниями, в которые входят исследуемые абстрактные глаголы.

По типу объективации чувственного образа преобладают обобщённые образы, т.е. респонденты не описывают, но лишь называют чувственное представление. В перечне реакций на слова других групп преобладают детализированные образы. Можно предположить, что форма объективации чувственного представления в эксперименте определяется не только идиостилем испытуемого, но и спецификой семантики исходной лексемы. Слова максимально абстрактного значения – абстрактные глаголы – вызвали по преимуществу обобщённые образы.

Можно предположить, что чувственный образ входит в структуру значения абстрактных глаголов.

Таким образом, исследование словарных дефиниций, а также проведённый перцептивный эксперимент позволили выявить в связи со всеми рассматриваемыми лексемами яркие чувственные образы.

Содержание чувственных образов определяется рядом факторов. Среди них – с одной стороны, специфика представления как формы познания действительности и особенности отражаемого в представлении предметного мира, с другой – индивидуальный опыт носителя языка и преломлённый в индивидуальном сознании коллективный опыт, овнешляемый в различных семиотических системах (в художественной культуре, мифологии, продукции СМИ и главным образом – в естественном языке).

Также следует отметить, что некоторые «рамки» изучения содержания чувственного образа задаются применяемыми в исследовании методами.

Так, при сопоставлении результатов перцептивного эксперимента с данными толковых словарей, обнаруживается, что словарная (текстовая) объективация чувственного образа принципиально отличается от экспериментальной. Текст способен актуализировать и, наоборот, – нивелировать информацию об образах-представлениях, что уже отмечалось ранее в работах исследователей, занимавшихся проблемой перцептивной нагруженности лексики, и подтверждается нашим исследованием.

На материале словарной статьи (главным образом, примеров, сопровождающих толкование) выявляется большее количество синестетических чувственных образов, чем по данным перцептивного эксперимента. Это тоже обусловлено особенностью текстовой экспликации информации о чувственном образе. Предложение номинирует ситуацию – в сознании складывается целостная картинка ситуации, сочетающая данные различных органов чувств. Следовательно, можно предположить, что предложение потенциально содержит информацию именно о синестетических образах, которые наиболее адекватно отражают ситуацию.

Степень детализированности чувственного образа, отражённого в тексте словаря, связана с идиостилем лексикографа. Большинство детализированных образов находим в словаре под редакцией А.П. Евгеньевой, так как там в качестве примеров, сопровождающих словарные дефиниции, взяты предложения из художественных текстов. В словарях С.А.Кузнецова и С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой детализированных образов обнаружено меньше, потому что в качестве примеров выступают не предложения, но по преимуществу словосочетания.

Из сказанного выше следует, что при рассмотрении лексикографической объективации чувственного образа особенно важным становится не определение типов чувственных образов, но выявление способов объективации информации о чувственных образах в тексте. Информация о типах и свойствах самого чувственного представления может быть извлечена, в свою очередь, из данных перцептивного эксперимента.

Перцептивный эксперимент накладывает свои ограничения на получение информации о чувственных образах, связанных с лексемой.

Значимой становится ситуация проведения эксперимента, которая воздействует на содержание описываемых испытуемыми представлений (например, при ассоциировании лексемы *дверь* участники эксперимента нередко описывают ту дверь, которую видят в данный момент и т.п.). Однако чувственные образы, обусловленные ситуацией эксперимента, нами не исключались из рассмотрения, так как они тоже – реализация чувственных представлений испытуемых.

Способ экспликации чувственных представлений также оказывает влияние на результаты перцептивного эксперимента: некоторые испытуемые описывают образ детализировано, некоторые – обобщённо (в связи с чем в работе было предложено разграничивать типы чувственных образов и типы их объективации). Но, на наш взгляд, способ экспликации чувственного образа в той же мере заслуживает исследовательского внимания, в какой и само содержание чувственного образа, потому что не является по отношению к содержанию образа в полной мере надстроечным элементом. В ходе исследования выяснено, что специфика объективации образа-представления не определяется исключительно идиостилем респондента, но и детерминируется семантикой слова-стимула. Так, среди слов абстрактной семантики обобщённых образов выявлено значительно больше, чем в связи с конкретными лексемами.

Описанные выше примеры являются частным случаем общенаучной проблемы взаимодействия метода и объекта исследования и, на наш взгляд, не отрицают объективности полученных результатов. «Необходимо принять во внимание, что всегда и во всех случаях мы непосредственно выявляем свойства вещей, т.е. их специфические реакции на внешние воздействия. Думать, будто бы какое бы то ни было материальное тело имеет какие-то свойства само по себе, вне всякого взаимодействия, – значит впадать в метафизику в самом дурном смысле.

Таким образом, возмущения объекта принципиально необходимы для выявления его свойств» (Пахомов 1970, с.356).

Руководствуясь результатами проведённого исследования, мы можем предположить, что чувственный образ является компонентом структуры лексического значения.

Аргументом в пользу включения образа-представления в структуру значения слова является факт обнаружения информации о чувственных образах в текстах словарных дефиниций и данные перцептивного эксперимента.

На наш взгляд, чувственный образ может быть расценен как компонент *системного* значения слова, которое, «есть не что иное, как обобщение» (Выготский 1999). Образ-представление, выявляемый как компонент лексического значения – это рационализованное представление.

Рационализация чувственного образа проявляется в его схематизации: в ходе перцептивного эксперимента выявлены образы-схемы объекта (например, *голова* – «овал с волосами»). Чувственно данная схема объекта – это не образ памяти, это обобщение на чувственном уровне.

О стандартизации чувственного представления также свидетельствуют образы, сформированные под воздействием различных знаковых систем, являющие собой реализацию «обобществлённого идеального». Речь в данном случае идёт о чувственных образах, отражающих общественные стереотипы (например, в эксперименте в связи с лексемой *дом* испытуемые описывают по преимуществу образ деревенского дома, хотя сами являются жителями города, в связи с лексемой *труд* описывают в большинстве случаев труд рабочих на заводе или крестьян в поле и т.п.). Образный компонент значения слова – как и значение вообще – формируется не только на базе индивидуального опыта субъекта, но и коллективного опыта.

Рационализованы образы, представляющие собой результаты вторичного отражения действительности, где в представлении запечатлён не сам объект, а его изображение (*глаз*: «рисунок глаза синей ручкой»), его отражение в произведениях художественной культуры, в мифологии («третий глаз Шивы», «глаз бежит на ногах»).

Рационализация чувственного образа также проявляется в его избирательности: при образном ассоциировании слова в центре внимания индивида оказываются те реалии, которые практически востребованы. Частным проявлением избирательности перцептивного образа, видимо, является его антропоцентризм. Особенно ярко эта черта отражена в реакциях, полученных в эксперименте связи с глаголами конкретной и абстрактной семантики: чувственный образ действия «подменяется» образом деятеля (*говорить* – «оратор», *думать* – «профессор» и т.п.). Содержанием чувственного образа как компонента значения слова является «очеловеченный» мир.

Однако наибольший интерес для нашего исследования представляет влияние языковой системы на характер чувственного образа.

На специфику чувственного образа как компонента лексического значения существенное влияние оказывают особенности лексического и категориального значения лексемы.

В перечне образов *конкретных и абстрактных существительных по типу образа* преобладают зрительные статические внеситуативные образы-картинки объекта; по типу объективации образа преобладают неоценочные детализированные образы.

Хотя среди образов преобладают зрительные представления, палитра образных ассоциаций абстрактных существительных богаче, чем конкретных: в экспериментальном материале чаще встречаются слуховые, обонятельные образы.

В основании чувственного образа существительных абстрактной семантики находится отражение предметной ситуации, поэтому образов ситуации в эксперименте выявлено больше, чем в связи с существительными конкретной семантики. Динамические образы выявляются почти так же часто, как статические.

В ходе перцептивного эксперимента выявлены образы, связанные со знаковой оболочкой абстрактного существительного. Образов такого типа не выявлено в связи с именами конкретной семантики.

Среди образов *конкретных глаголов* преобладают по типу образа зрительные статические внеситуативные образы-картинки объекта, по типу объективации образа неоценочные детализированные образы.

В основании чувственного образа глаголов конкретной семантики образов ситуации и образов объекта в эксперименте выявлено приблизительно равное количество. Динамические образы актуализируются почти столь же часто, как и статические.

Среди образов *абстрактных глаголов по типу образа* преобладают зрительные динамические внеситуативные образы-картинки ситуации, по типу объективации образа преобладают неоценочные обобщённые образы.

В связи с глаголами абстрактной семантики выявлено наибольшее количество образов, имеющих эмоционально-оценочную составляющую. Видимо, эта особенность связана с семантикой абстрактных глаголов: глаголы абстрактной семантики не называют вещно наблюдаемого референта (в отличие от конкретных существительных) и эмпирически наблюдаемого действия (в отличие от конкретных глаголов), т.е. предметов и действий, которые можно воспринять перцептивно. В представлении реалий, названных абстрактными глаголами, акцент перемещается с «информации органов чувств» на образы эмоций.

Чувственные образы соотносимы преимущественно с прямым значением существительных и глаголов конкретной семантики и с различными лексико-семантическими вариантами абстрактных имён и глаголов.

Помимо семантики слова на специфику коррелирующего с этим словом чувственного образа оказывает влияние лексическая сочетаемость. Многие образные реакции вызваны не исследуемыми лексемами, но устойчивыми

сочетаниями, в том числе – и фразеосочетаниями, – в которые входят данные лексемы.

Данные перцептивного эксперимента отражают системные отношения в лексике: отношения синонимии, антонимии, гипо-гиперонимии. По соотнесённости чувственных образов с тем или иным значением многозначного слова можно судить о том, какое из значений в данный момент наиболее актуально для носителей языка. Также результаты перцептивного эксперимента косвенно свидетельствуют о формирующихся в национальном сознании значениях, ещё не нашедших отражение в толковых словарях.

Глава 3.

Образ в структуре концепта

Проблема образа в структуре значения слова тесно связана с проблемой образа как компонента концепта.

Современные представления о соотношении слова и концепта исходят из того, что слово является одним из средств номинации концепта как единицы мышления и при употреблении в речи актуализирует в своей семантике часть содержания концепта. При этом, если в слове обнаруживается некоторый чувственный образ (см. главы 2-3), это означает, что образ есть и в содержании концепта как единицы мышления.

В связи с этим необходимо рассмотреть специфику образа как компонента концепта и соотношение образа, актуализируемого в слове, с образом, содержащимся в соответствующем концепте.

В связи с этим в первую очередь необходимо уточнить соотношение понятий *концепт* и *значение*.

3.1. Концепт и значение

Концепт – ведущее понятие современной когнитивной лингвистики.

Мы определяем концепт как *дискретное ментальное образование, являющееся функциональной единицей мыслительного кода человека (универсального предметного кода), обладающее упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету.*

Е.С.Кубрякова полагает, что «концепты существуют в виде целостных и гештальтных единиц, не структурированных до своей вербализации» (Кубрякова Словарь 1996, с. 23). Многочисленные исследования в различных направлениях современной когнитивной лингвистики, однако, свидетельствуют, что в структурности и упорядоченности концептам отказывать нельзя. Концепт — структурно упорядоченная ментальная единица.

Дело в том, что внутренняя структура концепта и его вербализация — вещи прямо не связанные. Концепт сам по себе должен быть внутренне структурированным и упорядоченным, иначе концепты не могли бы образовывать концептосферу по признакам сходства и противопоставленности, не могли бы эффективно храниться в памяти и извлекаться из нее — системность является основополагающим свойством памяти. Концепт целостен, структурирован сам по себе, а вербализация лишь раскрывает его структуру, является способом описания или актуализации отдельных когнитивных признаков концепта или их совокупностей.

Язык — одно из средств доступа к сознанию человека, его концептосфере (*упорядоченной совокупности концептов народа, информационной базе мышления*), к содержанию и структуре концептов как единиц мышления. Через язык можно познать и эксплицировать значительную часть концептуального содержания сознания. Исследование семантики языковых единиц, объективирующих концепты, позволяет получить доступ к содержанию концептов как мыслительных единиц.

Развиваемый нами семантико-когнитивный подход (Попова, Стернин 2007) исходит из возможности лингвистическими средствами описать семантику языковых единиц как вербализованную, коммуникативно релевантную часть концепта как единицы мышления и моделировать на основании полученных лингвистических данных в том или ином приближении концепт как целостную единицу мышления.

Исследование концептов через семантику объективирующих их единиц позволяет описать ту часть содержания концептов, которая находит объективацию, овнешнение в языковых единицах. Концепт всегда шире своей языковой репрезентации, в нем всегда есть когнитивные признаки, которые не нашли объективации в языке, но являются неотъемлемыми составными частями концепта.

Описание семантики единиц есть описание языкового сознания, которое выступает как часть когнитивного (общего). Описывая концепты в рамках семантико-когнитивного подхода, лингвист описывает только языковое сознание — то есть доступную исследованию его методами часть когнитивного сознания. Лингвокогнитивное описание концептов — это описание концептов в языковом сознании носителей языка, поскольку выводы лингвиста о структуре и содержании описываемых концептов ограничены лингвистическим материалом и лингвистическими методами. Но языковое сознание — часть когнитивного, и поэтому, описывая

языковое сознание, мы описываем весьма существенную, если не основную часть когнитивного сознания народа. Как показывает практика, для гуманитарных наук лингвокогнитивный подход к описанию концептов – наиболее эффективный способ выявления содержания и структуры концептов как ментальных единиц.

Концепт, как уже отмечалось, имеет определенную структуру, которая не является жесткой, но существует как необходимое условие бытия концепта и его вхождения в концептосферу. «Язык всегда рассматривается как определенная форма, отличающаяся дискретностью, по отношению к недискретным концептуальным сущностям» (Болдырев 2007, с. 29).

Разные слова, номинирующие регулярно или окказионально тот или иной концепт, составляют его *номинативное поле*. Разные слова своими значениями актуализируют в речи различные признаки, составляющие концепт – в зависимости от коммуникативного намерения говорящего (Попова, Стернин 2007). Синонимия – как в узком, так и в широком смысле – проявление различия между концептом и номинирующими его словами.

Важным признаком концепта является его *невербальность*. Концепт – это чисто ментальная единица, единица сознания, которая может иметь средства языкового выражения, а может и не иметь таких средств (невербализованные концепты).

Разные слова, называющие концепт в разных коммуникативных ситуациях, раскрывают разные стороны одного и того же концепта, что представляет большой интерес для лингвистики: «Особую привлекательность для лингвистов представляют, как мне кажется, альтернативные способы описания одного и того же, и именно потому, что они возвращают нас к онтологически тождественным реалиям, увиденным людьми с разных сторон и в разных аспектах, а также и потому, что мы можем задуматься о причинах такого разного осмысления разных явлений мира» (Кубрякова 2004, с.17).

Общие черты значения и концепта

Сознание человека, локализуясь в мозге, отражает действительность.

Концепт и значение в равной мере представляют собой отражение действительности (объективной и субъективной). Оба явления – значение и концепт – когнитивной природы, оба представляют собой результат отражения и познания действительности сознанием человека.

Когнитивные признаки, образующие содержание концепта, отражают определенные стороны явлений реальной действительности. Значение слова, семема также имеет когнитивный характер – оно состоит из сем, репрезентирующих, представляющих в речи отдельные когнитивные признаки, образующие содержание концепта.

В связи с этим употребляющееся в некоторых направлениях когнитивных исследований словосочетание *когнитивная семантика*

представляется нам тавтологией (типа *коммуникативное общение*), поскольку семантика некогнитивной быть не может: она отражает результаты когниции окружающей действительности.

Различия между значением и концептом

Значение и концепт – продукты деятельности разных видов сознания.

Мы уже обозначили выше различие между *когнитивным* и *языковым* сознанием человека. Проведенное разграничение позволяет противопоставить концепты и значения как ментальные единицы, вычленимые, соответственно, в когнитивном и языковом сознании человека и образующие само содержание этих видов сознания. Концепт – продукт когнитивного сознания человека, значение – продукт языкового сознания.

Особенность семантики языковых единиц в том, что семантика не просто отражает действительность, как концепт; семантика – это общеизвестная и коммуникативно релевантная часть концепта, выступающая в виде стороны языкового знака в актах коммуникации.

Отношения между значением и концептом

Значение по отношению к концепту выступает как его часть, называемая регулярно используемым и воспроизводимым в данном сообществе языковым знаком и представляющая в общении коммуникативно релевантную для данной лингвокультурной общности часть концепта.

«Соотношение слова и концепта можно уподобить видимой и невидимой части айсберга. Компоненты лексического значения выражают значимые концептуальные признаки, но не в полном объеме. Концепт объемнее лексического значения слова... Структура концепта гораздо сложнее и многограннее, чем лексическое значение слова» (Пименова 2004, с.7).

Значение (семема) своими семами передает те или иные когнитивные признаки и компоненты, образующие концепт, но это всегда лишь часть смыслового содержания концепта. Для экспликации всего содержания концепта нужны обычно многочисленные лексические единицы, а значит – значения многих слов, а также необходимы экспериментальные исследования, которые дополняют результаты лингвистического анализа. Таким образом, значение и концепт соотносятся как коммуникативно релевантная часть и ментальное целое.

Однако психолингвистический анализ семантики слова усложняет анализируемую проблему. Дело в том, что значение, выявляемое психолингвистическими экспериментами, практически всегда оказывается объемнее и глубже, чем его представление в словарях, на которое обычно опираются лингвисты в анализе семантики единиц языка. Это позволяет

говорить о разных объемах представления значения в разных исследовательских парадигмах.

Как известно, еще А.А.Потебня разграничивал общеизвестное, «народное», «ближайшее» значение слова и «дальнейшее», личное, включающее эмоциональные, чувственные, научно-познавательные признаки. А.А. Потебня настаивал на том, что языковеды должны изучать только ближайшее значение, что отражает лингвистические представления того времени: изучается то, что вербализовано (Карасик 2004, с.37). В языкознании это требование в основном соблюдалось на протяжении примерно столетия. Однако сформировавшиеся в конце XX века принцип глобализма и антропоцентрический подход к языку изменили и исследовательскую парадигму – распространение сферы интересов семасиологов и когнитивистов и на дальнейшее значение слова стало общераспространенным принципом анализа в языкознании и смежных науках. Дальнейшее значение неизмеримо ближе к концепту, чем ближайшее, и интерес к нему когнитологов и лингвокогнитологов понятен.

В связи с этим считаем необходимым терминологически разграничить два типа значений – значение, представленное в толковом словаре и значение, представленное в сознании носителя языка.

Значение, фиксируемое в словарях и именуемое в лингвистике системным, создается лексикографами в соответствии с принципом редукционизма, то есть минимизации признаков, включаемых в значение. Редукционизм выступает в данном случае в двух ипостасях – как логический и как описательный. Логический редукционизм связан с идеей о том, что значения (как и понятия) – это небольшой набор логически вычлененных признаков называемого явления, отражающий его (явления) сущность. Описательный редукционизм диктуется практическими соображениями – объемом словарной статьи, которая не может быть слишком большой, так как тогда объем словаря увеличится до бесконечности.

«Значение языкового знака должно выводиться из наблюдаемых фактов его употребления. Об этом писал Б.Рассел: «слово имеет значение (более или менее неопределенное), но это значение можно установить только через наблюдение над его употреблением, употребление дано первым и значение извлекается из него. (Russel B. An inquiry into meaning and truth. N.Y., 1940, p. 256)» (Пименова 2004, с.8-9). Добавим, что из значения, сформулированного на базе наблюдений за его употреблением, должны быть исключены окказиональные, случайные, индивидуально-авторские семантические компоненты, которые могут быть выявлены в некоторых контекстах, и оставлено только повторяющееся, общеизвестное. Именно таким образом формулируются лексикографические значения слов.

Получаемое в результате применения принципа редукционизма при составлении словарной дефиниции значение мы называем *лексикографическим*, поскольку оно сформулировано (смоделировано)

лексикографами специально для представления слова в словарях. Особо подчеркнем, что лексикографическое значение – это в любом случае искусственный конструкт лексикографов, некоторый субъективно определенный ими минимум признаков, который предлагается пользователям нормативного толкового словаря как словарная дефиниция. При этом лексикограф как бы априори исходит из того, что именно в определенном им семантическом объеме преимущественно употребляет и понимает данное слово основная часть носителей языка. Однако, как уже упоминалось, любые психолингвистические эксперименты, как и многочисленные наблюдения над текстовым употреблением слова, повседневная практика разговорного словоупотребления легко опровергают данное представление о значении.

Вызывает также многочисленные вопросы и идея о том, что включенные лексикографами в дефиницию слова признаки отражают существенные признаки называемых предметов и явлений. Как правило, это можно с определенной долей надежности констатировать для дефиниций научных терминов; для большинства же общеупотребительных слов признаки, образующие лексикографическое описание значения, могут вообще не иметь отношения к категории существенности, поскольку для многих объектов (в особенности для натурфактов) это понятие просто неприменимо. Например, какие существенные признаки есть у зайца, собаки, яблока, березы, моркови, лужи, озера? Те признаки, которые можно выделить для этих предметов как существенные, в действительности сплошь и рядом оказываются существенными не для зайца, яблока и т.д., а для людей, использующих эти предметы, и в силу этого существенность данных признаков весьма относительна.

Лексикографическое значение в большинстве случаев оказывается недостаточным для описания реального функционирования слова в речи, последнее всегда оказывается по объему меньше реального значения, существующего в сознании носителей языка. Многие признаки реально функционирующего значения в лексикографическом значении не отражены, и наоборот – некоторые признаки, вошедшие в лексикографическое описание, могут быть очень и очень периферийными, а их яркость в сознании носителей языка оказывается исчезающе мала.

Сказанное нисколько не умаляет достижений лексикографов, не ставит под сомнение необходимость толковых словарей – они соответствуют своему назначению «натолкнуть» читателя на узнавание слова (как отмечал С.И.Ожегов, никто не будет с толковым словарем в руках определять, какая птица пролетела), но свидетельствует о несводимости значения слова к его словарному толкованию.

Поскольку многие семантические признаки слова, не фиксируемые словарными дефинициями, регулярно проявляются в определенных контекстах употребления слова (ср., к примеру, признаки «слабая», «капризная» и др. в значении слова «женщина»), постоянно

обнаруживаются в художественных текстах, в метафорических переносах и т.д., лингвистам, работающим над словарными дефинициями, приходится идти на определенные уловки – признавать возможность наличия у слова дополнительных «оттенков значения», периферийных, потенциальных и т.д. семантических компонентов, не фиксируемых словарными определениями слов.

В связи с этим представляется целесообразным говорить о существовании еще одного типа значения – *психологически реального* (или *психолингвистического*) значения слова.

Психолингвистическое значение слова – это *упорядоченное единство всех семантических компонентов, которые реально связаны с данной звуковой оболочкой в сознании носителей языка*. Это тот объем семантических компонентов, который актуализирует изолированно взятое слово в сознании носителей языка, в единстве всех образующих его семантических признаков – более и менее ярких, ядерных и периферийных. Психолингвистическое значение структурировано по полювому принципу, а образующие его компоненты образуют иерархию по яркости.

Психологически реальное значение теоретически может быть выявлено и описано в своих основных чертах в результате исчерпывающего анализа всех зафиксированных контекстов употребления слова (что, правда, маловероятно технически; всегда остается возможность, что некоторые семантические компоненты в проанализированном массиве контекстов не нашли актуализации), а также оно может быть с достаточной эффективностью выявлено экспериментальным путем – комплексом психолингвистических экспериментов со словом.

Психолингвистическое значение гораздо шире и объемней, нежели его лексикографический вариант (который, естественно, целиком входит в психологически реальное значение).

Проблема описания лексикографического и психологически реального значения связана с проблемой разграничения значения и смысла, которое имеет давнюю психологическую и психолингвистическую традицию.

Значение представляет собой определенное отражение действительности, закрепленное языковым знаком. Значение, по А.Н.Леонтьеву, это то, что открывается в предмете или явлении объективно, в системе объективных связей, взаимодействия предмета с другими предметами. Значение благодаря тому, что оно обозначено знаком, приобретает устойчивость и входит в содержание общественного сознания (А.Н.Леонтьев 1972, с.288-289), в значениях «представлена преобразованная и свернутая в материи языка идеальная форма существования предметного мира, его свойств, связей и отношений, раскрытых общественной практикой» (А.А.Леонтьев 1975, с.140-141). «Значение есть та форма, в которой отдельный человек овладевает обобщенным и отраженным человеческим опытом» (Красных 2003, с.34).

Конкретная личность, овладевшая значениями, включает их в свою деятельность, возникают определенные отношения носителя языка к данному значению, и оно приобретает для данной личности *смысл*, который представляет собой факт индивидуального сознания. Смысл есть «отражение фрагмента действительности в сознании через призму того места, которое этот фрагмент действительности занимает в деятельности данного субъекта» (А.А.Леонтьев 1969, с.216), «отношение субъекта к осознаваемым объективным явлениям» (Красных 2003, с.35).

Смысл не содержится потенциально в значении и не может возникнуть в сознании из значения: он «порождается не значением, а жизнью» (А.Н.Леонтьев 1947, с.27).

Как подчеркивает В.В.Красных, «смысл зависит не только от индивидуального опыта и конкретной ситуации. В значительной мере он связан с профессиональной, социальной и вообще групповой принадлежностью данного человека» (Красных 2003, с.35).

Е.Ф.Тарасов указывает, что учение А.Н.Леонтьева об образующих сознание компонентах (значение, смысл, чувственное содержание) позволяет сформулировать положение о том, что «тело знака (означающее) связано в общественном сознании со значением (общественно закрепленным знанием), а в индивидуальном сознании – с чувственной тканью и смыслом» (Тарасов 1993, с.11-12).

Разграничение значения, смысла и образа важно и принципиально для понимания процессов становления сознания, описания его структуры. Для *экспериментального* изучения *языкового* сознания противопоставление значения и смысла, а также значения и образа оказывается нерелевантным, поскольку экспериментальному исследованию подвергается индивидуальное сознание носителей языка, в котором образность, системное значение и индивидуальный смысл выступают нерасчленённо как психологически реальное содержание слова.

Кроме того, в практике психолингвистического и традиционно-семантического исследования разграничение значения и смысла невозможно, поскольку, как отмечалось, многие семантические компоненты, как и значения в целом, имеют «групповую» привязку, носят групповой характер, что традиционно затрудняет лексикографическое описание значения в полноте его смыслового содержания как некоего общепринятого в обществе в целом семантического феномена.

Мы согласны с точкой зрения В.В.Красных, которая, развивая концепцию Л.С.Выготского и А.Н.Леонтьева, приходит к выводу, что «значение должно изучаться именно как обобщение», а «адекватная характеристика обобщения заключается в раскрытии его строения» (Красных 2003, с.36).

Таким образом, экспериментальное изучение значения предполагает выделение и описание всех семантических признаков, образующих его структуру в индивидуальном сознании.

Применительно к значению как компоненту реального языкового сознания носителя языка (психолингвистическому значению) можно говорить лишь о ядерных и периферийных семантических компонентах и семемах.

Содержание же *концепта* шире как лексикографического, так и психолингвистического значения.

В содержание концепта входят не только актуально осознаваемые и используемые в общении смысловые компоненты, связанные со словом, но и признаки, которые отражают общую информационную базу человека, его энциклопедические знания о предмете или явлении, они могут и не обнаруживаться в его речи и не осознаваться немедленно при предъявлении соответствующего слова, но являются достоянием коллективного или личного опыта.

Для выявления многих концептуальных признаков нужна сознательная рефлексия носителя языка.

Знания, образующие концепт, представлены и упорядочены в виде полевой структуры.

Отдельные компоненты концепта и их совокупности могут быть названы в языке различными средствами, совокупность которых мы, как уже отмечалось, обозначили термином *номинативное поле концепта*.

Графически соотношение концепта и значения представлено на рис. 1 и 2.

Оба рисунка показывают реальное соотношение объема значений и объема концепта

На рис. 1 показан весь объем концепта и разные виды значения – психолингвистическое и лексикографическое – как части этого содержания.

На рис. 2 показано, что значения слов, номинирующих концепт, совпадают с некоторыми частями, фрагментами содержания концепта, но ни одно из них не покрывает содержание концепта целиком.

Рис. 1. Типы значений в объеме концепта

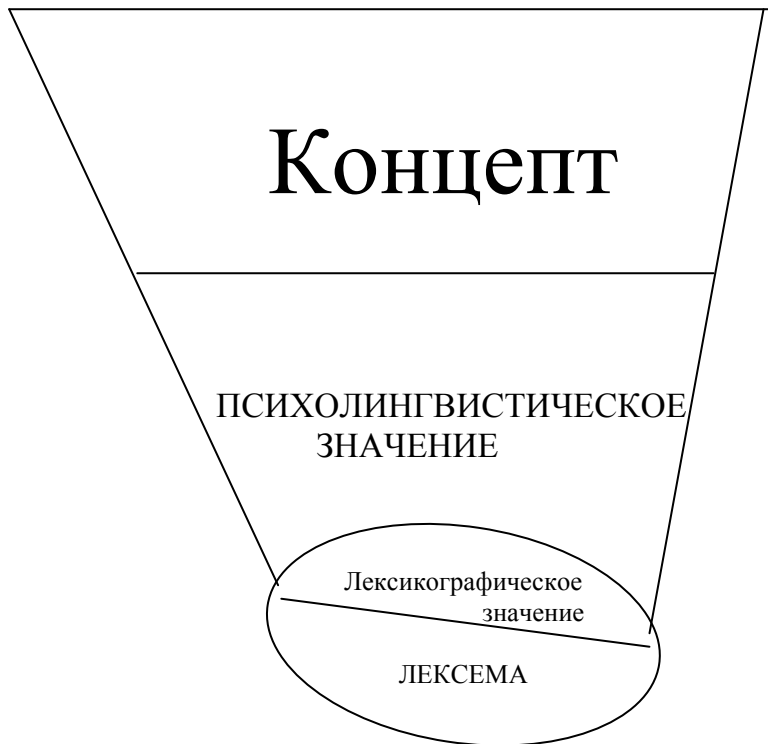
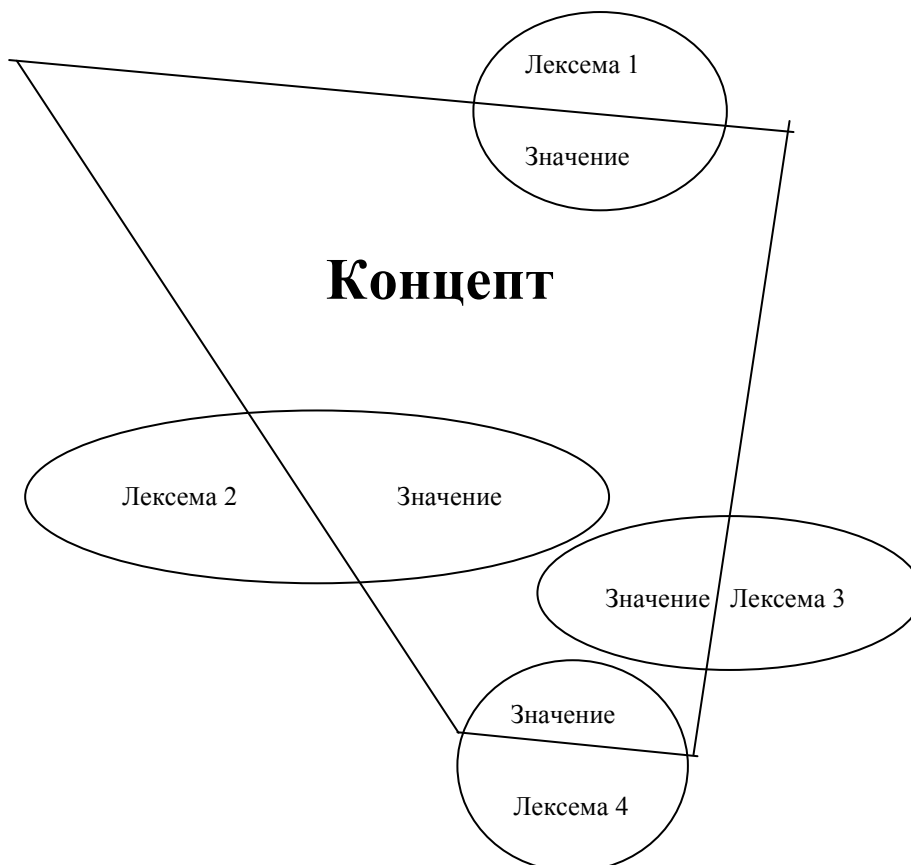

Рис. 2. Значения слов – номинантов концепта как части содержания концепта

Можно следующим образом суммировать основные различия между разными видами значения и концептом.

Лексикографическое значение	Психолингвистическое значение	Концепт
Описывается интроспективными, контекстуальными, логическими методами, традиционными методами семного анализа и не предполагает экспериментальной проверки, обращения к носителям языка	Описание значения основано на обобщении результатов экспериментальных исследований с учетом только первой реакции испытуемых	Описывается интроспективными, логическими, контекстуальными, культурологическими, традиционными методами семного анализа, а также экспериментальными приемами с учетом нескольких реакций испытуемых
Формулируется логически как перечисление существенных дифференциальных признаков	Выявляется семной и семемной интерпретацией экспериментального языкового материала	Выявляется когнитивной интерпретацией экспериментального языкового материала
Отдельные значения вычлняются на основе различной денотативной отнесенности	Отдельные значения выявляются по денотативной отнесенности групп выявленных семантических компонентов	Не делится на значения, имеет целостную интегральную ментальную структуру
Каждое значение формулируется связно, в форме дефиниции	Каждое значение формулируется связно, в форме дефиниции	Не предполагает обязательной связной формулировки, перечисляются когнитивные признаки, составляющие концепт, по убыванию их яркости
Все семантические компоненты, вошедшие в дефиницию каждого значения, априори считаются ядерными	Ядро и периферия выделяются в каждом значении отдельно	Ядро и периферия выделяются в содержании концепта в целом
Содержит семемы и семы	Содержит семемы и семы	Содержит когнитивные признаки
Семы упорядочиваются семантическими признаками	Семы упорядочиваются семантическими признаками	Когнитивные признаки упорядочиваются когнитивными классификационными признаками (классификаторами)

Характеризует смысловое содержание конкретного слова, объективируемого конкретной звуковой оболочкой	Характеризует смысловое содержание конкретного слова, объективируемого конкретной звуковой оболочкой	Характеризует смысловое содержание, объективируемое группой языковых средств (номинативным полем концепта)
Включает компоненты, приписанные значению лексикографом	Включает семантические компоненты, актуально связываемые в данный период развития языка с данным словом в сознании испытуемых	Включает как актуально осознаваемые, так и извлекаемые из долговременной памяти путем рефлексии когнитивные признаки
Структурно представляет собой совокупность семем, упорядоченных от основного, главного к производным и переносным значениям	Структурно представляет собой совокупность семем, упорядоченных по полемому принципу - по убыванию яркости отдельных значений	Структурно представляет собой совокупность когнитивных признаков, которые упорядочиваются по убыванию яркости в структуре концепта

Таким образом, значение слова как единицы языкового сознания может быть описано на двух уровнях – как лексикографическое (методами традиционной семасиологии) и психологически реальное значение (методами экспериментальной семасиологии и психолингвистики), а концепт описывается лингвистами как единица когнитивного сознания (концептосферы) народа (лингвокогнитивными методами).

Значение – единица семантического пространства языка, то есть элемент упорядоченной совокупности, системы значений конкретного языка. Значение включает сравнительно небольшое, ограниченное количество семантических признаков (сем), которые являются общеизвестными для данного социума и связаны с функционированием соответствующей звуковой оболочки (лексемы). Семантика слова обеспечивает взаимопонимание народа в процессе коммуникации.

Концепт – единица концептосферы, то есть организованной совокупности единиц мышления народа. Концепт включает все ментальные признаки того или иного явления, которые отражены сознанием народа на данном этапе его развития. Концепт обеспечивает осмысление действительности сознанием.

Лингвисты, изучающие языковые значения, изучают языковое сознание человека; когнитологи изучают когнитивное сознание; лингвокогнитологи изучают когнитивное сознание языковыми приемами и инструментами.

Описание значения как факта языкового сознания – задача семасиологии как отрасли языкознания; описание концепта через язык как единицы когнитивного сознания - задача лингвокогнитологии.

3.2. Структура концепта

Описание концепта как ментальной единицы предполагает описание его содержания и структуры.

Содержание концепта – «это сведения о том, что индивид знает, предполагает, думает, воображает об объектах мира» (Павиленис 1983, с.101-102; Кубрякова Словарь¹ 1996, с.90).

Концепт – не то же самое, что понятие. В.З.Демьянков справедливо подчеркивает: «О *понятиях* люди договариваются, **конструируя** их для того, чтобы “иметь общий язык” при обсуждении проблем. *Концепты* же существуют сами по себе, люди их реконструируют с той или иной степенью (не)уверенности – отсюда диффузность, гипотетичность, размытость таких конструкций.

Продолжая наблюдать над узусом этих двух терминов, можем сказать, что понятия **конструируются**, а концепты существуют сами по себе, и портретировать их – значит, только более или менее приблизительно реконструировать.

Итак, понятие – **конструкт**, а концепт – **реконструкт**» (Демьянков 2007, с.27). Значение слова, добавим — тоже конструкт.

Совершенно справедливо утверждение, что концепт может быть реконструирован только с определенной степенью приближения.

Структурация концепта, его неоднородность стали очевидны исследователям с самого начала когнитивных исследований. Мнения об основных компонентах концептов высказывались различные.

Так, Ю.С.Степанов вычленяет в концепте обиходную, общеизвестную сущность, сущность, известную отдельным носителям языка и историческую, этимологическую информацию. Так, в концепте «8 марта» исследователь выделяет информацию «женский день» (обиходная сущность), «день защиты прав женщин» (известно отдельным носителям языка) и «учрежден по предложению К.Цеткин» (историческая информация) (Степанов 1997).

С.Г.Воркачев выделяет в концепте понятийную составляющую (признаковая и дефиниционная структура), образную составляющую (когнитивные метафоры, поддерживающие концепт в сознании) и значимостную составляющую – этимологические, ассоциативные характеристики концепта, определяющие его место в лексико-грамматической системе языка (Воркачев 2004, с.7).

В.И.Карасик различает в структуре концепта образно-перцептивный компонент, понятийный (информационно-фактуальный) компонент и ценностную составляющую (оценка и поведенческие нормы) (Карасик 2004, с.118).

¹ Словарь – «Краткий словарь когнитивных терминов» (Е.С.Кубрякова, В.З.Демьянков, Ю.Г.Панкрац, Л.Г.Лузина), М., 1996. Фамилия указывает автора статьи.

Г.Г.Слышкин вычленяет в структуре концепта четыре зоны – основные (интразону, экстразону) и дополнительные (квазизону и квазиэкстразону) (Слышкин 2004, с.6, 17-18). Интразона – это признаки концепта, отражающие собственные признаки денотата (медведь – любит мед, косолапый, сильный, куцый хвост, главенствует в лесу, его дрессируют и др.), в экстразону входят признаки, извлекаемые из паремий и переносных значений (ленив (*силен медведь, да в болоте лежит*), тяжелый (медведь – каток для укладки дороги), обилие шерсти (*брови, что медведь лежат*) и под.) Квазиинтразона и квазиэкстразона связаны с формальными ассоциациями, возникающими в результате созвучия имени концепта с другим словом, использованием эвфемизмов и др. (Слышкин 2004, с.65-66).

М.В.Никитин вычленяет в концепте образ, понятие, когнитивный импликационал и прагматический импликационал (Никитин 2004, с.59-60).

Обращает на себя внимание, что большинство исследователей вычленяют в составе концепта образ, определенное информационно-понятийное ядро и некоторые дополнительные признаки, что свидетельствует о принципиальном сходстве в понимании структуры концепта в разных научных школах.

Поясним наше понимание структуры концепта.

Концепт имеет структуру, которая не является жесткой, но существует как необходимое условие бытия концепта и его вхождения в концептосферу. Структура концепта образуется чувственным образом, энциклопедическим содержанием и интерпретационным полем.

В структуре концепта разграничиваются микро- и макрокомпоненты.

Микрокомпоненты концепта – это отдельные когнитивные признаки, образующие содержание концепта.

Микрокомпоненты в свою очередь объединяются в макрокомпоненты, которые отражают содержательные типы информации (знаний), представленных в концепте. Макрокомпоненты образуют макроструктуру концепта.

Опыт наших исследований и опыт исследований наших учеников позволяет говорить о трех базовых структурных мегакомпонентах концепта – образе, энциклопедическом поле и интерпретационном поле.

Образ как компонент концепта подробно рассматривается нами в следующем разделе главы.

Энциклопедическое поле концепта включает когнитивные признаки, отражающие прежде всего осмысление собственных, онтологических признаков концептуализируемого явления, отличающие его от сходных предметов и явлений.

Энциклопедические сведения приобретаются носителями языка в ходе получения личного жизненного опыта, в процессе обучения, практического взаимодействия с концептуализируемым предметом или явлением и т.д. При этом для разных групп индивидов (возрастных,

гендерных, профессиональных, территориальных и др.) и для отдельных индивидов эти сведения могут существенно различаться как по составу, так и по яркости отдельных когнитивных признаков.

Энциклопедические признаки – это, прежде всего, родовой признак концептуализируемого явления – указание на общую категорию, к которой относится данное явление:

гроза – явление природы
 русский язык – средство общения
 байдарка – лодка
 любовь – чувство

Эти признаки образуют *категориальную зону* энциклопедического поля. Это поле включает категориальные признаки концепта – родовые признаки различного уровня абстракции, например: *предмет, средство передвижения, средство передвижения по воде, лодка* – для байдарки.

Категориальных признаков в структуре концепта обычно немного, при этом в сознании людей они обычно не обладают большой яркостью.

В энциклопедическую информацию входят также отличительные признаки явления или предмета, то есть такие когнитивные признаки, которые отличают концепт от близких к нему по содержанию видовых концептов.

Обычно это наиболее существенные признаки концептуализируемого предмета или явления, выделяемые когнитивным сознанием народа как дифференциальные, например:

гроза – молния, гром, осадки, ветер;
русский язык – функционирует в России, предмет изучения в школе;
байдарка – легкая, узкая, без уключин.

Такие признаки образуют *дифференциальную зону* энциклопедического поля концепта. Они могут отражать такие признаки концептуализируемого предмета или явления как функция, составные элементы, размер, высота, цвет, качество, место распространения и т.д.

Выделение дифференциальных признаков концепта представляет часто большую трудность, так как понятие существенности дифференциального признака в общем субъективно, субъективен обычно и подбор близких исследуемому концептов; и то, и другое во многом зависит от исследователя. В семантико-когнитивном подходе предлагается дифференциальными признаками считать *яркие* признаки, которые *отличают* данный концепт от близких концептов. Практика лингвокогнитивного анализа показывает, что в большинстве случаев удается достаточно убедительно обосновать включение того или иного когнитивного признака в состав дифференциальных.

Кроме этого, в энциклопедическом поле концепта выделяется *описательная зона*, куда входят многочисленные признаки, характеризующие самые различные стороны и проявления предмета или явления, сведения о которых получены людьми в процессе общественного

и личного, индивидуального опыта познания концептуализируемого явления или предмета в разных ситуациях.

Описательные признаки характеризуют концептуализируемый предмет или явление с самых разных сторон, отражая те его свойства и проявления, которые в тех или иных ситуациях человеческого опыта оказывались важными, заметными, существенными для людей. Сюда входят также знания о видах, типах и разновидностях концептуализируемого явления, исторические сведения о нем, сведения о степени распространенности этого явления в современной действительности и др. Все эти признаки образуют описательную зону концепта.

К примеру, описательными когнитивными признаками для концепта *гроза* будут – *бывает обычно летом, губит самолеты, препятствует полетам, нарушает работу электроприборов, вызывает страх у детей и под.*

Концепт *вода* – *вода бывает голубая, в воде бывают вредные бактерии, зимой вода холодная, формула воды H₂O* и т.д.

Концепт *русский язык* – *большой объем словарного состава, широкая распространенность и т.д.*

Сюда же входят когнитивные признаки, отражающие связь концепта с бытом и культурой народа: традициями, обычаями, историей, достопримечательностями, конкретными деятелями литературы и искусства, определенными художественными произведениями, прецедентными текстами и под. Ср.:

концепт *гроза*: *ей посвящены литературные произведения (реакции пьеса «Гроза», Катерина, люблю грозу в начале мая);*

концепт *русский язык* – *на нем написаны известные литературные произведения (реакции «Война и Мир», «я русский бы выучил только за то...», любимые книги, язык любимых книг, чтение книг, «Ночь на Ивана Купала»), источник фольклора (реакции частушки, песни), на нем говорят страдающие люди (реакции бедность, нищета, революции, войны), на нем говорят в деревенской России (реакции луг, поле, березки, деревня, сарафан, кокошник и др.);*

Концепт *вода* – *без воды и не туды и не сюды* и т.д.

В энциклопедическом поле многих концептов выделяется также *идентификационная зона* – зона, объединяющая когнитивные признаки, индивидуализирующие концепт, то есть иллюстрирующие типичное материальное воплощение концепта в реальной действительности, несущие информацию о конкретном прототипе концептуализируемого явления. Это когнитивные признаки, отождествляющие концепт с его конкретными физическими репрезентантами.

Например, в концепте *женищина* в идентификационную зону входят такие репрезентанты как *Диана, Дашкова, Екатерина II, Елизавета;*

в концепте *певица* – *Алла Пугачева,*

в концепте *поэт* – *Пушкин, Лермонтов,*

в концепте *город* – *Москва, Нью-Йорк, Воронеж,*

в концепте *русский язык* – *Пушкин, Лермонтов, Есенин, Ленин, Островский*;

Сюда же, видимо, будут относиться часто выявляющиеся в экспериментах дейктические признаки типа *мой, родной, чужой (то есть не мой, не родной)* и под., и отсылающие к единичному объекту:

в концепте *деревня* – *моя, родная*,

в концепте *муж* – *мой, Танькин*,

в концепте *город* – *родной, Воронеж, Москва, чужой* и под.

Идентификационная зона есть в концептах, допускающих персонифицированное представление.

В некоторых концептах в энциклопедическом поле выделяется *мифологическая зона*, объединяющая когнитивные признаки, сформировавшиеся под влиянием мифологических представлений о предмет или явлении. Соответствующие признаки приписываются концептуализируемому предмету или явлению мифологическим сознанием, отражают общественный стереотип осмысления явления.

Например:

концепт *Москва* – *великая, третий Рим*;

концепт *Ярославль* – *Ярослав Мудрый, медведь, великий, величественный*.

концепт *русский язык* – *великий, могучий, свободный*.

Мифологические зоны обычно выявляются у небольшого количества общественно-значимых концептов.

Энциклопедических когнитивных признаков в концепте обычно обнаруживается много, но очень часто они имеют ярко выраженный групповой или индивидуальный характер, что не случайно – в силу того, что они отражают личный опыт людей в деятельности, связанной со сферой, покрываемой соответствующим концептом.

Интерпретационное поле концепта – это совокупность когнитивных признаков, так или иначе интерпретирующих образ и энциклопедическое содержание концепта, представляющих собой их практическое осмысление сознанием человека. Можно сказать, что интерпретационные признаки – результат дополнительного размышления народа над основным содержанием концепта.

Интерпретационное поле также вычленяет в своем составе отдельные зоны. Основные из них таковы.

Оценочная зона интерпретационного поля объединяет когнитивные признаки, выражающие общую оценку (*хороший, плохой, великолепный, счастье, восхитительный, гадкий, отвратительная, подлец, сволочь, мерзость* и т.д.), а также яркую оценку по какому-либо конкретному параметру – эстетическому, моральному, эмоциональному и др. (*очаровательная, добрый, умный, смелый, вежливый, чрезмерно вежливый, ленивый*).

Например:

Концепт *русский язык* – *хороший, красивый*,
 Концепт *Москва* – *отвратительная (не люблю), чарующая, гламурная*
 Концепт *Ярославль* – *красивый, любимый*

Если когнитивный признак содержит оценку, но она не доминирует в содержании этого признака, то соответствующий признак будет входить не в оценочную, а в другие зоны, например, такие признаки как *грамотный, находчивый умеет общаться, вызывает интерес, отсутствие грубости* – в концепте *культурный*, хотя они и войдут в общий *оценочный слой* концепта, который включает совокупность всех оценочных признаков, независимо от того, в каком макрокомпоненте концепта или в какой зоне они обнаруживаются (см. об оценочном слое ниже).

Оценочная зона относится к интерпретационному полю, поскольку оценка – всегда факт некоторой интерпретации тех или иных признаков или свойств объекта концептуализации, она всегда вторична по отношению к категоризации основных свойств объекта.

Общеоценочные признаки находят отражение только в интерпретационном поле, конкретные же оценочные признаки могут присутствовать и в некоторых зонах энциклопедического поля – дифференциальной, описательной, идентификационной.

Утилитарная зона объединяет когнитивные признаки, выражающие утилитарное, прагматическое отношение людей к концептуализируемому явлению, отражающие знания, связанные с возможностью и особенностями использования предмета или явления людьми для каких-либо своих практических целей – информация о том, для чего он нужен, чего с его помощью можно достичь, об условиях его функционирования, какие последствия для человека несет его использование или применение, каких действий со стороны людей требует данный предмет или явление при пользовании им и т.д.

Например:

Концепт *автомобиль* – *много хлопот, дорого эксплуатировать, удобно ездить летом на дачу, зимой не нужен*;

Концепт *английский язык* – *сейчас без него никуда, необходим современному человеку*;

Концепт *собака* – *дорого обходится содержание, от нее шерсть везде валяется, с большой собакой дома спокойнее*;

Концепт *кошка* – *лечит болезни, приятно гладить*;

Концепт *гроза* – *опасна для человека, наиболее опасна шаровая молния, нельзя прятаться под деревом* и т.д.

Утилитарная зона близка к энциклопедическому полю, поскольку также отражает признаки, полученные в результате осмысления практического опыта деятельности в сфере, покрываемой концептом, но ее принадлежность к интерпретационной зоне обосновывается тем, что утилитарные признаки – результат осмысления некоторых других,

объективных признаков и свойств предмета или явления.

Регулятивная зона объединяет когнитивные признаки, предписывающие, что надо, а что не надо делать с концептуализируемым предметом или явлением в сфере, покрываемой концептом (когнитивные признаки, вербализуемые через *надо, не надо, нельзя* и под.). Например:

Концепт *русский язык* – *его надо учить, надо говорить культурно*;

Концепт *закон* – *надо охранять, надо соблюдать, надо наказывать нарушителей, нельзя нарушать*;

Концепт *быт* – *надо поддерживать, должен быть удобным*;

Концепт *зуб* – *надо вовремя лечить, надо регулярно чистить* и т.д.

В отдельных концептах выявляется *символическая зона* интерпретационного поля. Она содержит информацию о символическом восприятии (интерпретации) концептуализируемого явления в культуре.

Так, в концепте *береза, медведь, триколор* – символ России, *красный* – цвет революции, *шляпа, очки* – символ интеллигента и т.д.

В структуре концепта, кроме макрокомпонентов – образа, энциклопедического поля, интерпретационного поля – вычленяются еще такие структурные компоненты, как *когнитивные слои*.

Когнитивные слои концепта

Под когнитивным слоем концепта понимается совокупность признаков, отражающих сквозное членение содержания концепта по определенному когнитивному классификационному признаку (классификатору).

Слои пронизывают все содержание концепта, все его макрокомпоненты. Можно, к примеру, говорить об оценочном и неоценочном когнитивных слоях (а также о позитивно- и негативно оценочных слоях), о современном и историческом когнитивных слоях, о диспозициональном (вероятностные признаки) и ассертивном (утвердительные признаки) когнитивных слоях и др.

Исторический когнитивный слой, часто объективируемый паремиями, включает когнитивные признаки, которые некогда широко обсуждались и получили поэтому языковые обозначения, но постепенно перестали быть значимыми и представляют теперь лишь исторический срез концепта, отражают своего рода когнитивную память народа. Сюда входят когнитивные признаки, объективируемые только устаревшими паремиями или устаревшими словами и фразеологизмами.

В целом признаки, вычленяемые из паремий, могут входить как в энциклопедическое, так и в интерпретационное поле, но они должны быть верифицированы на их релевантность для современного языкового сознания, в противном случае они будут входить только в исторический слой концепта и их нельзя будет признать элементами современного языкового сознания.

Так, в концепте *жена* устарел признак *жену надо бить* (люби жену как душу, тряси ее как грушу), в концепте *брань* – *надо терпимо относиться к брани* (брань не дым, глаза не выест) и др.

Современный когнитивный слой объединяет когнитивные признаки, присущие современному когнитивному сознанию народа.

Оценочный когнитивный слой включает как признаки оценочной зоны интерпретационного поля (хороший/плохой, красивый/некрасивый, приятный/неприятный), добрый/злой, умный/глупый), в содержании которых оценка преобладает, так и когнитивные признаки из других зон энциклопедического слоя и интерпретационного поля, в которых оценка содержится как дополнительная характеристика признака (незаконный, справедливый, скучный, богатая история, интересный, знаменитый и под.).

Наличие в структуре концепта значительного оценочного слоя, позволяет говорить о высокой степени оценочности концепта (положительной или отрицательной). Так, в концепте *брань* оценочных когнитивных признаков из общего количества 118 выявлено 58.

Диспозициональный (вероятностный) слой включает когнитивные признаки, которые выделяются как вероятные, возможные (*бывает, может быть...*). Например, концепт *вода* – *бывает голубая, в воде бывают вредные бактерии*.

Ассертивный слой – признаки утвердительного, невероятностного характера: *большой, современный, высокий, интересный, широко распространен* и под.

Для того или иного когнитивного слоя концепта может быть определена *акцентуация*. Под акцентуацией понимается доминирование в структуре концепта того или иного когнитивного слоя.

Например, преобладание положительной или отрицательной оценки свидетельствует о позитивной или негативной *акцентуации* содержания концепта; показатели акцентуации существенно различаются в разных концептах, а в одном концепте – у разных профессиональных, возрастных, гендерных групп носителей языка.

При этом, отметим, что целесообразно учитывать не только долю оценочных когнитивных признаков того или иного когнитивного слоя, но и их яркость в структуре концепта – к примеру, негативно-оценочных признаков может быть много, но они выделяются в сознании небольшого числа испытуемых, поэтому они не будут играть существенной роли в концепте как единице национальной концептосферы. И наоборот – оценочных признаков может быть немного, но их яркость может быть очень велика (например, в концептах *родной язык, русский язык, французский язык*).

Суммируя отдельно индексы яркости всех позитивно-оценочных, всех негативно-оценочных и всех неоценочных признаков, мы получим реальную картину совокупной оценочной акцентуации концепта. То же самое может быть сделано для диспозиционального и исторического слоев концепта.

В результате концепт может быть охарактеризован как, например, современный, позитивно-оценочный, ассертивный и т.д.

Важным этапом описания концептов представляется нам установление индекса яркости каждого выделенного когнитивного признака.

Индекс яркости когнитивного признака можно определить тремя основными способами:

- по результатам психолингвистических и, прежде всего, ассоциативных экспериментов – как количество испытуемых, обективировавших данный признак в эксперименте (разными языковыми средствами, сведенными в процессе обработки к одному когнитивному признаку), от общего числа обективаций когнитивных признаков концепта участниками эксперимента (см. работу Л.В.Адоной 2007).

Вычисление индекса яркости когнитивного признака как частоты его обективации испытуемыми в эксперименте дает реальную картину важности, актуальности, яркости когнитивного признака в языковом сознании носителей языка, поскольку учитывает относительное число испытуемых, обективировавших данный признак.

Вычисление индекса яркости когнитивного признака от общего числа обективаций наиболее надежно в психологическом отношении.

- путем количественного анализа номинативного поля концепта – как количество номинативных средств, обективирующих тот или иной когнитивный признак, к общему числу номинативных единиц поля; чем больше разнообразие языковых обективаций того или иного когнитивного признака, тем, следовательно, он важнее для когнитивного сознания, поскольку языковой коллектив считает важным актуализировать в номинации разные стороны соответствующего признака, отразив в различных номинациях эти разные стороны (см. работу С.С.Катукова 2006, О.С.Фисенко 2005);

- путем анализа рекуррентности когнитивного признака – частоты его актуализации в тексте, что определяется относительной частотой употребления номинации концепта, актуализирующей данный когнитивный признак. Наиболее частотные номинации свидетельствуют о яркости актуализируемых ими признаков в когнитивном сознании народа, поскольку это означает, что данный признак часто становится предметом обсуждения в коммуникации. Яркость когнитивного признака определяется как доля его актуализации в тексте от всего корпуса употребленных в тексте номинаций концепта, актуализирующих всю совокупность коммуникативно релевантных когнитивных признаков.

Подчеркнем, что экспериментальные приемы определения индекса яркости когнитивного признака дают наиболее психологически релевантные и надежные результаты.

Индекс яркости того или иного когнитивного признака может быть выражен в процентах, десятичной дробью или абсолютной цифрой (обозначающей процент): 15%, 0,15 или 15. Выражение индекса

в абсолютных цифрах удобнее, когда индексы яркости признаков невелики, с такими цифрами различия выглядят нагляднее.

Сравнение концептов по индексу яркости образующих их признаков позволяет разграничить близкие концепты, выявить особенности структуры концепта в социальном, возрастном, профессиональном, гендерном аспекте.

Полевая организация концепта

Концепты организованы по полевому принципу. Описание содержания концепта предполагает его полевою стратификацию, то есть вычленение ядра, ближней, дальней и крайней периферии.

При этом образные, энциклопедические и интерпретационные признаки могут входить как в ядро, так и в разные зоны периферии.

В ядро включаются наиболее яркие признаки концепта, в крайнюю периферию – признаки, выделенные 1-2 испытуемыми или представленные единичными примерами объективизации. Границы между разными зонами полевой структуры обычно проводят по линии частотных разрывов реакций испытуемых.

Структура того или иного концепта может быть описана лишь после того, как установлено и описано его содержание – то есть выявлены образующие содержание концепта когнитивные признаки.

Отношения между отдельными структурными компонентами концепта и его полевой организацией не симметричны.

Базовые структурные макрокомпоненты концепта – образ, энциклопедическое содержание и интерпретационное поле – распределяются по разным полевым участкам концепта, при этом отсутствует жесткая закреплённость структурных компонентов концепта за определенными полевыми зонами – так, энциклопедическое содержание концепта может принадлежать и к ядру, и к ближней периферии, и к другим зонам периферии, а признаки интерпретационного поля могут войти по яркости в ядро концепта и т.д. Лишь паремиологическая зона, как указывалось выше, преимущественно составляет крайнюю периферию содержания концепта.

Образ не обязательно входит в ядро концепта как структуры, хотя в индивидуальном сознании конкретный образ, очевидно, таковым является, поскольку кодирует концепт для данного носителя языка.

Периферийный статус того или иного концептуального признака вовсе не свидетельствует о его малозначности или ненужности в структуре концепта, статус признака лишь указывает на меру его удаленности от ядра по степени яркости.

Таким образом, в теории и описании концептов необходимо разграничивать *содержание концепта* и *структуру концепта*.

Содержание концепта образовано когнитивными признаками, отражающими отдельные признаки концептуализируемого предмета или

явления и описывается как совокупность этих признаков. Содержание концепта внутренне упорядочено по полювому принципу – ядро, ближняя, дальняя и крайняя периферия. Принадлежность к той или иной зоне содержания определяется прежде всего яркостью признака в сознании носителя соответствующего концепта. Описание осуществляется как перечисление признаков от ядра к периферии по мере уменьшения яркости признака.

Структура концепта включает образующие концепт базовые структурные компоненты разной когнитивной природы - чувственный образ, информационное содержание и интерпретационное поле и описывается как перечисление когнитивных признаков, принадлежащих каждому из этих структурных компонентов концепта.

Исследованию подлежит как содержание, так и структура, как ядро, так и периферия концепта, однако важно дифференцировать их в процессе описания, поскольку их статус и роль в структуре сознания и в процессах мышления различны и они требуют разных приемов описания.

3.3. Ментальный лексикон и виды концептов

«Одним из центральных понятий психолингвистики последних 20 лет является ментальный лексикон – как метафора, обозначающая обширную часть языкового знания, включая знание элементарных носителей языкового значения, их формы и ментальной организации. Особое внимание уделяется вопросу об использовании этого знания, о доступе к нему по ходу использования (когнитивной переработки) языка» (Демьянков Словарь 1996, с.153).

Совокупность ментальных репрезентаций – это память, это «корреляты языковых единиц в ментальном пространстве» (Кубрякова Словарь 1996, с.159).

Ментальные репрезентации — это часть концептуальной системы, «в которой составляющие ее единицы связаны напрямую с языковыми формами как носителями определенных значений» (Кубрякова Словарь 1996, с.95). Словарь – это «система, отражающая в языковой способности знания о словах и эквивалентных им единицах, а также выполняющая сложные функции, связанные не только с указанными языковыми единицами, но и стоящими за ними структурами представления экстралингвистического (энциклопедического) знания», которая отражает знания о лексических единицах (внутренний лексикон, словесная память, информационный тезаурус) Но информационный тезаурус ближе картине мира: там и вербальное, и невербальное (Кубрякова Словарь 1996, с.97)

На начальном этапе развития когнитивной лингвистики типологии концептов уделялось едва ли не основное внимание (см. Бабушкин 1996). Последующее развитие когнитивных исследований показало, что типология концептов — не основное содержание когнитивных исследований, типы ментальных репрезентаций знания могут быть очень разнообразны, нельзя четко отличить разные виды концептов друг от друга, и важнее для когнитивной лингвистики охарактеризовать не столько типы концептуального отражения действительности, сколько содержание знаний, которое репрезентируется концептами как ментальными репрезентациями.

В настоящее время выделяют абстрактные и конкретные концепты, фреймы, картинки, скрипты, сценарии, прототипы, предикации, образы разной степени обобщенности, языковые и неязыковые концепты, признаки, интегрирующие и дифференцирующие концепты, классифицирующие концепты, возрастные, гендерные, индивидуально-авторские, национальные концепты и мн.др.

Множественность типов концептов и нечеткая отграниченность их друг от друга обусловлена их комплексным отражательным характером и принципиальной множественностью форм представления знаний в сознании человека.

При этом образ выступает как тип концепта и как важнейшая составляющая концептов разных типов, что делает изучение его места и роли в концепте исключительно актуальной научной задачей.

Исследования образа как ментального феномена, элемента мыслительных единиц имеет свою историю в теоретических исследованиях разных наук.

3.4. Образ в когнитивных исследованиях

Возникновение в последней четверти прошлого века когнитивной науки в целом и когнитивной лингвистики в частности сделало вопрос о соотношении образного и рационального в сознании человека, образа и слова в языке и в ментальном лексиконе человека, в ментальных единицах сознания актуальной и активно разрабатываемой проблемой.

Это связано со следующими вопросами, которые активно обсуждаются в современной когнитивной науке:

- соотношение образного и рационального мышления;
- репрезентация знания в сознании разными ментальными формами, в том числе чувственными;
- комплексность отражения и осмысления сознанием явлений действительности;

развитие чувственных и рациональных форм познания в филогенезе и онтогенезе, их соотношение и последовательность формирования;
 проблема вербальности/невербальности мышления;
 проблема образного-схемного кода в мыслительных и речевых процессах;
 кодовые переходы с образно-схемного универсального предметного кода на вербальный язык и наоборот;
 проблема функциональной единицы мышления и др.

3.4.1. Концепт и проблема невербальности мышления

Признание концепта единицей мышления ставит на повестку дня вопрос о соотношении языка и мышления: обязательны ли языковые средства для осуществления концептуального мышления?

По отношению к проблеме вербальности/невербальности мышления В.В.Красных подразделяет ученых на вербалистов и антивербалистов. К вербалистам она относит таких ученых как М.Мюллер, В.фон Гумбольдт, Ф.Шлейермахер, Ф.де Соссюр, А.А.Реформатский (Красных 2003, с.13). Добавим, что сюда же должны быть отнесены и все авторы традиционных вузовских учебников по введению в языкознание и общему языкознанию, а также по философии, вышедшие в советское время.

К антивербалистам В.В.Красных относит таких исследователей как Н.И.Жинкин, Ж.Пиаже, Б.А.Серебренников, П.Я.Гальперин. Мы бы добавили сюда также И.Н.Горелова, К.Ф.Седова (Горелов 1980, Горелов, Седов 1998).

Многие ученые занимают двойственную позицию, признавая как невербальность, так и вербальность мышления. Так, А.Н.Леонтьев и Л.С.Выготский в свое время много писали о действенном, наглядно - действенном и наглядно-образном мышлении, однако одновременно в их работах мы находим утверждения и о языковой природе сознания (Красных 2003, с.14). По нашему мнению, это связано с недостатком в тот период экспериментальных знаний о природе сознания и его связи с языком.

Однако и в современный период развития языкознания в целом и психолингвистики в частности существуют концепции, допускающие двойственную точку зрения. Так, сама В.В.Красных пишет:

«Как бы там ни было, все представленные точки зрения все-таки позволяют думать, что мышление и сознание суть феномены разные, хотя и тесно связанные. И если трудно утверждать, что мышление осуществимо только с помощью слов, то говорить о языковой природе сознания, пожалуй, вполне допустимо (?). Тем более в рассуждениях лингвиста (?), рассматривающего речевую деятельность человека» (Красных 2003, с.15).

Получается, что если лингвист занимается речевой деятельностью, он *может* считать сознание языковым – ему так удобнее. Проблема кажется нам сложнее: подход к сознанию не может быть

лингвистическим, философским, психологическим и под. Сознание едино и все науки, оперирующие этим понятием, должны опираться на естественнонаучное понятие о сознании и его связи с языком, на экспериментальные данные. В настоящее время все больше экспериментальных исследований свидетельствуют о невербальном характере сознания.

Этот вопрос подробно рассмотрен нами в ранее опубликованных работах (Попова, Стернин 2003, с.19-36; Стернин 2004, с.15-24, Попова, Стернин 2007, с.38-41), и мы здесь ограничимся суммированием положений, изложенных нами в указанных выше работах и работах ведущих отечественных ученых Н.И.Жинкина, И.Н.Горелова, К.Ф.Седова, А.А.Залевской.

Мышление осуществляется без обязательного обращения к языку. Инструментом мышления выступает образно-схемный универсальный предметный код, концепция которого как нейрофизиологического субстрата мышления была разработана Н.И.Жинкиным, опиравшимся на некоторые фундаментальные идеи, высказанные Л.С.Выготским. Дальнейшую разработку этой идеи осуществил И.Н.Горелов.

Единицами универсального предметного кода являются предметные чувственные образы, которые кодируют знания и входят в концепт как его составная часть. Таким образом, чувственная составляющая концепта кодирует содержащуюся в нем рациональную, рефлексивную информацию, обеспечивая его функционирование как мыслительной единицы. В мыслительном процессе человек оперирует образами, которые несут и «прикрепленные» к образам рациональные знания.

Универсальный предметный код субъективен, индивидуален у каждого говорящего, поскольку он образуется у каждого человека как отражение его неповторимого, индивидуального чувственного жизненного опыта.

Концепт как функциональная единица мышления объединяет образные и рефлексивные компоненты в единое ментальное образование; при этом рациональных (рефлексивных) компонентов в концепте может и не быть (например, у ребенка, у неразвитого интеллектуально взрослого, у человека, который еще не познал соответствующее явление и под.) – тогда концепт имеет чисто образный характер, или концепт может включать и образ, и рефлексивное содержание – в различном объеме, сочетании, с различной яркостью того или другого компонента.

Для понимания роли образа в когнитивных процессах важное значение имеет введенное в когнитивных науках понятие ментальной репрезентации.

«...Любое знание существует в виде ментальных репрезентаций» (Кубрякова, Демьянков 2007, с.22). Чувственный образ – это тоже вид знания, и, следовательно, может существовать чисто образная репрезентация.

«В понимание термина «репрезентация» перестают вкладывать неперемнную презумпцию, что существует некоторый репрезентируемый

объект, и не ожидают, что будет указано, что же именно репрезентируется, «извлекается» из памяти... Таким образом, принимается, что репрезентации могут не только замещать объекты и процедуры действия, но и порождать и – как бы «строить из воздуха» – объекты или же целые ситуации: то есть, репрезентации теперь могут создавать фиктивные объекты, которые «как бы отражаются» этими репрезентациями.

И, наоборот, для формирования репрезентации становится необязательным, чтобы непосредственно перед мысленным взором исследователя отсутствовал «репрезентируемый», «замещаемый» объект. Так, когда во время эксперимента испытуемого просят закрыть глаза и описать, что он мысленно «видит» (предмет или ситуацию в целом), возникающая «репрезентация» не обязательно должна содержать какие-либо детали происходящего или быть его копией: она лишь в самых общих чертах «замещает» определенную целостность в нашем сознании» (Кубрякова, Демьянков 2007, с.18)

Можно попросить испытуемых вообразить что-то и описать это. «То, что мы видим на «внутреннем экране», и есть ментальная репрезентация. Нет оснований сомневаться и в ее знаковом характере: она выступает как замещающая то, что просил экспериментатор» (Кубрякова Словарь 1996, с.26).

Образные репрезентации действительности различаются по тем сенсорным каналам, по которым они поступают в сознание. Еще Аристотель выделил основные каналы получения сенсорной информации: зрение, слух, вкус, обоняние и тактильные способности, «позднее к ним добавили еще двигательную или моторную систему» (Кубрякова Словарь 1996, с.17).

«...Концепт мы трактуем расширительно, подводя под это обозначение разнособстратные единицы оперативного сознания, какими являются представления, образы, понятия» (Кубрякова 2007, с.10).

Итак, образы выступают одной из форм невербальных ментальных репрезентаций действительности, наряду с другими возможными формами, в том числе рефлексивными.

Образы могут составлять содержание концепта при том, что значение соответствующего слова бывает трудно сформулировать: «Отношения между концептами и значениями поэтому достаточно сложны: так, у союза *и* или *но* вряд ли можно постулировать значение, но концепты, которые за ними стоят, достаточно ясны (соединение, противопоставление)» (Кубрякова Словарь 1996, с.92).

В этом случае, очевидно, концепт являет собой некоторое образное представление ситуации соединения или соединения – например, два объекта вместе или два объекта против друг друга и под.

Н.И.Жинкиным и И.Н.Гореловым в опоре на идеи Л.С.Выготского о несовпадении словесного языка и «языка мысли» была разработана концепция универсального предметного кода как особой чувственно-образной кодовой системы, которая является механизмом осуществления мышления.

Н.И.Жинкин разграничивал внешний и внутренний язык (код):

«Внешний язык служит для взаимопонимания, внутренний – для поиска и обработки информации, т.е. для мышления...» (Жинкин 1982, с.147).

Во «внутреннем языке» «уже нет слов в их обычном сенсорном состоянии. Смысловые связи могут быть представлены как наглядные схемы в различной конфигурации... разные внешние обозначения могут соответствовать одному и тому же смыслу» (Жинкин 1982, с. 130).

Внутренний язык (код) – это универсальный предметный код, «язык мозга». Он «может принимать любые сенсорные знаки, и преимущественно такие, которые подает память в зависимости от условий запечатления предметов и их связей, о которых идет речь, включая и схемы этих отношений. На этом языковом поле встречаются все анализаторы – зрение, слух, движение, обоняние и т.д., т.е. все то, о чем можно говорить» (Жинкин 1982, с.143).

Применив методику речевых помех, Н.И.Жинкин показал, что мышление не связано с речедвигательным кодом и осуществляется в особом несловесном предметно-образном коде, который получил название «универсальный предметный код» (сокращенно – УПК).

Единицами универсального предметного кода являются наглядные образы, формирующиеся в сознании человека в процессе восприятия им окружающей действительности. Н.И.Жинкин отмечал: «Интеллект, для которого предназначается сообщение, не понимает естественного языка. У него есть собственный информационный язык. На этом языке он строит гипотезы, доказательства, делает выводы, выносит решения и т.д.» (Жинкин 1982, с.18); интеллект “вырабатывает понятия, суждения, делает умозаключения и выводы с тем, чтобы отразить действительность и указать мотивы человеческой деятельности. Все эти операции не зависят от того, на каком языке говорит человек” (там же, с.88).

Интеллектуальная деятельность на базе УПК осуществляется в лобных долях головного мозга, сам же процесс перехода речи на уровень интеллекта и наоборот осуществляется самыми различными областями коры (там же, с.88).

В современной лингвистике и психолингвистике для характеристики нейрофизиологического субстрата мышления используются термины *образный код, смешанный код, предметно-схемный код, внутренний субъективный код, предметно-изобразительный код, вторичный код, язык мозга, автономный код, индивидуальный код* и др. Термин “универсальный предметный код” является наиболее употребительным.

Универсальный предметный код субъективен, индивидуален у каждого говорящего, поскольку он образуется у каждого человека как отражение его неповторимого, индивидуального чувственного жизненного опыта. Универсальным он называется потому, что есть у всех людей, предметным – поскольку его единицы представляют собой преимущественно предметные чувственные образы.

Единицы универсального предметного кода – это нейрофизиологические единицы, некоторые чувственные образы, схемы, картины, чувственные представления, эмоциональные состояния, которые кодируют элементы знаний человека (концепты), объединяя и дифференцируя их в сознании человека по различным основаниям.

Единицы универсального предметного кода могут косвенно обнаруживать себя. Например, в ассоциативных экспериментах испытуемые очень часто идентифицируют стимулы через личные чувственные образы (мама – *моя*, город – *Воронеж, мой*, муж – *любимый* и др.), обнаруживая чувственный образ, который, видимо, и кодирует соответствующий концепт в их сознании.

Кодовые переходы при речепорождении и речевосприятии

Важнейшим постулатом концепции невербальности мышления является постулат о наличии кодовых переходов при речепорождении и речевосприятии.

Заложил основу теории кодовых переходов Л.С.Выготский, который подчеркивал, что превращение мысли во внешнее слово проходит несколько фаз, проходит через несколько различных процессов: «от смутного замысла речи – к развитию этого замысла сначала во внутренней, а затем и во внешней речи» (Выготский 1982, с.49).

Н.И.Жинкин представлял процесс речепорождения как переход от «внутреннего языка» к внешнему: «Внешний язык служит для взаимопонимания, внутренний – для поиска и обработки информации, т.е. для мышления. ... Внутренний язык концептуален. ... Концепт преобразуется в текст, а новый текст усваивается другими коммуникантами» (Жинкин 1982, с.147).

Н.И.Жинкин развил идею Л.С.Выготского: мысль возникает в УПК, затем перекодируется в особый промежуточный код, который затем в свою очередь перекодируется во внешнюю речь. При понимании речи происходит обратный процесс: речь перекодируется сначала в промежуточный код, а затем в УПК и попадает, таким образом, в долговременную память.

Важнейшее значение для научного понимания этих процессов имеют работы академика Н.П.Бехтеревой, которая экспериментально вскрыла и описала нейролингвистическую природу кодовых переходов. Биоэлектрические коды мозга записывались специальными устройствами

и анализировались на ЭВМ. Установлено, что у каждого человека есть специальный биоэлектрический код для каждого слова. Этот код – паттерн – субъективен у каждого человека. Это биоэлектрический, нейрофизиологический эквивалент слова в сознании человека, различная частота импульсных разрядов нейронов и сама структура импульсного потока. Для каждого слова у человека есть разный код.

Когда испытуемый слышит слово, у него в сознании возникают биоэлектрические импульсы, которые фиксируются и анализируются экспериментатором. Установлено, что:

1) сначала, сразу после восприятия слова, в сознании человека возникает паттерн, отражающий акустические признаки слова (слова, близкие по звучанию, имеют похожие паттерны); это – первая фаза переработки вербального сигнала мозгом, первая фаза кодовых переходов;

2) затем первичный акустический паттерн претерпевает трансформацию, связанную с анализом значения предъявленного слова. Паттерн носит компенсированный характер, в сжатом виде повторяя все основные опорные точки акустического сигнала, но в нем уже появляются элементы, не отражающие звуковую оболочку слова. Этот паттерн быстро трансформируется в следующий тип, если слово оказывается знакомым испытуемому, но довольно долго держится, если слово незнакомое;

3) наконец, промежуточный паттерн трансформируется в такой, который уже никак не связан с акустическим обликом слова и является уже чисто семантическим. Такие паттерны образуют, по Н.П.Бехтеревой, вторичный нервный код или автономный код. Любопытно, что близкие по смыслу слова в автономном коде имеют сходные паттерны (в акустическом коде, напомним, сходными были паттерны близких по звучанию слов). Установлено, что перестройки второго и третьего типа полностью отсутствуют в паттернах активности при восприятии квазислов, бессмысленных звукосочетаний. При этом именно при обработке квазислов наблюдались вспышки артикуляторной активности. Компрессированный промежуточный паттерн возникает перед произнесением слова и сохраняется, пока оно не произнесено.

Проф. И.Н.Горелов, анализируя материалы экспериментов Н.П.Бехтеревой и на основе результатов собственных психолингвистических экспериментов, приходит к выводу, что «вторичный нервный код и есть УПК Н.И.Жинкина, «дешифрат» вербального кода. Эти положения представляются предельно четким выражением идеи невербальности собственно мыслительного процесса» (Горелов 1980, с.37). В более поздней работе И.Н.Горелов пишет: «Понимание речи есть процесс девербализации, перевода в УПК. Порождение речи есть процесс вербализации, то есть перевод из УПК в код коммуникативного («внешнего») языка, в речь. Мышление как таковое ... есть функционирование УПК» (Горелов 1987, с.135).

Таким образом, можно говорить о существовании следующих кодовых переходов:

внешняя речь - акустический код - промежуточный код - УПК

Речепорождение

УПК - промежуточный код - акустический код - внешняя речь

Современными исследователями были накоплены многочисленные доказательства невербального характера мышления.

Самонаблюдения многих людей свидетельствуют о том, что они не пользуются словами в процессах абстрактного мышления. Ср. высказывание А.Эйнштейна: «Слова, написанные или произнесенные, не играют, видимо, ни малейшей роли в механизме моего мышления. Психическими элементами мышления являются некоторые более или менее ясные знаки или образы». «Я утверждаю, что слова полностью отсутствуют в моем мышлении, когда я действительно думаю», – писал французский математик Ж.Адамар.

Животные в общении с людьми понимают слова и выполняют словесные указания, но языком не владеют вообще, их мышление (конечно, соответствующее их примитивному уровню) в языке не нуждается.

Дети до двух-трех лет понимают обращенную к ним речь взрослых, мыслят в рамках своего интеллектуального развития, но языком еще не владеют.

Глухонемые обладают мышлением, ни в чем не уступающем мышлению говорящих людей, хотя не говорят, не слышат речь. Они мыслят, поскольку органы чувств обеспечивают им формирование УПК как инструмента мышления вне какой-либо связи с речью.

Можно понимать что-либо, но быть не в состоянии это сказать, выразить словами; особенно это заметно в ситуациях творческого мышления («муки слова»).

Многие мысли, существующие в сознании конкретного человека, вообще никогда им не выражаются словесно, они не предназначены для сообщения, и для их выражения нет готовых языковых единиц. Однако эти мысли существуют как компоненты сознания, определяют поведение человека - вне какой-либо связи с их языковым выражением.

При чтении текста на иностранном языке, при переводе с иностранного языка часты случаи, когда мы прекрасно понимаем смысл, но затрудняемся передать его на своем родном языке.

Классифицируя какие-либо явления или слова, мы очень часто понимаем, что их объединяет или различает, но затрудняемся обозначить это в словесной форме.

Прочитанный и понятый текст мы пересказываем другими словами (именно это, кстати, свидетельствует о том, что имело место понимание).

Н.И.Жинкин писал в связи с этим, что воспринимаемый человеком текст «сжимается в некий концепт (представление), содержащий смысловой сгусток всего текстового отрезка. Концепт хранится в долговременной памяти и может быть восстановлен в словах, не совпадающих буквально с воспринятыми, но таких, в которых интегрирован тот же смысл, который содержался в логическом интеграле полученного высказывания» (Жинкин 1982, с.84).

В языках есть множество внутриязыковых лакун, то есть отсутствующих названий – например, в русском языке никак не называется полоска льда на тротуаре, используемая детьми зимой для катания, нет названия для супругов, давно живущих в браке (ср. *молодожены*), нет слова для обозначения периода отдыха в конце недели, включающего вечер пятницы, субботу и воскресенье (ср. *уикенд*) и мн.др., однако это никак не свидетельствует о том, что в русском сознании отсутствуют соответствующие концепты.

По данным А.А.Залевской, когда испытуемых просят вспомнить те или иные слова, которые предъявлялись им в эксперименте, они часто осуществляют подмену слов на близкие по значению – следовательно, в сознании представлен концепт, а к нему уже испытуемым подбирается подходящее слово.

Вспоминая забытое слово, мы отчетливо осознаем некий концепт, который нам нужно выразить адекватным словом, и перебираем подходящие слова. Вот как описывает этот процесс американский психолог У.Джеймс: «Допустим, мы пытаемся вспомнить забытое имя. В нашем сознании существует как бы провал, ... но эта пустота чрезвычайно активна. Если нам в голову приходит неверное слово, эта уникальная пустота немедленно срабатывает, отвергая его». Это значит, что в действительности в нашей памяти имеет место не пустота, а концепт, образ, который «ищет» себе форму языкового выражения.

Затруднения, хезитации, самоисправления, работа над черновиками в плане улучшения средств выражения мысли, трудность поиска адекватных терминов для вновь вводимых понятий – все это свидетельствует о первичности мысли по отношению к слову, об автономности мысли от ее языкового выражения.

Эксперимент И.Н.Горелова, проведенный с опытными машинистками, работающими слепым методом, показал, что возможно решение двух вербальных задач одновременно – чтение и слушание, чтение и ответы на вопросы. Это свидетельствует о том, что хотя бы в одной из этих задач речевая моторика отсутствует, иначе возникла бы речевая интерференция выполнению задачи.

У детей на ранних этапах развития мышления развита эгоцентрическая речь, при помощи которой дети вслух планируют свою деятельность. По мере формирования у них УПК происходит интериоризация эгоцентрической речи, она исчезает, и ребенок начинает мыслить «про себя», при помощи УПК.

Замечено, что люди, хорошо знающие тот или иной иностранный язык, часто в процессе общения испытывают искушение вставлять иностранные слова или выражения, более адекватно передающие, по их мнению, ту мысль, что они хотят выразить: для них поиск адекватной языковой формы для концепта облегчен знанием другой лексической системы, у них больше лексических возможностей для выражения концепта, который существует в сознании автономно от национального языка.

При обучении скорочтению метод заключается в подавлении скрытой артикуляции, внутреннего проговаривания при чтении, что означает обучение читателя переходу непосредственно к УПК, минуя промежуточный код. Развитие этого навыка и позволяет значительно увеличить скорость понимания читаемого текста.

Проблема вербализации результатов мышления

Современные экспериментальные исследования показывают, что механизм мышления и механизм вербализации – разные механизмы и осуществляются на разной психологической основе.

А.Р.Лурия показал, что процессы мышления и вербализации локализованы в разных участках коры головного мозга, что свидетельствует об их автономности.

Он показал также, что отдельным этапам и компонентам речепорождения соответствует деятельность вполне определенных участков мозга, и нарушение деятельности того или иного участка ведет к расстройству отдельного механизма речепорождения, что свидетельствует о многоуровневости и многокомпонентности механизма вербализации.

Вербализация может осуществляться в виде внешней речи в разных ее разновидностях, в том числе как в устной форме, так и в виде письма. Механизмы речи и письма оказываются достаточно автономными: можно уметь говорить, но не уметь писать, можно утратить речь, но сохранить письмо, можно хорошо писать, но плохо говорить и др. Каждый отдельный механизм вербализации требует особой тренировки, особой системы упражнений – это хорошо знают преподаватели иностранных языков. Разные механизмы вербализации усваиваются человеком с разной степенью легкости, хранятся с разной степенью прочности и утрачиваются с разной скоростью.

В УПК человек оперирует некоторыми личностными смыслами, личными концептами. Эти концепты выступают своеобразными кирпичиками в его мыслительном процессе, из них складываются комплексные картины, в которых осуществляются предикации. Эти концепты могут иметь, а могут и не иметь прямых коррелятов в естественном языке, которым человек пользуется. Когда же человек комбинирует отдельные концепты в пучки или комплексы, вероятность того, что в языке для них найдется точный коррелят, еще более уменьшается. В таком случае, если возникает необходимость вербализации

подобного комплекса смыслов, чаще всего приходится пользоваться словосочетаниями или развернутыми описаниями, а иногда и целыми текстами, чтобы передать требуемый смысл в наиболее полном объеме, наиболее адекватно. Таким образом, форма вербализации личностного смысла говорящего может быть различной; весьма различной может оказаться и эффективность передачи личностного смысла собеседнику.

О понятии «внутренняя речь»

Понятие внутренней речи используется различными авторами в самых разных значениях.

В бытовом сознании под внутренней речью обычно понимают те слова, что «звучат внутри нас» в некоторых ситуациях. Такие ситуации наше сознание фиксирует довольно часто. С точки зрения концепции кодовых переходов – это не внутренняя речь, а скрытое, неслышное проговаривание. Это вариант внешней речи, так называемая «речь минус звук» (как временное отключение нами звука в телевизоре, если надо поговорить с кем-либо в комнате).

Неслышное проговаривание возникает и становится заметным для человека в ряде случаев.

Так, если человек о чем-нибудь размышляет, скрытое проговаривание часто возникает, если он тщательно обдумывает, репетирует форму предстоящего высказывания, готовится к важной речи, важному высказыванию; при подготовке эмоциональных письменных и устных текстов; в состоянии сильного эмоционального напряжения, когда неслышное проговаривание выполняет функцию «выпускного клапана» для переживаемых человеком эмоций; при заучивании текстов наизусть для последующего воспроизведения.

При восприятии речи неслышное проговаривание возникает при затруднениях в понимании слов (например, иностранных, длинных, незнакомых), отдельных мест текстов; при эмоциональном сопереживании собеседнику (мы повторяем его слова про себя); в процессе обучения чтению «про себя». Подчеркнем, что в любом случае внутреннее проговаривание – это вид внешней, а не внутренней речи, поскольку при внутреннем проговаривании задействованы все механизмы внешней речи и лишь громкость отключена (как в телевизоре).

Внутренней речью большинство исследователей в настоящее время называют промежуточный код (по Н.П.Бехтеревой), совмещающий черты акустического и смыслового кода. Это – дань традиции, поскольку, строго говоря, промежуточный код вовсе не является речью, это особый код, являющийся посредником между внешней речью и УПК.

О понятии «внешняя речь»

Внешняя речь представляет собой физическое, материальное явление. Она представляет собой речь, организованную по всем правилам фонетики, лексики и грамматики национального языка.

Существует несколько видов внешней речи, которые различаются в основном по степени их громкости, то есть по степени «включенности» артикуляционного аппарата.

Внутреннее проговаривание – это речь, построенная по всем правилам внешней речи, но с «отключенным звуком». Органы артикуляции при этом активированы, но дана команда «звук не включать»: «речь минус звук». Во всем остальном это обычная внешняя речь.

Шепотная речь – речь с пониженным уровнем громкости. Используется в особых ситуациях, когда громкая речь не может быть использована, а также в качестве самопомощи при чтении сложных текстов. Может проявиться в речевой деятельности человека в тех же ситуациях, что и внутреннее проговаривание (см. выше) – как более эффективное, чем внутреннее проговаривание, средство.

Громкая речь – обычная речь, громкость которой соответствует коммуникативной ситуации.

О понятии «речевое мышление»

Иногда в лингвистике используется термин «речевое мышление», причем без достаточно четкого определения его содержания. В свете концепции невербальности мышления под этим термином целесообразно понимать так называемое лингвокреативное мышление, то есть навыки вербализации и девербализации. Именно развитие этих навыков составляет задачу обучения ребенка письменной и устной речи на родном языке, является задачей обучения иностранному языку.

Речевое мышление – это совокупность умственных навыков речепорождения и речевосприятия на том или ином языке. Оно формируется путем погружения человека в речевую среду и путем целенаправленного обучения и тренировки.

Появился также термин *дискурсивное мышление* – мышление в процессе речи, «неподготовленное мышление», которое человек осуществляет без отрыва от говорения, в момент речи (Горелов, Седов 1998). Дискурсивному мышлению обучают в практической риторике.

Таким образом, «исследования психолингвистов (в том числе изучение мышления слепоглухонемых, наблюдения за афазиками, анализ этнографических данных и т.п.) показали, что в своих базовых проявлениях мышление опирается на универсальный предметный код (УПК). Язык лишь репрезентирует глубинные слои сознания, представляя концептосферу (систему концептов) того или иного этноса» (Горелов Седов 2004, с.147).

Образы универсального предметного кода – это чувственные представления, схемы, картины, возможно – эмоциональные состояния, сенсомоторные впечатления, которые объединяют и дифференцируют элементы знаний человека в его сознании по различным основаниям.

Если человек не знает смысл какого-либо абстрактного понятия, он часто помогает себе объяснить это движениями руки. Видимо, он пытается опереться на кодирующий образ концепта, изобразить его. Можно изобразить образное ядро таких концептов как *рябь*, *зыбь*, *винтовая лестница*, *круглый*, *квадратный*, *маленький* и др., в то время как абстрактная идея «руками» изображена быть не может. Когда студенты на экзамене не знают ответа на вопрос, они непроизвольно пытаются помочь себе, изображая руками перед собой в ходе рассуждения некоторые замысловатые фигуры – как бы пытаюсь изобразить, передать экзаменатору тот образ, который, очевидно, кодирует необходимую им единицу знания в их сознании и для которого они не могут найти подходящие слова. Это, как правило, свидетельствует о незнании рационального, логического содержания концепта.

Универсальный предметный код является нейрофизиологическим субстратом мышления, который существует и функционирует независимо от национального языка.

Концептосфера как упорядоченная совокупность концептов в сознании невербальна и существует на базе УПК автономно, независимо от языковых средств ее объективации. Отсюда следует, что необходимо четко различать *слова* и *концепты*: строго говоря, было бы неверно говорить «*концепт* дерево» или «*концепт* дерева», более точно говорить: концепт, репрезентируемый в языке словом *дерево*, представленный в системе языка словом *дерево*, вербализуемый словом *дерево* и т.д.

Проблема вербальной, языковой репрезентации, объективации концептов – это особая проблема, связанная с коммуникативными потребностями индивидов, а не с существованием и функционированием концептосферы как субстрата мышления. Язык служит не для осуществления мышления, а для выражения, сообщения и обсуждения результатов мыслительного процесса человека; последний же есть процесс оперирования концептами с помощью УПК.

Нейронные механизмы функционирования образов в концептах

Нейролингвистические исследования позволяют (пока, правда, лишь гипотетически, в самых общих чертах) представить работу мозга при актуализации концепта в сознании.

А.А.Залевская отмечает: «Нейронной основой для реконструкции репрезентаций является активация многих отдельных нейронных ансамблей, распределенных по разным участкам мозга, но не входящих в единый набор, поскольку они активируются в пределах одного и того же состояния рабочей памяти и доступ к ним осуществляется одновременно.

А.Дамазо приводит такой пример: рисунок скрипки или слово, написанное или произнесенное, возбуждают некоторый набор сенсорных и моторных репрезентаций, которые в своей совокупности мгновенно определяют содержание соответствующей сущности. У тех, кто держал в руках скрипку или играл на ней, активируется широкий спектр разнообразных сомато-сенсорных репрезентаций, которые формируют базу для концепта. Такие наборы варьируются у разных индивидов в зависимости от степени знакомости объекта, характера опыта действий с этим объектом, заинтересованности субъекта, ценности для него данного объекта и т.д. Более того, круг репрезентаций у одного и того же индивида также различается от случая к случаю, и даже репрезентации одного и того же типа варьируются день ото дня, час от часа. Этот процесс испытывает воздействие окружающего контекста, состояния ума и соматического состояния субъекта, изменяющегося опыта повторных встреч с объектом и т.д.

В книге (Damasio 1995) А.Дамасио еще более четко говорит о том, что базовые «дескрипции» не используют вербальный язык, хотя они могут быть «переведены» на него; они чисто невербальны (op.cit.: 241, 243)»(Залевская 2005, с.236).

А.А.Залевская добавляет: «Однако то, что в наши дни говорят А.Дамазо, К.Харди, Х.Рутроф и другие, более 100 лет тому назад уже было сказано отечественным физиологом И.М.Сеченовым. В опубликованной в 1878 г. статье «Элементы мысли» И.М.Сеченов подробно прослеживает путь от первых чувственных впечатлений, из которых формируются «чувственные конкреты» и «чувственные группы» (включающие не только звуковые, слуховые, вкусовые и прочие чувственные образы, но и слово), через постепенное отделение слова, становящегося знаком всей совокупности чувственных переживаний, к формированию «мысленных абстрактов» как продуктов длинной цепи превращений – настолько длинной, что «очень часто теряется всякая видимая связь между мыслью и ее чувственным прообразом» (Сеченов 1953, с.225)» (Залевская 2005, с.237).

Таким образом, образ – это чувственная база, чувственное начало концепта, которое лежит и в основе значения слова, называющего концепт. Рациональное, рефлексивное «нарастает» на образы.

Образы в структуре концепта могут проходить разные стадии обобщения, и в результате могут стать иероглифами, кодируемыми в нейронной сети, но этот иероглиф остается свернутым чувственным образом (как, например, в начальных системах письма в истории человечества).

Чувственный образ – функциональное ядро концепта, а сам концепт осуществляет единство образного и рационального в сознании человека.

3.4.2. Единство и взаимодействие образного и рефлексивного сознания

В современной науке укрепилось представление о сознании как двуслойном явлении – единстве образного и рационального слоя. Эти идеи высказывались И.П.Павловым, Л.С.Выготским, А.Н.Леонтьевым, Н.И.Жинкиным, И.Н.Гореловым, они глубоко разработаны в последние годы В.П.Зинченко.

Нейролингвистические, психологические, психолингвистические и когнитивные исследования свидетельствуют, что сенсорный и рефлексивный слои сознания взаимно предполагают друг друга: «... наглядный, чувственный образ есть знание о действительности, сформированное на сенсорном материале. ... Без требования интеллекта нельзя выбрать из бесконечного континуума ту информацию, которая необходима для знаний о вещах и путях поиска. Любое требование интеллекта осталось бы пустым без сенсорной информации. Следует признать, что интеллект и сенсорика являются комплементарными механизмами для приема и обработки информации – без одного нет другого» (Жинкин 1982, с.128).

За последние 20 лет в отечественной психолингвистике был сформирован концептуальный подход для исследования языкового сознания. Единицей анализа признается *образ языкового сознания* (это то же самое, что *ментальные репрезентации* в когнитивной лингвистике). В московской психолингвистической школе образ сознания анализируется по модели, предложенной в свое время А.Н. Леонтьевым и затем дополненной В.П. Зинченко. Согласно взглядам этих ученых, образ сознания представлен четырьмя «образующими»: чувственной тканью, биодинамической тканью движения и действия, значением и личностным смыслом. Структура образа сознания рассматривается как двухслойное образование: чувственная и биодинамическая ткани составляют бытийный слой, а значение и личностный смысл – рефлексивный.

Таким образом, выделяются два слоя (уровня) сознания – образный и рефлексивный.

Образный слой – первичный в фило- и онтогенезе. Рефлексивный слой формируется позже и на его основе.

Образный слой сознания первичен, рефлексивный – вторичен. Н.В.Уфимцева подчеркивает, что бытийный слой сознания включает биодинамическую ткань движения и действия и чувственную ткань образа, а на их основе развивается рефлексивный слой сознания, включающий значение и смысл.

«Формирование сознания начинается с бытийного слоя, точнее, с биодинамической ткани движения и действия. Как это прекрасно показал Ж.Пиаже (Piaget 1979), появление языка у ребенка подготавливается развитием сенсомоторного интеллекта. Символическая или семиотическая функция формируется в течение второго года жизни ребенка. Язык, по

представлению Пиаже, возникает на базе семиотической функции, но является лишь ее частным случаем. Суть символической функции состоит в дифференциации означающих (знаки или символы) и означаемых (объекты или события в виде схем или концептуализированные). Возникновение символической функции знаменует начало формирования рефлексивного слоя сознания... Таким образом, мы видим, что за телом знака (означающим) стоит сложная структура образа сознания, который включает в себе не только рефлексивные знания (значение и смысл), но и биодинамическую ткань живого движения и действия и чувственный образ, возникающий на его основе... Знания, которые стоят за телом знака, формируются в действии с культурным предметом, не сводятся только к вербальным значениям, принадлежат не языку, а культуре и присваиваются конкретным индивидом в процессе аккультурации. Хочется еще раз подчеркнуть, что далеко не все знания, которые стоят за телом знака, овнешняются с помощью языка» (Уфимцева 2007, с.112).

Как в фило-, так и в онтогенезе образный слой сознания может существовать самостоятельно, рефлексивный — нет. У детей — сенсомоторный интеллект (Ж.Пиаже), то есть чисто образное сознание. Оно же преобладает у малоразвитых в интеллектуальном плане взрослых.

Рефлексивные признаки отражают опыт социализации человека, его опыт деятельности с предметами и явлениями внешнего мира, результаты умственного обобщения им своего разностороннего опыта. Они добавляются к образным признакам концепта, которые сами также претерпевают изменения в процессе формирования личности человека, его социализации, получения образования, накопления жизненного опыта — они пополняются, обогащаются, корректируются.

«А.Пейвио (Pavio 1972, 1978) развивает теорию двух форм кодирования (a dual coding approach), согласно которой невербальные перцептивные знания трактуются как репрезентируемые и перерабатываемые двумя отдельными, но взаимосвязанными символическими системами. Пейвио полагает, что в долговременной памяти представление знаний о мире осуществляется преимущественно с помощью перцептивных аналогов в том смысле, что их активация обеспечивает модально-специфическую (то есть зрительную, слуховую и т.д.) информацию о перцептивных характеристиках объектов. Такие единицы репрезентации Пейвио называет имагенами (от англ. image — образ). Вторая — вербальная — система включает репрезентации, которые соответствуют языковым единицам и которые только по уговору соотнесены с объектами восприятия.

Как указывает Пейвио, эти вербальные репрезентации функционально эквивалентны логогенам Дж. Мортон (Morton 1969). Уточним, что понятие логогена было предложено Мортон в связи с разработкой функциональной модели узнавания слов. Речь идет о получении от анализаторов сенсорной информации некоторых наборов семантических, зрительных и акустических признаков, достаточных для опознания того или иного слова. Пейвио рассматривает обе символические системы как

связанные с явлениями внешнего мира и друг с другом таким образом, что невербальные перцептивные стимулы, например, картины, активируют систему образов относительно непосредственно, а вербальную — опосредованно. Со словами происходит обратное: они активируют логогены прямо, а имагены — опосредованно.

Идеи Пейвио поддерживает ряд авторов. Например, в работе Klix & Hoffman 1976 постулируется наличие в памяти двух форм представления и хранения информации: иконической репрезентации типа образов объектов и событий в недискретной форме и концептуально-логической репрезентации классов объектов и событий в недискретной форме и концептуально-логической информации классов объектов и отношений между ними в дискретной форме» (Залевская 2005, с.117-118).

Согласно другой точке зрения, «все знания в памяти кодируются и хранятся в пропозициональной форме — и языковая, и неязыковая информация (Anderson 1976, Anderson & Bauer 1973, Clark 1976, Clark & Clark 1972,1977; Kintsch 1974, Norman & Rumelhart 1975). Даже если допускается, что информация может быть представлена в других формах, то все равно высказывается уверенность, что далее эти формы должны трансформироваться в пропозиции. Приводятся следующие аргументы: необходимость такой формы репрезентации знаний, которая не зависит от специфики естественного языка и позволяет аналогичным образом представлять и использовать во всех ментальных процессах информацию, полученную как через язык, так и через перцепцию, независимо от первоначального источника этой информации (Anderson & Bauer 1973, с.152, Norman & Rumelhart 1975, с.8)» (Залевская 2005, с.118).

«С.М.Шалютин (1960, с.41) указывает, что понятия интерпретируются в конечном счете через чувственно-наглядные образы; при этом чувственное познание имеет свой «язык», свою семиотическую систему.

В пользу двух форм кодирования высказываются Величковский и Зинченко: «...образы и символы могут организовываться в устойчивые, динамические подвижные системы, которые функционируют наряду с вербальными категориальными системами в процессе решения разнообразных практических и познавательных задач» (Величковский, Зинченко 1979, с.77).

Экспериментальные работы тоже свидетельствуют о двух слоях сознания - чувственно-образном и вербально-рефлексивном.

Д.И.Рамендик показал, что процесс анализа и обобщения смысла слов включает в себя как вербальную, так и образную переработку информации.

И.Н.Горелов: «восприятие и запоминание вербальной информации сопровождается декодированием ее в системе наглядного кода» (Горелов 1974, с.234).

«Таким образом, результаты известных нам исследований, с одной стороны, свидетельствуют о наличии по меньшей мере двух систем кодирования, а с другой — подтверждают сводимость языка восприятия

и вербального языка к некоторой «глубинной» семантике» (Залевская 2005, с.120), то есть к единому невербальному коду.

Подчеркнем, что теория пропозиций как формы кодирования знаний не противоречит концепции УПК — концепт есть совокупность пропозиций (утверждений), «привязанных» к некоторому образу. Пропозициональный характер имеют рефлексивные признаки, пропозиционально могут быть осмыслены и образные признаки концепта — в таком случае они становятся рефлексивными.

Таким образом, сознание двуслойно и оба слоя обеспечивают осуществление мышления как концептуальной деятельности; при этом концепт выступает как функциональная единица, объединяющая оба слоя сознания.

Как отмечает Лакофф, «главная часть наших концептуальных систем непосредственно основана на восприятии, на движении нашего тела и на физико-социальном опыте человека; мысль образна: концепты, не прямо основанные на опыте, используют метафору, метонимию и "ментальную образность", что выходит далеко за рамки зеркального отражения, или репрезентирования, внешней реальности" — (Цит по: Кубрякова, Демьянков Словарь 1996, с.57)

Концепт — именно общая для двух уровней сознания единица мышления, он формируется у человека как образная единица, а потом к образу в процессе предметной и когнитивной деятельности человека постепенно добавляются рефлексивные энциклопедические и интерпретационные признаки (подчеркнем — при условии, что личность начинает рефлексировать).

Образное содержание концепта в процессах мышления выступает как его функциональная база — концепт может существовать и функционировать как единица мышления, только будучи образным или будучи «прикреплен» своими рефлексивными признаками, рефлексивным содержанием к чувственному образу. Образы и рефлексивные признаки находятся в разных участках нейронных сетей мозга, но в процессе мышления функционируют согласованно. В процессе концептуального мышления, т.е. мышления концептами, могут участвовать и актуализироваться как образы, так и рефлексивное содержание концептов в разном их сочетании в зависимости от ситуации и цели.

При выражении мысли при помощи естественного языка в конкретном коммуникативном акте происходит то же самое — может актуализироваться образ, может рефлексивное содержание, могут оба в различном объеме.

Как отмечает Е.С.Кубрякова, ментальные репрезентации активизируются под влиянием внешних стимулов, которые могут возбудить как «образы, так и языковые репрезентации: для выполнения когнитивной задачи использованы могут быть как те, так и другие» (Кубрякова Словарь 1996, с.11).

Таким образом, в концепт входят как образная, так и рефлексивная часть. Это два основных макрокомпонента структуры концепта.

При этом, подчеркнем, именно концепт выступает как единица мышления, осуществляющая единство, синтез чувственного и рационального в процессах когниции и коммуникации.

Если мы формируем концепт о ненаблюдаемом или том, что мы еще не видели, чувственно не воспринимали, содержание концепта формируется из значений сообщающих о них слов, он возникает в сознании в тот момент, когда он назван, когда о нем сообщено. Возникает ментальная репрезентация, например, «необразованный подросток из стран Азии, подрабатывающий в магазине соседней страны», но сразу возникает вопрос: Как он выглядит? Что он делает? и т.д. Пока нет чувственного образа, нет конкретизации, чувственного «заземления» концепта, он остается чисто умозрительным, то есть концептуально бедным, и без образа он не может закрепиться в УПК как единица мышления. Образ появится из образных компонентов слов, используемых для его дефиниции, образов-прототипов, может и из литературных источников – ср. концепт *маленький человек* – образ Акакия Акакиевича.

Еще раз подчеркнем, что наличие в концепте образного компонента предполагается самим нейролингвистическим характером универсального предметного кода: чувственный образ выступает единицей УПК и одновременно выступает единицей мышления - концептом, в котором могут быть еще дополнительные рефлексивные признаки, а может их и не быть. Во втором случае концепт исчерпывается своим образным содержанием, в первом – выступает как образно-рефлексивное явление, обеспечивающее единство первой и второй сигнальных систем в мыслительном процессе и коммуникации.

Образ в структуре концептуального знания может быть очень ярким, оттесняя рефлексивное содержание концепта на второй план. Как справедливо отмечает Е.С.Кубрякова, «мы, например, знаем различие между елкой и сосной не потому, что можем представить их как совокупности разных признаков или же как разные концептуальные объединения, но скорее потому, что легко их зрительно различаем и что концепты этих деревьев даны прежде всего образно» (Кубрякова 2007, 91).

3.4.3. Виды образов в структуре концепта

Все образы в концептах являются перцептивными – то есть формируемыми органами чувств человека. Но они могут быть разных видов и типов. Различными исследователями выделяются разные типы образов.

«Обычно в устройстве памяти подчеркивается ее деление на эпизодическую (событийную, или ситуативную) и семантическую, что соответствует запоминанию отдельных эпизодов, происшествий, событий и т.п., приуроченных к определенному времени, в отличие от того, что запоминается в качестве общих утверждений и истин, не сводимых к единичному опыту и обычно представленных в более абстрактном виде (например, концептов, пропозиций) и т.п. Эпизодическая память рассматривается прежде всего как продукт перцептивной деятельности человека, результат того, что он видел, слышал, осязал – что было воспринято им в его непосредственном чувственно-созерцательном опыте» (Кубрякова Словарь 1996, с.116- 117).

Семантическая память – это память некоторых фактов, то есть это образ предмета или явления вне ситуации, действия, процесса, это отражение предмета самого по себе: собака, цветок, стул, пень, и т.д. Мы предлагаем оставить за такими образами термин *образ-факт*.

Образ-эпизод – это некоторый фрейм, сценарий и т.д. – то есть сложный образ последовательности некоторых действий.

М.Ветлер (Wettler 1976, с.43) отмечает, что сложные действия типа «путешествовать» репрезентируются как комплексы поддействий: действия на элементарном уровне могут редуцироваться до набора состояний, описывающих их результаты и условия осуществления; понятия типа существительных определяются с помощью связей четырех видов, ведущих к а) примерам таких понятий, б) понятиям более высокого порядка, в) аргументам действий-прототипов, г) физическим характеристикам соответствующего класса объектов (цит. по: Залевская 2005, с.109).

Пропозиции

Существует точка зрения, что все хранимые в памяти типы информации (как языковые, так и неязыковые) репрезентируются в человеческой памяти единой пропозициональной формой. Это означает, что вся информация поступает в память и хранится как набор пропозиций. Но, как справедливо отмечает Ю.Панкранц, тогда в памяти не хранятся картинки, чувственные образы? И сама отвечает, что это нереально (Панкранц Словарь 1996, с.135.)

Другая точка зрения (Залевская 1985): есть и непропозициональная форма хранения знаний – образная, гештальтная.

Некоторые считают, что изначально информация может быть в разных формах, но в итоге все должно свестись к пропозициям (Norman, Rumelhart; Fodor; Kempson). Следует согласиться с А.А.Залевской: очевидно, что знание, полученное как через язык, так и через прямую

перцепцию, в равной мере представлено в памяти и используется независимо от специфики естественного языка.

Пейвио (Paivio 1971, 1978, 1986) полагает, что существует две формы, две независимые системы кодирования – для невербальных знаний и для языковых знаний. «Функционально подсистемы независимы в том смысле, что каждая из них может быть активизирована независимо от другой или они могут быть активизированы параллельно. В то же время они функционально связаны таким образом, что активизирующее начало одной подсистемы может быть инициатором активизации другой подсистемы» (Paivio 1986, с.54).

Образная форма репрезентации знаний, по мнению А.Пейвио, является независимой, непропозициональной, однако это не исключает, что и образная форма может интерпретироваться в пропозициональных терминах (Paivio 1986, с. 31).

Нам представляется, что информация может храниться в сознании в конкретном концепте в пропозициональной и непропозициональной (образной) форме, но, с нашей точки зрения, именно в концепте как функциональной единице мышления вся информация может быть выражена, вербализована, «интерпретирована» (по Пейвио) в пропозициональной форме – поскольку все когнитивные признаки есть некоторые пропозиции (утверждения) о предмете категоризации, независимо от того, образный или рефлексивный характер имеют эти сведения. При этом возможны как образные (о цвете, форме, вкусе и т.д.), так и рефлексивные пропозиции.

Прототипы

Образ в структуре концепта может представлять собой некоторый образ-прототип. Прототипы – это наиболее четкие, яркие, конкретные образы, способные представить класс концептов в целом (например, для класса *птица* – это воробей).

В когнитивной лингвистике прототипический подход возник в связи с исследованиями процесса категоризации: «подход к явлениям категоризации, к понятию как к структуре, содержащей указания на то, какие элементы понятия являются прототипами» (Демьянков Словарь 1996, с.140, ссылка на Акмаjian et al. 1984, с. 528).

Теорией прототипов занимались Ч.Филлмор, Э.Рош, Х.Патнам, Холстейн, Гивон, Клейбер, Л.Витгенштейн (он использовал термин «фамильное сходство»).

«По единодушному признанию когнитологов, прототипический подход к исследованию принципов естественной категоризации начинается с работ Э.Рош, которой принадлежат наблюдения и о прототипах как лучших образцах категоризации, главное, об уровнях категоризации с выделением базового уровня категоризации как центрального для

многих видов когнитивной деятельности уровня (Cognition and Categorization 1978, Rosch 1973; 1975)» (Кубрякова Словарь 1996, с. 44).

Э.Рош определяет прототип как единицу, проявляющую в наибольшей степени свойства, общие с другими единицами данной группы, а также как единицу, реализующую эти свойства в наиболее чистом виде и наиболее полно, без примеси иных свойств (Rosh 1978, с. 29).

Прототип – это один из членов, объединяемых категоризацией, имеющий привилегированное положение, являя собой лучший образец своего класса (Кубрякова Словарь 1996, с.46).

Как отмечает В.И.Карасик, для многих прототипом слова *фрукт* является образ яблока, а прототипом слова *экзамен* – обобщенная картина беседы преподавателя со студентом за столом (Карасик 2004, с.127).

О наличии прототипных образов в сознании человека свидетельствуют многочисленные стандартные ассоциативные реакции на определенные стимулы: великий русский поэт – *Пушкин*, часть лица – *нос*, великая русская река – *Волга*, домашняя птица – *курица* и т.д.

Есть точка зрения, что прототипы носят врожденный характер: «Понимание значения связывается с обращением к экземпляру или прототипу, а не с контрольным списком условий, которым должна удовлетворять языковая форма, чтобы считаться удачно или правильно употребленной. Этот прототип заложен в человеческой мысли от рождения; он не анализируется, а просто «дан» (Fillmore 1975:123)» (Демьянков Словарь 1996, с.142). Следует подчеркнуть, что каких-либо экспериментальных доказательств врожденности прототипов современная психолингвистика и когнитивная лингвистика не имеют.

Прототипы обычно представляют собой конкретные перцептивные образы, отражая наглядный общеизвестный пример, иллюстрирующий концептуализируемое явление.

Роль прототипов велика в риторике – легче воспринимать речь, слова в которой непосредственно активизируют в сознании аудитории конкретные, наглядно известные прототипы – как советовал ораторам Карнеги, говорите не *овощи*, а *помидоры, огурцы и капуста*, не жирная еда, а *масло, сало и сметана* и под. Слушатели такую речь легче понимают (она ближе к УПК) и лучше запоминают; как полагают опытные риторы, «большинство слушателей запоминает содержание лекции только по примерам».

«Прототипичность проявляется в том единодушии, с которым носители языка характеризуют значение языковых единиц (например, отдельных слов) в отрыве от контекста. Например, характеризуя значение предлога НА, показывают на поверхность (Taylor 1995:19)» (Демьянков 1996, с.141).

Содержательное разграничение разных видов прототипов проводит Н.Н.Болдырев: «необходимо разграничивать: прототип категории неязыковых (естественных) объектов, прототип языковой категории и прототип (прототипическое средство) репрезентации знаний в языке.

В первом случае имеется в виду наиболее психологически выделенный и поэтому наиболее типичный образец данной категории: яблоко или апельсин в категории фруктов, воробей или малиновка в категории птиц, автомобиль в категории транспортное средство и т.д. – которые служат когнитивными точками референции при категоризации других объектов той же категории, неким эталоном сравнения.

Прототип языковой категории – это аналогичный образец в категории языковых объектов: глаголы физического действия в категории глагола, которые проявляют наибольшее количество глагольных свойств, или существительные конкретной семантики в категории существительного и т.д., которые также могут выступать в роли опорных точек при соответствующей классификации и функциональном осмыслении глаголов или существительных.

Прототип языковой репрезентации знания – это опорная точка в процессах поиска адекватного названия для того или иного объекта и формирования и передачи необходимого смысла, наиболее типичное средство языковой передачи знания о том или ином объекте в самом общем виде (На дереве сидела птица – сидела именно птица, а не белка и не рысь, и именно на дереве, а не на скамейке и не на дорожке).

Первые два понятия (прототип категории естественных объектов и прототип языковой категории) имеют отношение к описанию принципов формирования и организации языковых и неязыковых категорий, т.е. принципов построения концептуальной и языковой систем в целом. В то время как третье понятие (прототип языковой репрезентации) непосредственно связано с описанием принципов языковой репрезентации знаний на системном и функциональном уровнях в виде языковых значений и смыслов, принципов и механизмов их формирования.

Из этого следует вывод о том, что прототипы концептуальных и языковых категорий не связаны между собой отношениями прямой репрезентации друг друга. В противном случае словарные дефиниции должны бы были звучать следующим образом: *аист – крупный перелетный воробей (или малиновка) с длинным прямым клювом, а *лететь – действовать по воздуху. Существенно заметить, что сказанное не означает принципиальную невозможность таких определений в том случае, когда название прототипа используется в качестве обозначения целой категории, сравните: автобус – многоместный автомобиль для перевозки пассажиров (Ожегов, Шведова, с.15). В последнем примере название категории «автомобиль» совпадает с названием прототипа категории «транспортное средство» (Болдырев 2007, с.30-31).

В приведенном высказывании Н.Н.Болдырева, с которым нельзя не согласиться, остается, тем не менее, неясным, что такое *опорные точки* и почему они называются то *точки референции*, то *точки классификации*.

Представляется, что необходимо различать сами прототипы и их языковые названия. Название прототипа отсылает к закрепленному за этим названием комплексному чувственному образу, актуализирует его, хотя

конкретно его не характеризует. При восприятии слова, называющего прототип, соответствующий образ актуализируется. Очевидно, что прототипы естественных, языковых объектов и прототипы языковой репрезентации знания – это перцептивные образы – и воробей, и автомобиль – всегда конкретный. Существительное, глагол представлены в сознании образами конкретных слов (примерами). Примеры – это вербальное описание некоторого чувственного образа.

То, что у разных людей прототипы могут быть разными, говорит не об отсутствии прототипов, а свидетельствует об их субъективности, зависимости от личного перцептивного опыта, то есть как раз доказывает их существование.

Прототип – это конкретизация, а любая конкретизация имеет в основе чувственный образ. Во фразе *На дереве сидела птица* актуализируются обобщенные чувственные образы птицы, дерева, ситуации сидения.

В концепте существует идентификационная зона (Стернин 2008), которая как раз и содержит эти прототипы – информацию о них как конкретных примерах, имеющих комплексный характер и преимущественно наглядно-образных, по крайней мере, образ обязательно входит в них, например: певица – Пугачева, певец – Высоцкий, поэт – Пушкин, река – Волга, женщина – Екатерина, птица – воробей, дерево – береза, президент – Путин, город – Воронеж, Москва.

Подчеркнем, что образ-прототип может быть индивидуализированным (*певица* – Пугачева) и обобщенным (*культура* – учитель), подробнее об этом ниже.

Первичные образы и вторичные перцептивные образы

Первичные образы – формирующиеся в сознании носителя языка в результате отражения им окружающей действительности при помощи органов чувств: роза *красная*, язык *шершавый*, церковь *с куполами*, нож *острый*, лимон *кислый*, апельсин *оранжевый*, котенок *теплый*, медведь *бурый*, *белый* и т.д..

Вторичные образы – образы, формирующиеся на основе переосмысления первичных образов при познании других предметов и явлений. Это прежде всего так называемая когнитивная или концептуальная метафора, и такой образ можно назвать *когнитивным*. Когнитивный образ отсылает абстрактный концепт к материальному миру и познает новое явление через уподобление его старому, известному.

Исследование Л.А.Тавдгиридзе показало, что концепту *русский язык* русское сознание приписывает многочисленные человеческие качества – моральные, психические, интеллектуальные, физические, эмоциональные, определенные культурные навыки (*умный, вежливый, культурный, ласковый, веселый, живой* и др.). Эти признаки переносятся на язык с человека, который владеет языком, и создают антропоморфный образ языка как человека – носителя определенных качеств (Тавдгиридзе 2005).

В работах кемеровской когнитивной школы – М.В.Пименовой (2004, 2007 и др.) и ее учеников – на материале сочетаемости слова-наименования концепта исчерпывающе продемонстрирована роль концептуальных метафор в формировании содержания абстрактных концептов внутреннего мира человека – *душа*, *дух*, сердце и их английских соответствий. Эти метафоры формируют тот чувственно-наглядный образ, который «приземляет» абстрактный концепт, наполняет его конкретным образным содержанием, позволяющим закрепить его в универсальном предметном коде мышления.

Наши исследования показывают, однако, что не все из выявляемых кемеровчанами признаков метафорических значений и употреблений тех или иных слов могут быть однозначно отнесены к содержанию концепта, называемого соответствующим словом.

Анализ когнитивного содержания концепта через сочетаемость ключевого слова – номинанта концепта и его производных — очень важный и перспективный путь описания концептов, широко применяемый в работах многих лингвокогнитологов, в том числе и в наших работах. Такой анализ основан на том факте, что большинство наиболее важных и коммуникативно релевантных концептов той или иной концептосферы имеют языковое выражение и, в частности, для них может быть выявлено ключевое слово-номинант концепта, семантический анализ которого и является во многих когнитивных направлениях основой описания содержания соответствующего концепта.

Ключевое слово, несомненно, основное средство объективации, вербализации концепта в коммуникативном процессе, именно этим словом обычно и называется исследуемый концепт в лингвоконцептологических исследованиях. Но проблема в том, что между концептом и номинирующим его ключевым словом может не быть полного соответствия. Ключевое слово может быть многозначно в системе языка, и не все его значения будут объективировать концепт, отраженный основным значением ключевого слова; кроме того, один и тот же концепт номинируется *номинативным полем* — некоторой совокупностью единиц, актуализирующих разные совокупности когнитивных признаков из его содержания в разных коммуникативных ситуациях. Среди единиц номинативного поля концепта могут быть также единицы, номинирующие концепт как прямыми, так и переносными значениями.

Слова как единицы языка в разных своих значениях могут употребляться для объективации разных концептов, а не только для концепта, ключевой номинацией которого они являются в прямом номинативном значении.

В связи с этим для нас методологически важной представляется необходимость при анализе когнитивного образа концепта через сочетаемость его ключевого слова и сочетаемость его производных различать выявляемые при этом когнитивные признаки и образы, входящие в структуру *исследуемого* концепта, и когнитивные признаки

и образы, входящие в структуру *других концептов*, номинациями которых может выступать то же самое слово, которое номинирует и исследуемый концепт, но в некоторых своих переносных значениях. В связи с этим особенно важной представляется *когнитивная интерпретация* выявленных через сочетаемость семантических признаков ключевого слова — предложенный нами метод атрибуции концепту когнитивных признаков (Попова, Стернин 2007).

Последовательное применение метода когнитивной интерпретации к семантическим компонентам, выявляемым из сочетаемости и контекстов употребления номинантов концепта, показывает, что не любое употребление ключевого слова концепта, его производных или сравнения с этим словом может быть интерпретировано как актуализация того или иного когнитивного признака данного концепта.

Процедура когнитивной интерпретации позволяет включать в когнитивную структуру концепта только те признаки, которые могут быть однозначно отнесены к исследуемому концепту — это такие когнитивные признаки, которые дополняют друг друга в структуре концепта (несут новую информацию о концепте, не выраженную остальными когнитивными признаками, уже выделенными) и не противоречат остальным когнитивным признакам данного концепта, не приписывают концепту признаков других концептов.

Рассмотрим данную проблему на богатых примерах из последней монографической работы М.В.Пименовой (Пименова 2007).

Концепту *сердце* в этой работе постулируется когнитивный признак «дружба»: «Дружба – один из актуальных признаков сердца» (Пименова 2007, с.215). Данный постулат подтверждается следующими примерами: *сердечная дружба, друг сердечный, другом сердца назову, союз сердец, свидание сердец, сердечный, братский совет*.

Обратим прежде всего внимание на то, что в примерах: *сердечная дружба, друг сердечный, сердечный совет* мы имеем дело не с номинацией (языковой объективацией) собственно исследуемого концепта *сердце*, а с употреблением производного от него слова, причем в переносном значении и для номинации иного концепта. Рассмотрим значения этих слов:

сердечная дружба — это *истинная, искренняя дружба*;

друг сердечный — это *искренний, добрый, близкий друг*

сердечный совет - это *искренний, доброжелательный, дружеский совет*.

Обращаем внимание на то, что во всех трех случаях характеризуется не концепт *сердце*, а другие концепты: *дружба, друг, совет*; лексема же *сердечный* в своем переносном значении в данном случае номинирует соответствующие признаки именно этих концептов: дружба может быть *искренней* (сердечной), друг может быть *добрым и близким* (сердечным), совет может быть *дружеским, доброжелательным* (сердечным).

В примерах: *другом сердца назову, союз сердец, свидание сердец* актуализируются следующие когнитивные признаки:

другом сердца назову — назову *лучшим другом*

союз сердец — союз *друзей, близких по духу*

свидание сердец — встреча *друзей*

В этих случаях актуализируются когнитивные признаки концепта *друг*, но не *сердце*.

Концепту *сердце* в соответствии с предлагаемой кемеровчанами методикой постулируется также признак «возраст» — она молода сердцем — «по сердцу определяется возраст «внутреннего человека» (Пименова 2007, с. 408). В этом случае слово *сердце* употреблено в переносном значении *душа* или «*внутренний человек*» и характеризует, актуализирует когнитивные признаки именно этих концептов — «*душа*», как и «*внутренний человек*» может быть молодой.

В примере *он к ней сердцем полетел* слово *сердце* употреблено в значении *душа* и актуализируется, соответственно, тоже концепт *душа* — именно *душа* может перемещаться, концепт *сердце* этим словоупотреблением не актуализируется: сердце не летает.

Концепту *сердце* постулируется также признак насекомое: «Сердце наделяется признаком насекомых» (Пименова 2007, с.86), что иллюстрируется примерами:

точно в сердце что-то ужалило, контраст ужалил ее в самое сердце — но здесь актуализируется концепт *ужалить*, признак *причинить боль*;

сердце как бабочка к свету — актуализируется концепт *бабочка*, признак *привычка лететь на свет*;

сердце бьется как муха в сетях — актуализируется концепт *муха*, признак *попадает в сети к паукам*

на бабочку поэтиного сердца — актуализируется концепт *сердце*, признак — *по форме и движению напоминает бабочку*.

Из всех приведенных примеров только в последнем можно говорить об актуализации когнитивного признака концепта *сердце*. В остальных случаях актуализируются признаки других концептов, которые, как нам представляется, никак не могут быть включены в структуру описываемого концепта *сердце*.

Примеры типа *выгравировать в своем сердце, написать на сердце, стереть с сердца, читать изгибы сердца* и под. характеризуют когнитивные признаки концепта *душа*, номинируемого в данном случае переносным значением слова *сердце*.

Исследования кемеровской школы — прекрасный образец комплексного исследования значений слов и выявления присущих этим словам моделей метафорического и метонимического переноса, но далеко не все выявляемые при этом признаки значений могут быть интерпретированы как когнитивные признаки заявленного к исследованию концепта — многие, как мы старались показать, характеризуют не его, а другие

концепты, использующие соответствующую лексему для объективации собственных признаков.

Таким образом, анализ метафор, сравнений, текстовых употреблений слов, их сочетаемости — как свободной, так и фразеологической, не дает однозначной характеристики концептуального содержания того или иного концепта — необходимо проанализировать выявляемые при этом семантические компоненты и определить, поддаются ли эти семантические признаки когнитивной интерпретации как признаки именно исследуемого концепта или они характеризуют другие концепты и к исследуемому концепту не относятся.

Если в языковом материале зафиксирована метафорическая актуализация когнитивных признаков концепта (примеры типа *перестало биться сердце, болит сердце о ком-то, бьется сердце по кому-то, молодое сердце, сердце устало* и под.) и при этом — что принципиально важно — метафорически переосмыслены когнитивные признаки, которые отражают реально существующие признаки концептуализируемого явления или предмета, и они переосмысляются в рамках **в рамках его содержания** — в этом случае мы имеем дело с когнитивными образами данного концепта — его метафорической составляющей, метафорически-образным расширением структуры содержания концепта.

Если же зафиксированы примеры типа *сердце спит, пробуждается, дышит, терзается, мучается, подсказывает* и т.д., то в этом случае не может идти речь об образах концепта *сердце* (реальное сердце как материальный объект не может совершать данных действий). Это переносное употребление **слова** *сердце* для номинации концептов *душа* или *человек*, а не для номинации концепта *сердце*. В данном случае переносные значения слова *сердце* — такие как *душа, человек* номинируют именно концепты *душа* и *человек*, и семантика слова *сердце* в этом случае актуализирует образы души и человека.

Обратим также внимание на то, что индивидуально-авторские метафоры, художественное словоупотребление нельзя считать достаточно надежным источником сведений о когнитивной структуре концепта из-за их окказиональности; выявленные этим способом когнитивные признаки можно включать в описание концепта, но необходимо указывать на их периферийность в концепте, окказиональность, чтобы не создавалось впечатление о равноправии данных признаков в структуре концепта с другими признаками. К примеру, *по форме напоминает бабочку* (о сердце) — признак выделен в единичном словоупотреблении В.Маяковского, и он может быть отмечен как единичный в структуре концепта, этим отличающийся от таких более часто актуализируемых признаков как *бьется, живое, важный орган, находится в груди, перекачивает кровь* и под.

Когнитивный образ — это вторичный образ, формирующийся на базе имеющихся когнитивных признаков и допускающий переосмысление

в рамках данного концепта. Это результат ассоциативной мыслительной операции над теми или иными когнитивными признаками концепта.

Можно выдвинуть гипотезу о том, что любой концепт имеет (в нем заложен как в ментальной единице) метафорический потенциал для переосмысления некоторых своих признаков, и эти метафоры «внутриконцептуальны», они находятся внутри одного концепта. Они носят перцептивно-образный характер и вместе с первичными образами входят в образный компонент концепта.

Вероятно, в тех случаях, когда такие метафорические переносы даже закрепляются в языковом употреблении, их можно не считать отдельными, самостоятельными переносными значениями (поскольку они находятся полностью в *смысловых рамках самого концепта*, а метафорическому переосмыслению и выражению в метафорической номинации может подвергнуться практически любой когнитивный признак). В таком случае метафорические потенции концепта оказываются практически безграничными, как и возможности использования концепта в качестве основания сравнения. На примере сравнений данное явление может быть проиллюстрировано особенно ярко.

Ср. анекдот: Я езжу на велосипеде как молния. - Так быстро? - Нет, вот таким зигзагом.

Актуализируется признак *зигзагообразность*, который в системе языка не фиксируется в составе переносных значений слова *молния* — таких как *телеграмма, застежка, стенгазета*. В рамках концепта *молния* теоретически могут быть метафорически или компаративно актуализированы признаки *белый цвет, внезапность появления, сила удара, представляет опасность* и др., которые в системе языка у слова *молния* еще не зафиксированы - но в употреблении вполне возможны.

Или ср. другой старый анекдот: -У меня сын - как Ленин. Из тюрьмы в тюрьму. Актуализирован признак концепта *Ленин* – *многочисленность заключений в тюрьму*.

Возможно также: - Я работаю по-ленински. В лесу на пеньке.

Или: Он ленинского роста — то есть невысокий и под.

Подобные случаи, возможно, следует рассматривать именно как возможные употребления слова, а не его отдельные значения.

Если же переносные значения выходят из рамок содержания концепта (сердце *поет, кричит, радуется* и под. – сердце как внутренний орган не может этого делать), это будут переносные значения слова *сердце* — например, в этом случае – значение «душа».

Таким образом, сердце *поет* — это переносное значение слова сердце (вне рамок содержания концепта *сердце*) *перестало биться* сердце – переносное употребление слова *сердце* (в рамках содержания концепта сердце). Употребления легко понимаются и конструируются носителями языка именно в силу их предсказуемости и обусловленности уже имеющимися в концепте общеизвестными когнитивными признаками.

Подведем итог анализа вторичной образности концепта.

Примеры типа *перестало биться сердце, болит сердце о ком-то, бьется сердце по кому-то, молодое сердце, сердце устало, бабочка поэтиного сердца, ударил в самое сердце, надорвать сердце* и под. свидетельствуют о том, что в концепте *сердце* отдельные когнитивные признаки становятся инструментом осмысления некоторых посторонних данному концепту явлений действительности, ассоциативно связанных с сердцем.

Так, смерть осмысляется как результат остановки сердца, переживания о ком-либо осмысляются как сердечная боль, энергия характера — как следствие молодого возраста сердца человека, душевная усталость — как следствие длительной работы сердца и его изношенности, внешнее сходство с бабочкой (форма, постоянное биение, ранимость) — как представление о сердце как бабочке, причинение нравственной боли — как болезненный физический удар в сердце как жизненно важный орган, сильные душевные переживания — как причинение физического ущерба сердцу (надрыв) и под.

Таким образом первичные, базовые когнитивные признаки концепта, носящие отражательный характер, дополняются вторичными признаками — метафорическими образами, возникающими на их основе. Эти образы, как и перцептивные образы, носят чувственный характер, но отличаются от перцептивных образов своей вторичностью.

Вторичные образы (когнитивные метафоры, метафорические образы) — это образные переосмысления некоторых когнитивных признаков концепта как инструмент познания через них других предметов, явлений и сущностей.

Метафорические когнитивные образы расширяют образное содержание концепта и все когнитивное содержание концепта в целом, становясь неотъемлемой частью содержания концепта. Вместе с первичными образами вторичные когнитивные образы формируют образный макрокомпонент концепта как единицы УПК, выступающий как функциональная основа существования концепта как единицы мышления.

Первичные и вторичные образы допускают и более детальную классификацию.

Первичные перцептивные образы бывают двух видов — детализированные и обобщенные.

Детализированный первичный образ — это максимально детальный, предельно конкретизированный с точки зрения содержания образ, описанный в эксперименте испытуемыми с точки зрения его содержания.

При этом выделяются:

конкретные образы-признаки — описание отдельных характерных чувственно воспринимаемых признаков предмета, например:

ВЕЖЛИВОСТЬ – культурно обращается, не говорит грубых слов, в начищенной обуви, не повышает голоса, не кричит, пропустит вперед, уступает место, не перебивает других, не оговаривается, пожалуйста, приветствие, уступать место пожилому человеку, не повышать голоса на старших, не перебивать, обращение в уважительной форме, аккуратный в одежде, опрятный, общение без упреков, не употребляет грубые слова, приветливый, спокойный, доброжелательный, обходительный, опрятно одевается, говорит «спасибо» и «до свидания», извиняется, здороваются, говорит комплименты, красивый, симпатичный, приятной внешности; общение без упреков, не нарушает норм общения, не перебивает других, не оговаривается, улыбается, спасибо, здравствуйте, комплимент, пожалуйста, улыбка, реверанс, поклон и др.

ЖЕНЩИНА – красивая, молодая, в белом, готовит пищу, говорит лишнее, занимается стиркой, занимается уборкой, слабая, носит сумки, злая, изящная, полная, накрашенная, сильная, элегантная, активная, стройная, красивые ноги, юбка, лифчик, туфли на шпильках, платье, в платке, в черном, в голубом, в красном, в неглиже, высокая, грудастая, красивые глаза; полная, статная, с крутыми бедрами, веселая, говорит быстро, громко, проворная, улыбчивая, ласковая, аромат, французские духи и под.

КУЛЬТУРНЫЙ – когда ученик не выкрикивает с места, а поднимает руку; умеющий поддерживать разговор на любую тему, не использует нецензурных выражений, не бросает бумажки на газон, не дерется, не сквернословит, умеет скрывать то, о чем думает; посещает театры и кино, всегда здороваются, ходит в начищенной обуви, не грубит, не хамит, не выражается некультурно, не обидит женщину, никогда не ударит другого человека, не плюется, галстук, пиджак, смокинг, фрак, хорошо обращается, диплом, институт, музей, выставка, кино, клуб, парк, книга, стихи, любит читать и т.д.

БЫТ – дом, кухня, жилье, квартира, комната, изба, двор, общежитие, кровать, стул, диван, стол, мягкий уголок, шкаф, кастрюли, кастрюля, нож, чайник, инструменты хозяйственные, орудия труда; холодильник, пылесос, бытовая техника, бытовые приборы, домашние приборы, музыка, телевизор, телефон, техника, техника, которая необходима дома, техника, которая нужна в доме, уют, часы, электричество; ковер, цветы, корова, кролики, поросенок, сено, веник, каждодневная уборка, мусор, мусорное ведро, навести порядок, белье, ванна, вода, порошок, уют, веселые песни, культура, народ, народов, обычаи, русская печь, старина, работа на участке, уборка, уход за садом и т.д.

и конкретные образы-прототипы – описывающие комплексный образ индивидуализированного прототипа носителя данных признаков:

ЖЕНЩИНА – Пугачева, Мадонна, Елизавета, Екатерина Вторая, Дашкова, Диана, Хакамада, Монро, Клара Лучко, Татьяна Ларина, Наташа Ростова, Ева, Афродита, Венера, Елена Прекрасная, Горгона, моя, родная, сноха, свекровь, сестра, коллега, начальник, золовка, сожительница, дочь, бабушка, теща и под.

ВЕЖЛИВОСТЬ – Анна Михайловна, кот Леопольд, Елена Викторовна, Гордон и др.

КУЛЬТУРНЫЙ – Миша, ученик моего класса, Чехов, я .

БЫТ – кухня, еда, кастрюли, рынок, мытье посуды, стирка, уборка, ремонт.

Обобщенный перцептивный образ – это чувственный образ, требующий конкретизации; это образ более высокой степени абстракции. В экспериментах он испытуемыми не описывается, а только называется образным словом, которое отсылает к обобщенному комплексному перцептивному образу, который, несомненно, имеется в сознании носителя языка, но не сформулирован им – именно в силу его обобщенности, что и создает для испытуемого как носителя языка трудности в его «внутреннем анализе» и вербальной экспликации в эксперименте. Подобный обобщенный образ может быть предложен испытуемым для дальнейшей конкретизации с помощью наводящих вопросов, и тогда он может быть (частично) описан.

Выделяются:

обобщенный образ-признак:

КУЛЬТУРНЫЙ – соблюдает нормы поведения, умеет общаться, красиво одевается, обладает чувством юмора, опрятный, сдержанный., вежливый, цивилизованный, правильный лексикон, этикет, интеллигентный, правильно говорит, цивилизованный, вежливый, соблюдает нормы поведения, красиво говорит, без вредных привычек и под.

БЫТ – уют, чистота, комфорт, обустроенность жизни людей, семейный уют, удобство, неустроенность, однообразие, скука, нехватка денег; русский, современный, мебель, посуда, техника; домашний, семейный, общественный; школьный, крестьянский; сельский, городской и др.

ВЕЖЛИВОСТЬ – соблюдение правил поведения, соблюдение этикетных норм, умение культурно общаться, умение правильно общаться, нормы общения, умение спорить, сдержанность в проявлении эмоций, умение владеть собой, употребление вежливых слов, здороваться, употребление располагающих к себе слов, не оскорблять окружающих, не ругаться, употребление уместных выражений, соблюдает правила хорошего тона, умеет выслушать, умеет отказать и др.

ЖЕНЩИНА – занимается хозяйством, простая.

и обобщенный образ-прототип, отнесение к среднему уровню категоризации:

ЖЕНЩИНА – актриса, воспитатель, повар, врач, учитель, домохозяйка, медсестра, психолог, англичанка, блондинка, француженка, директор, спортсменка, юрист, рукодельница.

БЫТ — хозяйство, вещи, домашняя обстановка, скарб, хлам; домашние дела, работа по дому, домашние заботы, домашние хлопоты, жизнедеятельность, семья, дети, муж, родители, семейная обстановка, работа, повседневные занятия, жизнь и др.

КУЛЬТУРНЫЙ — учитель, профессор, поэт, академик, дипломат, отличник, педагог, президент, преподаватель, ученый, директор, женщина, начальник, продавец, специалист, чиновник и др.

ВЕЖЛИВОСТЬ — пожилой.

Еще раз подчеркнем, что обобщенный образ может быть конкретизирован путем дополнительных вопросов испытуемым:

вежливый — что делает,

умеет общаться — что делает, как говорит,

соблюдает нормы поведения — какие, что делает, чего не делает и т.д.

Вторичные перцептивные образы

Вторичными перцептивными образами являются образы, имеющие перцептивную природу, но основывающиеся на мысленном уподоблении одного предмета или явления другому через уже познанное с целью познания (когниции) и характеристики нового предмета или явления. Поэтому такие образы называют когнитивными (другое название — когнитивные метафоры).

Часто когнитивные образы трудно вербально описать — хотя мы этот образ прекрасно понимаем (*барашки* туч, *огоньки* цветов, *вихрь* комплиментов и под.). Трудность словесного формулирования содержания подобных образов — доказательство их комплексного характера и подтверждение их невербальности.

Например:

ВЕЖЛИВОСТЬ — свежесть, тепло, цветок.

ЖЕНЩИНА — кошка, львица, тигра, лиса, лебедь, курица, сорока, цыпочка, змея, гадюка, цветок, роза, яблоко (является символом первородного греха, в котором обвиняется женщина), ураган, землетрясение, тепло, мягкая, вкусная и др.

КУЛЬТУРНЫЙ — праздник, чистота, античность, нравственность.

БЫТ — тепло, домострой, черный, лодка любви разбилась о быт.

Необходимо подчеркнуть, что семантические и лингвокогнитивные исследования образности в значении и концепте описывают содержание чувственных образов в весьма ограниченном объеме. В основном они сообщают о наличии образа, устанавливают тип образа — зрительный, акустический, вкусовой, тактильный, двигательный и т.д., и указывают

(именно указывают, а не характеризуют!) на некоторые выявляющиеся в данной ситуации актуализации образа признаки, но не описывают полностью содержания этого образа.

Описание содержания конкретного образа в отдельном значении или концепте в рамках названных наук неизбежно оказывается весьма ограниченным, так как:

чувственный образ индивидуален, необходимо описание многочисленных индивидуальных образов, чтобы вывести некий усредненный чувственный образ;

для исследования содержания образа необходимы утонченные психологические, психолингвистические, нейролингвистические методы;

разные экспериментальные процедуры удовлетворительно описывают разные стороны образа;

испытуемые обладают разными способностями, возможностями и разным желанием вербализовать образ, в результате чего в экспериментах описываются зафиксированными (отраженными) иногда довольно произвольные стороны образа;

образ всегда сложнее и объемнее любого его описания, которое неизбежно носит частичный характер, поскольку конкретные ощущаемые признаки образа далеко не всегда могут быть вербализованы при помощи языка (или для этого нет слов, или говорящий не в состоянии эти слова подобрать);

один и тот же образ, названный разными людьми одинаково (например, Москва – Кремль, Красная площадь, Мавзолей и под.) в действительности никогда не одинаков, так как его чувственные составляющие будут неизбежно различаться у разных людей – Кремль, Красную площадь, Мавзолей каждый видел в разное время, разных точек зрения, помнит с разной степенью полноты, выделяет разные детали и подробности и т.д.

Таким образом, полное описание содержания образа значения или концепта – особая задача, которая может быть решена только комплексом наук и научных методов и должна являться специальной целью исследования.

В заключение необходимо отметить, что образы могут существенно различаться по уровню обобщенности. Это хорошо описывают И.Н.Горелов и В.Енгальчев:

«Значит, слова нашего языка, как и всякого другого, как бы «неравноправны»: одни связаны с элементарным уровнем ощущений и восприятий, другие — со средними уровнями абстракций от первых, третьи — с уровнем наиболее абстрактных схем.

Если мы представим себе «память слов языка» как участок коры головного мозга, где каждому слову внешнего языка соответствуют нейронные (химико-физиологические) свойства, то значения этих слов — результат возбуждения других нейронов и их свойств, нейронов, ответственных за зрительные, слуховые, вкусовые и прочие ощущения и

представления. Чем «абстрактнее» слово, то есть чем абстрактнее значение слова, тем обобщеннее схема возбуждения нейронов-значений.

Грубо говоря: данный «стул» (тот, который я вижу) — это связь нейронного аналога звуковой формы «стул» с нейронным «кусочком», который отражает реальный стул-вещь. Если же я говорю «вообще стул», «любой стул», то возбуждается другой нейронный «кусочек», находящийся поблизости от первого, — не конкретный стул, а «стулья вообще». Если я говорю «мебель», то значение слова — это нейронная обобщенная схема, объединяющая такие следы в памяти, где запечатлены и «стулья вообще», и «шкафы вообще», и «столы любые», и «торшеры всякие». А значение «обыденная обстановка ежедневной жизни» — это уже совсем широкая схема, куда входят образные схемы от мебели, еды, одежды, людей и пр.» (Горелов, Енгальчев 1991, с.222).

Итак, образ является макрокомпонентом концепта, наряду с рефлексивным макрокомпонентом; он выступает как функциональная база концепта и единица УПК.

3.4.4. Проблема индивидуальности- /обобщенности образа

Представление любого человека о конкретном предмете, называемом словом, индивидуально; но в индивидуальном представлении есть некоторая часть, общая для всех говорящих, и эта часть наиндивидуальна.

Образ-представление есть единство общего и индивидуального, общего и единичного: «представление выполняет функцию обобщения...; в то же время в силу непосредственности представления всегда несут на себе печать своеобразия индивидуального опыта. ... В основе представления лежит чувственно-образная модель, соединяющая в себе чувственно-непосредственный и абстрактно-всеобщий моменты индивидуального знания. Такая модель является посредником между непосредственно-индивидуальным восприятием объектов действительности и их понятийной сущностью» (Философская энциклопедия, т. 4, с. 359).

«Ощущения, получаемые от отдельных предметов, содержат в себе знание общего, так как общее и в природе, и в ощущении всегда существует через отдельное. Однако пока мы ограничиваемся чувственным познанием, знание общего слито со знанием единичного. Отделить общее и познать его в «чистом» виде может только разум» (Руткевич 1973, с. 222).

Образ в концепте подвергается влиянию как индивидуальных представлений носителей языка, так и рефлексивных процессов, логического осмысления предмета или явления.

Образ как достояние группового или национального сознания включает наиболее характерные внешние, чувственно воспринимаемые особенности предмета, например *часы* – циферблат, стрелки, характерный звук и т.д.

Эти элементы уже содержат в себе обобщение, являясь отвлечением от менее выделяющихся, менее заметных признаков. С другой стороны, сознанию человека с его высокоразвитым абстрактным мышлением свойственно «рационализировать» чувственное познание. Чувственные данные, получаемые человеком, обязательно подвергаются в той или иной степени логической обработке, упорядочению, поступают в упорядоченную систему наших знаний. По мере накопления информации об объекте, получения эмпирических данных о нем происходит как углубление и расширение образа, так и повышение уровня его абстрактности – например, в случае с образованием образа-схемы, образа-плана, образа-модели.

Образ предмета складывается из отражения отдельных сторон предмета, поддающихся чувственному восприятию. Внешне воспринимаемые признаки предмета могут быть отражены в концепте не только в чувственной, но и в рациональной форме – они могут быть рационально осмыслены, отрефлексированы, т.е. обобщены.

Многие чувственно-воспринимаемые признаки стали рефлексивными – крупный, широкий, тяжелый, высокий и т.д.

Образы могут быть сугубо индивидуальными – город – *мой*, муж – *Леша* и под., но если чувственный образ выявляется как групповой, совпадающий у группы испытуемых (ср., например, образы, выявляемые некоторыми частотными ассоциативными реакциями в ходе свободного ассоциативного эксперимента: береза – *белая*, пустыня – *песок*, цветок – *ромашка*, *роза* и т.д.), то этот образ уже можно рассматривать как факт концептосферы народа, как относительно стандартизованный образ, обработанный и «признанный» национальным сознанием. При этом большая часть образа в любом случае остается в сфере индивидуального в концепте.

3.4.5. Актуализация концептуального образа в употреблении слова

Образ как компонент концепта актуализируется в мыслительных процессах – как элемент УПК и в коммуникативном процессе – как компонент семантики слова, использованного для номинации концепта.

В речевом процессе концептуальный образ выступает как образный компонент значения, а степень и яркость его актуализации может быть различной, как у любого семантического компонента – в зависимости от коммуникативной ситуации, контекста употребления, коммуникативной задачи и т.д.

Мы далеко не всегда замечаем участие наглядных образов в речемыслительных процессах. Это связано с двумя факторами.

Во-первых, с действием явления отрицательной индукции – более сильные компоненты возбужденной структуры подавляют более слабые

элементы; более сильные второсигнальные раздражители тормозят процессы актуализации наглядных образов.

Во-вторых, аналогично другим компонентам значения эмпирический компонент может быть актуализован в акте речи, а может остаться нереализованным, в зависимости от цели употребления знака. Так, сказав «Дай мне отвертку!», мы связываем со словом *отвертка* ее образ, не размышляя о ее отличительных свойствах, устройстве, назначении (хотя и знаем все это) – денотативный компонент значения не актуализован.

Другое дело, если нас попросили объяснить разницу между отверткой и, скажем, стамеской: отвертка – «инструмент для ввинчивания и вывинчивания шурупов», стамеска – «столярный инструмент со стальным, плоским, заостренным на конце клинком». При обсуждении различий будут использованы денотативные признаки, образный же компонент останется в тени.

Образ может в определенных ситуациях играть решающую роль в восприятии слова. Ср.: (охотник ждал зайца и пропустил рысь). «Но если бы я вспомнил короткое слово «рысь», это заставило бы меня иначе смотреть перед собой. Я бы искал глазами не качающуюся тень скачущего зайца, а стелющуюся, переливающуюся тень ползущей, крадущейся кошки. И это короткое рычащее слово очень легко тогда могло бы превратиться в пушистую рыжую шкуру» (В. Бианки)

Именно образные компоненты значений конкретных слов осуществляют в повседневном мышлении и общении дифференциацию предметов, указывая на их внешние, поверхностные признаки, минуя обращение к их содержательной, сущностной характеристике.

В акте речи актуализации эмпирических признаков значения бывает вполне достаточно для достижения коммуникативной цели. Б.А. Серебренников писал: «Вполне достаточно для установления темы разговора, если при произношении слова «корабль» в голове собеседника возникает представление об общих контурах корабля и эти контуры будут ассоциированы с морем» (Языковая номинация. Общие вопросы 1977, с. 160).

По выражению С.Д. Кацнельсона (Кацнельсон 1972, с. 137), носитель языка предпочитает не использовать денотативное содержание слова при наличии в нем эмпирического компонента, как он не станет использовать огнетушитель для погашения спички.

Нет сомнений, что образный компонент семантики слова представляет собой определенный *набор* чувственных признаков, то есть имеет свою структуру. В акте речи могут обнаруживаться разные компоненты этого образа – представления о форме, вкусе, цвете, характерных деталях, весе, высоте, ширине предметов, их типичных действиях и т.д. Актуализация этих признаков, как и любых компонентов значения слова, определяется коммуникативной задачей, ситуацией конкретного речевого акта, в котором употреблено то или иное слово.

Отдельные признаки образного компонента значения могут усиливаться под влиянием коммуникативной задачи. Усиливаются при этом всегда те признаки, которые оказываются в рамках соответствующего коммуникативно релевантного денотативного признака, независимо от того, выступает ли он как автономный или в составе конкретной семы. При этом если актуализируется автономный семантический признак, то соответствующий актуализируемый чувственный признак выступает как чувственно-эмпирический семный конкретизатор.

Например: *кисточки ресниц* – актуализируется автономный семантический признак «внешние очертания» и чувственный образ – внешние очертания кисточки. Если же актуализируется сема с концептуально-чувственным конкретизатором, то чувственный признак дублирует соответствующую сему, чувственно конкретизирует ее, например: *он стиснул ее жердями рук* – актуализируются семы «тонкие», «длинные» и соответствующий чувственный образ жерди, в котором усилены образные компоненты длины и толщины.

Часто актуализация чувственного компонента значения наблюдается в художественном тексте. И.С. Куликова (1976) указывает на ряд условий актуализации чувственного представления в структуре значения в условиях художественного текста: конкретизация слова (отнесение к единичному предмету), описательный характер текста, особая структура текста (необходимо, чтобы слово было центром описания или одной из образных конкретизирующих деталей), наличие сильных видовых актуализаторов (детализация путем названия видов).

При актуализации образного компонента значения может быть усилен какой-нибудь один признак образа – если коммуникативно релевантным окажется только один денотативный семантический признак, например: *кровь ягод, золото волос* – цвет, *фигура-рюмочка, кирпичи снега, башенки салфеток* – внешние очертания, *гора книг* – габариты и др. Могут быть усилены и сразу несколько чувственных признаков, причем нередко их окончательный набор и количество определить (точнее, вербализовать) бывает весьма затруднительно: *глаза-сливы* – цвет, внешние очертания, размер; *мужик-боровичок* – размер, внешние очертания, толщина, крепость и др.; *водопад волос* – количество, интенсивность, внешние очертания, цвет и др.

Очень многие чувственно-воспринимаемые признаки предметов, входящие в образный компонент концепта, остаются рефлексивно не обобщенными, хотя они, тем не менее, могут актуализироваться в акте речи. Однословное и тем более исчерпывающее описание содержания таких эмпирических признаков на метаязыке, как правило, невозможно, что говорит как раз об их неотрефлексированности в концепте. Ср.: *огоньки земляники, каракуль туч, наперстки татарника* и др. – описание значения существительных, стоящих первыми, невозможно, так как их смысл в данном словоупотреблении составляет комплексный чувственно-наглядный образ. Можно сказать лишь «внешне напоминающие огоньки,

каракуль, наперсток и т.д.», но это является не описанием значения по содержанию, а лишь его перефразированием.

Образный макрокомпонент значения может быть и не актуализован в речи, например: *лопата – это инструмент для копания земли* (или : *лопата - частотное слово в русском языке*), а в других условиях он будет актуализован (*борода лопатой*).

Таким образом, концептуальный образ в условиях вербализации концепта выступает как образный макрокомпонент лексического значения, и его актуализация подчиняется правилам семантической актуализации слова.

3.4.6. Образы и концептуализация действительности в филогенезе

В процессе развития человека как вида развивалось его сознание, постепенно формировались концепты как функциональные единицы мышления, формировался универсальный предметный код как функциональный базис мышления и речи.

Концепт как единица УПК в сознании человека является результатом когниции – познания человеком окружающей действительности.

Формирование концепта есть процесс концептуализации действительности сознанием человека.

Современные научные представления о происхождении человека и формировании его сознания свидетельствуют о том, что концептуализация действительности (формирование концептов в процессе становления сознания человека) сначала проходило стадию образного отражения действительности, а затем стали формироваться рефлексивные признаки концептов.

Е.С.Кубрякова подчеркивает первичность предметных, бытийных концептов в сознании человека и развитие на их базе новых, более абстрактных производных концептов в процессе развития общества и познания:

«Не сомневаясь в том, что у истоков человеческого опыта оказывались концепты, основанные на телесном опыте и обобщающие опыт тела (т.е. его рецепторов, воспринимающих реальность в диапазонах, предписанных биопрограммой человека), полагаем вместе с тем, что с развитием человека подобный опыт выходил далеко за пределы прямого восприятия мира в ситуациях присутствия человека в этих актах и непосредственного его столкновения с тем или иным фрагментом реальности. Из опыта наглядного такой опыт перерастал в нечто большее и гораздо более сложное.

Концептуализация – постоянно продолжающийся процесс как в обществе, так и в индивидуальном сознании. С одной стороны, в силу способности человека к разумным умозаключениям, а с другой в силу развития инструментальных методов в разных фундаментальных науках,

человек неизбежно переходил от прямого созерцания за природой и непосредственных наблюдений над нею к осмыслению непосредственно не наблюдаемого. ... Человек не только обозначал мир, но и описывал его. В таких описаниях рождались новые концепты... Их появление – это результат аргументации языковой, следствие дискурсивной деятельности человека, о которой можно говорить как о деятельности речемыслительной, да еще осуществляемой в совершенно определенных исторических, культурологических и особенно прагматических условиях. В этих ситуациях концепты возникают в условиях их номинального определения» (Кубрякова 2004, с.16).

«Локк был прав, когда говорил, что ничто не попадет в интеллект, не проходя через область сенсорики», подчеркивал Н.И.Жинкин (Жинкин 1982, с.63)

Когниция есть принципиальное единство перцептуального и рационального: «Термин когниция относится ко всем процессам, в ходе которых сенсорные данные, выступающие в качестве сигналов информации, данные «на входе», трансформируются, поступая для их переработки центральной нервной системой, мозгом, преобразуются в виде ментальных репрезентаций разного типа (образов, пропозиций, фреймов, скриптов, сценариев и т.п.) и удерживаются при необходимости в памяти человека с тем, чтобы их можно было извлечь и снова пустить в работу. В качестве когнитивных (когнииции) рассматриваются не только процессы «высшего порядка» – мышление и речь, – но и процессы перцептуального, сенсомоторного опыта, происходящего в актах простого соприкосновения с миром» (Кубрякова Словарь 1996, с.81ссылка на: Schwarz 1992, с.12-13).

Наиболее важную роль в концептуализации действительности сознанием человека играл и играет зрительный канал восприятия информации. Известно, что 90% информации о внешнем мире поступает к нам через глаза (В.Д.Глезер 1985; цит. по: Горелов, Енгальчев 1991, с. 217).

И.Н.Горелов и В.Енгальчев справедливо подчеркивают, что «видовая биологическая приспособленность к получению информации через зрение (вспомним — 90 процентов!) не может быть эффективно заменена чем-то другим в столь краткий эволюционный период, который составляет наша история цивилизации» (Горелов, Енгальчев 1991, с.219)

Концептуализация – это процесс образования и формирования концептов в сознании (Болдырев 2004), осмысление новой информации, ведущей к образованию концепта (Кубрякова Словарь 1996, с. 93 - 94).

Сознание человека, выделив в объективной или субъективной (мысленной) действительности некоторую отдельную область, сферу, осмысляет ее, выделяя ее отличительные признаки и подводя ее под определенный класс явлений. Это и является концептуализацией. Результат концептуализации – концепт, мысленное отражение выделенных

признаков предмета объективной или субъективной реальности, то есть той сферой, которая нашла в концепте ментальное отражение.

Концептуализация того или иного явления – длительный и сложный процесс как в онтогенезе, так и в филогенезе.

Представляется, что концепты в процессе становления человека как вида формируются в его сознании по крайней мере из следующих источников:

1. из его непосредственного сенсорного опыта – восприятия действительности органами чувств;
2. из непосредственных операций человека с предметами, из его предметной деятельности;
3. из мыслительных операций человека с другими, уже существующими в его сознании концептами – такие операции могут привести к возникновению новых концептов; Г.Г.Слышкин называет их метаконцептами (Слышкин 2005);
4. из языкового общения (концепт может быть сообщен, разъяснен, предложен человеку в языковой форме, например, в процессе обучения, в образовательном процессе – ребенок все время спрашивает, что значит то или иное слово или для чего тот или иной предмет;
5. из самостоятельного познания человеком значений языковых единиц, усваиваемых в процессе жизни или обучения (взрослый человек смотрит толкование неизвестного для него слова в общем или терминологическом словаре и через него знакомится с соответствующим концептом).

Язык, таким образом, выступает лишь одним из способов формирования концептов в сознании человека. Длительный период безязыкового эволюционного развития человека был периодом концептуального развития человека, формирования его концептов на сенсорной основе.

И для современного человека, для эффективного формирования концепта в его сознании только одного языка мало – необходимо обязательное привлечение чувственного опыта (*лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать*), необходима наглядность (что отчетливо проявляется в процессе обучения), необходима предметная деятельность с той или иной вещью, практический сенсомоторный опыт. Только в таком сочетании разных видов познания действительности формируется полноценный концепт в сознании человека в единстве образной и рефлексивной составляющих.

Образная основа концепта как базы единицы УПК, носит всегда индивидуально-перцептивный характер, поскольку формируется на базе личного чувственного опыта человека. Первичный образ, лежащий в основе концепта и становящийся впоследствии единицей УПК, сродни представлению, знаку в концепции А.А.Потебни. Эти образы конкретны и, в общем, случайны – часто они отражают первое впечатление о том или ином предмете или явлении, либо основаны на опыте взаимодействия с предметом, который получил человек в тот или иной момент своей жизни.

К примеру, концепт *университет* кодируется у одного выпускника университета образом тяжелой входной двери, которую надо было открывать, у другого – дверью кафедры, у третьего – видом длинного извилистого коридора, у четвертого – образом аудитории, где проходило большинство лекций, у пятого – общим видом здания с той стороны, с которой он обычно подходил к нему от остановки транспорта и т.д.

Образ, кодирующий концепт и превращающий его в единицу УПК, может быть несущественным для данного концепта именно в силу его сугубо личной, индивидуальной природы, но, тем не менее, он выполняет кодирующие, знаковые функции для концепта в целом.

Итак, концепт рождается как чувственный образ, но, появившись в сознании человека, этот образ способен продвигаться по ступеням абстракции. С увеличением количества закрепленных концептом признаков, с возрастанием уровня абстрактности концепт постепенно эволюционирует от чувственного образа к собственно мыслительному, рефлексивному.

Вместе с тем, тот общеизвестный факт, что любую абстракцию, чтобы ее поняли, надо объяснять на примере, свидетельствует об образной природе (основе) любого концепта. Об этом же свидетельствуют многочисленные когнитивные метафоры, формирующие образный компонент многих абстрактных концептов.

Жизненный опыт человека постоянно обогащает содержание концептов, которые составляют его концептосферу, причем обогащается как образный компонент концепта (съездив на море, человек обогащает прежде всего чувственное содержание своего концепта «море», увидев пожар, человек обогащает в первую очередь именно чувственное содержание концепта «пожар»). Рефлексия может прийти позднее: человек осмысляет, пополняет или переосмысляет полученные им дополнительные сведения о море, пожарах.

В процессе исторического развития вся концептосфера человека также претерпевают изменения. Многие концепты исчезают в ходе развития общественной жизни – например, русский концепт *местничество*, который играл большую роль в жизни российского общества и государства в 16-17 вв., научный концепт *эфир*.

В.И.Карасик вводит понятие *угасание концепта* – например, угасает в русской концептосфере концепт *кротость*, концепты *гнедой*, *каурый*, *буланный*, *вороной* (Карасик 2004 с.122, 135).

Многие концепты претерпевают изменения в условиях развития и эволюции человеческого общества (ср., например, движение признаков в концепте БЫТ, выявленное А.В.Рудаковой в русском сознании (Рудакова 2003). Одновременно возникают новые концепты.

Процесс филогенеза в принципе предполагает концептуализацию действительности в направлении от образного к рациональному.

На начальном этапе развития человеческого общества концептуальная система древнего человека была преимущественно перцептивной по

своему характеру и содержанию, и возникавшие слова именовали именно концепты - чувственные образы, и лишь на более поздних этапах к этим образам стали присоединяться признаки, формирующиеся в результате рефлексивной деятельности человеческого мозга.

Из сказанного однозначно следует, что язык не является неперменным и обязательным условием концептуализации действительности сознанием человека, он не обязателен для формирования концептов в процессе филогенеза.

Е.С.Кубрякова предлагает различать в связи с этим концепты, связанные и не связанные с языком:

- «первичные» концепты, возникшие путем обобщения информации еще на довербальном уровне развития человека; это простейшие репрезентации, сложившиеся, в основном, в актах непосредственного восприятия мира, и отражающие перцептуальный опыт этого человека; в формирующемся языке они формируются первыми;

- невербальные (точнее «невербализованные», так как все концепты невербальны - И.С.) концепты, часть которых в естественном языке так и не реализуется (по-видимому, в силу неактуальности для говорящих);

- как «первичные», так и позднее вербализованные концепты, начинающие служить базой для образования новых концептуальных структур, соответствующих неким воображаемым, гипотетическим и /или абстрактным сущностям, созданным их языковыми (знаковыми) определениями, ср. Павиленис 1983, особ. с.101 и далее» (Кубрякова Словарь 1996, с.24).

При этом связь формирования концептов с языком не исключается – на завершающих этапах филогенеза языковые знаки могут использоваться для формирования в сознании новых – абстрактных, фантазийных концептов. «Когниция неразрывно связана с языком не потому, что она обязательно протекает в языковой форме, но потому, что мы можем рассуждать о ней только с помощью языка; точно так же не обязательно считать, что все результаты когниции обладают языковой формой – все артефакты можно считать ее итогом, но с появлением языка и с возможностью передачи опыта с его помощью жизнь человека и его когниция радикально изменились по своему характеру» (Кубрякова Словарь 1996, с.83).

Итак, образы, рассматриваемые с точки зрения их роли в филогенезе и концептуализации мира:

- обеспечивают первичный уровень концептуализации действительности в филогенезе,

- формируют функциональную базу, основу концепта как единицы мышления;

- выступают как функциональная основа мышления, формируя единицы УПК;

- создают когнитивную базу для формирования рефлексивного слоя сознания и абстрактного мышления в целом.

3.4.7. Формирование образа как компонента концепта в онтогенезе

В онтогенезе ребенок концептуализирует действительность постепенно, поэтапно, его концепты по содержанию и структуре существенно отличаются от концептов взрослого и сильно изменяются с его развитием и взрослением, что показано в экспериментальных исследованиях развития концептов и усвоения значений слов детьми разного возраста (Гришук 1999, 2002, 2005, Лемяскина 1999, 2000, 2004, Чернышова 2001, Чернышова, Стернин 2004 и др.).

Роль чувственно-образного слоя сознания в формировании мышления и речи ребенка исключительно велика: «...постепенно завоевывает позиции тот взгляд, что до языка (в онтогенезе) у человека «предсуществует» некоторая концептуальная система; а язык как система знаков образуется на основе и во взаимодействии с этой предсуществующей и далее развивающейся системой» (Кубрякова, Демьянков 2007, с.23).

«Детям доступно делать концептуальное разграничение понятий до того, как они смогут отразить это в языке (Clark & Clark 1977, с. 489)» (Залевская 2005, с.116).

Дети начинают осмысливать действительность перцептивно, с конкретных предметов. Этот перцептивный уровень сознания у них первый, основной, и лишь в подростковом возрасте он начинает дополняться рефлексивным слоем. Формирование концепта в онтогенезе в норме идет от образного, чувственного содержания к более абстрактному, рефлексивному. У маленького ребенка концепты на начальном этапе его развития практически равны образам формирующегося универсального предметного кода, концепт обычно равен конкретному чувственному образу, и только впоследствии эти образы начинают «обрастать» рефлексивными когнитивными признаками, возникают новые компоненты концепта, углубляется и расширяется его содержание, формируется структура.

Маленький ребенок сначала мамой называет только свою маму и лезет драться, когда кто-то называет мамой другую женщину: концепт *мама* для него пока – только его личная мама. Для ребенка *Джерри, собака, колли* и *животное* – все эти слова репрезентируют один чувственный концепт – образ собственной собаки. Впоследствии каждая из названных лексем будет представлять разные, хотя и связанные между собой концепты.

Таким образом, в онтогенезе чувственный образ сначала выступает как конкретное чувственное содержание концепта, а затем становится средством кодирования концепта, содержащего рефлексивные признаки. Однако у когнитивно, интеллектуально неразвитых людей, малообразованных, просто нелюбопытных большинство концептов, видимо, мало чем отличается от чистого образа, рефлексивное

содержание концептов у них может составлять исчезающе малую величину.

Следует иметь в виду, что и у взрослого человека многие концепты в любом случае сохраняют преимущественно чувственный характер — например, концепты *кислый, сладкий, соленый, гладкий, шероховатый* и под., а также такие «бытовые» как *окуроч, яма, лужа, ложка, вилка, тарелка, чашка, стол, стул* и под. Соответствующие концепты отражают чисто чувственное знание о предмете, которого для операционального мышления об этих предметах и оперирования с ними в практической деятельности вполне достаточно. Содержание таких концептов в общении людей, в обучении языку раскрывается преимущественно остенсивно: через демонстрацию предмета или явления (*кислый — это лимон, попробуй*; *яма — это вот то, что сейчас перед нами* и т.д.). Если легче показать, продемонстрировать предмет или явление, чем объяснить, что это такое — значит, с высокой долей вероятности можно предположить, что соответствующий концепт носит преимущественно чувственно-образный характер, его образное ядро яркое и занимает основной объем содержания концепта.

Рассмотрим несколько наиболее известных подходов к соотношению образного и рефлексивного слоев мышления в процессе онтогенеза.

Л.С. Выготский полагал, что в развитии мышления есть доречевая стадия, а в развитии речи — доинтеллектуальная. По Л.С. Выготскому, у ребенка сначала формируются в сознании чувственные синкреты (малоупорядоченные "кучи"), потом комплексы — обобщения однородных предметов и т.д., и уже потом — понятия (Кубрякова Словарь 1996, с.45).

Е.И. Исенина рассматривает интеллектуальное и речевое развитие ребенка от мышления ребенка от 2 мес. до 2 лет. Исследовательница отмечает, что, согласно опытам В.Келлера, у ребенка в 9-12 месяцев появляются навыки употребления орудий, хотя речь еще не оформлена. А первая фаза развития речи — крик, лепет — не связана с развитием мышления (Исенина 1983, с.20).

По мнению Е.И. Исениной, сначала у ребенка возникают синкретические образы — сходные по впечатлению, но не связанные друг с другом предметы, потом — мышление в комплексах — на основе фактических связей, открытых в опыте ребенка — ассоциативные комплексы, коллекции, цепные комплексы, диффузные комплексы, псевдопонятия. Третья ступень развития сознания ребенка состоит из трех стадий: абстрагируется группа признаков, возникают потенциальные понятия (привычное слово называет новый предмет), формируются истинные понятия. С конца 1 года формируются операциональные значения, которые неотделимы от структуры действия в сознании ребенка (Исенина 1986, с.18-19).

«Предметное значение — продукт усвоения ребенком социального опыта, воплощенного в сенсорных эталонах. Это промежуточное звено между отражением на уровне сенсорного образа и на уровне вербального

понятия. Предметные значения обобщают связи, свойства и отношения между предметами. Критерий наличия предметных значений — овладение навыками действия с предметами в соответствии с закрепленными за ними функциями» (Исенина 1986, с.19-20). Выводы Е.И.Исениной таковы: «Имеется механизм становления и замены единиц дословесной системы коммуникации и их функций....Существуют определенные закономерности перехода дословесной коммуникации в словесную» (Исенина 1986, с.25).

Н.Х. Швачкин разграничивал наиболее ранние значения, базирующиеся на наглядных обобщениях — по наиболее ярким цветовым признакам, второй этап — зрительно-осознательные признаки, третий этап — общие признаки, отвлеченные от индивидуальных и меняющихся (Швачкин 1964).

А.П.Стеценко защищает идею о целостной структуре значения с вербальными и невербальными компонентами (Стеценко 1983).

Опыты А.Р.Лурии показали, что становление у ребенка функции обозначения предмета словом проходит несколько стадий: этап ориентировочных реакций; этап наглядного восприятия, формирования перцептивного образа предмета; этап предметных действий (манипуляций с предметами), когда выделяется синтезированный комплекс предметных признаков и завершается формирование номинации. Слово на этом этапе не отрывается от предмета, является «частью» предмета, а признаки предмета проецируются на сам предмет (Лурия 1959, с.529).

А.М.Шахнарович в своей книге «Детская речь в зеркале психолингвистики» (Шахнарович 1999) посвящает целую главу роли образа в становлении детской речи («Знак и образ в онтогенезе (лексика)»).

Он отмечает, что примерно с 11 месяцев у ребенка формируются представления, а с 3 лет начинает формироваться *перцептивное действие* — рассматривание незнакомого объекта. От 1 до 2 лет дети не отделяют действия от предмета — они не могут выполнить действия с воображаемым предметом или «заменителем» предмета. В этот период знак языка, взятый со стороны своей чувственной природы, соотносится с такой формой психического отражения как чувственное *представление* (или *образ*).

«С помощью образа устанавливается соответствие (сначала субъективное тождество) реальных свойств и свойств знака языка. Манифестацией установления такого соответствия являются образные связи, устанавливаемые между словами и предметами, формами слов и отношениями предметов, а на более высоком уровне — между предложениями и ситуациями» (Шахнарович 1999, с.7).

«Ребенку не по силам условные связи. ...Ребенок ищет в слове образные элементы, и этот поиск является, по нашему мнению, базой овладения сущностью языкового знака. Основой развития словесного обозначения является объединение в наглядном представлении «чувственного начала» слова и предмета. Возникает связь между физической стороной речи

и материальными свойствами предметов» (там же, с. 8); «Эту связь мы называем образной» (Шахнарович 1999, с.12).

А.М. Шахнарович подчеркивает, что на ранних, низших ступенях психической деятельности «средством ее осуществления является представление (образ) как отражение чувственных качеств предметов» (с.12). «Ребенок ищет в слове буквального отражения действительности...перцептивный образ ребенка отражается в его сознании в виде конкретно-чувственных образов предметов. В виде образа отражается материал языкового знака. Образ предмета сливается с образом звукового обозначения предмета, и на этой основе формируется предметная отнесенность слова, название. ... «Ребенок бессознательно требует, чтобы в слове был живой, осязаемый образ (Чуковский 1970, с.64). ...Поскольку для ребенка предмет и звук связаны, ребенок ищет примерной мотивированности в каждом слове» (Шахнарович 1999, с.13).

Последнее хочу подтвердить конкретным примером. Вспоминаю, как мой племянник в 4 года поранил пилой руку, когда я его учил пилить (мы ставили новогоднюю елку). Я ему сказал: «Не плачь, Олежка. Бабушке скажем, что ты получил производственную травму». Олег сразу перестал плакать и спросил: -А почему производственную, дядя Иосиф? А, потому что я ее сам произвел!»

А.М.Шахнарович выделяет следующие проявления связи слова с образом у ребенка:

1. **Звукоподражания** – ав – собака, му – корова. «Дав название «ав-ав» мягкой игрушечной собачке, ребенок называет так же кусочек меха и вообще все предметы, имеющие сходные внешние черты». Постепенно ребенок называет предметы по их звучанию или сходству с известными предметами – от сигнальной функции речи переходит к сигнификативной: у-у-у – поезд и всякая машина, кия – кошка и всякие меховые предметы, тя-тя – часы и плоские круги и под. Но предмет еще не выделяется из ситуации.

В начале 4-ого года жизни (некоторые полагают, что раньше) ребенок начинает ощущать несоответствие планов выражения и содержания и пытается дифференцировать выражения: модуляция голоса, тембр, ударение, долгота или краткость звука:

у-у-у *громко* – большая машина, *тихо* – маленькая

вав – *громко* – папа, *тихо* – бай-бай

Переход от диффузности к дифференциальному выражению — знаменует появление временных гибридных (двойных) слов:

му-му – корова, *ав-ав* – собака, *бум* – молоток, потом звукоподражание отпадает (Шахнарович 1999, с.15-17).

«Можно выделить такую цепь развития речевой деятельности и предметной деятельности: предметные действия – представление – наименование. Отсюда видно, что представление (образ) стоит между действиями и названиями предметов и способствует развитию номинации. ...Будучи поставлен между предметными действиями (предметами)

и наименованиями, образ служит основой восприятия слов – названий. Основываясь на образных восприятиях слов, дети используют их для названий предметов и явлений, представления о которых у них сформировались» (Там же, с.21).

Псевдопонятия (термин Выготского) – форма комплексного мышления ребенка в общении с взрослыми – это то, что делает возможным понимание ребенка и взрослого при употреблении одних и тех же слов (Выготский 1982, с.382). «Когда ребенок в процессе общения с взрослыми употребляет на специфически детское, образное, а конвенциональное слово, он употребляет его иначе, чем взрослый. Он употребляет эти слова на основе образной связи предмета и формы. Ярким выражением такой связи являются звукоизобразительные слова» (Шахнарович 1999, с.22).

2. Образные слова – «в них непосредственно отражается наглядно-чувственное восприятие предметного мира» (Шахнарович 1999, с.23).

Образные слова входят в более общую категорию *звукоизобразительных* слов (ономатопеи) -мяу-мяу, вау-вау и под. (*звукоподражания*). Образные слова – вторая категория звукоизобразительных слов.

«Образные слова – проявление наглядно-образного мышления, имеющего дело с чувственно воспринимаемыми явлениями. Образные слова служат названием различных зрительно-образных впечатлений (качеств), полученных в результате зрительно-образных восприятий (Исхаков 1952, с.136).

Образные слова, в отличие от звукоподражательных, употребляются для обозначения действующего предмета, характеризуют ситуацию (воспринимаемую ребенком в целом, нерасчленённо). Так, ребенок в 1.4 называл «ми-ми» молоко и всю ситуацию – «питья молока»; ребенок в 1.6 называл “roch” ситуацию «стучание молотком», которая включала и действие, и объект и деятеля» (Шахнарович 1999, с. 24).

Ребенок 1.9 – увидел одного: «Дядя! Дядя! Мале... Маму не...Ту-ту! Машина! Ох! Ох!» – пересказал мамину фразу: *Когда дядя был маленьким, он маму не слушался и попал под машину.*

«Изобразительная речь – проявление наглядно-образного мышления, имеющего дело с чувственно воспринимаемыми предметами. «Для изобразительных слов (образных слов – А.Ш.) нет, например, просто биться, а есть бесчисленное количество всяких способов биться. Для них нет просто падения, есть бесчисленное количество всяких способов падения. Для них нет просто ходьбы, а есть бесчисленное количество всяких способов хождения. Для них нет пребывания в неподвижности, а есть бесчисленное количество всяких способов пребывания в неподвижности (Бубрих 1948, с.89). Ср. 38 способов обозначения видов походки в эве – по данным Д.Вестермана» (Шахнарович 1999, с. 25).

Таким образом, образные слова – это конкретная лексика низшего уровня обобщения.

А.М.Шахнарович подчеркивает, что «...образные слова выражают, в частности, те псевдопонятия, которые свойственны комплексному

мышлению. Образные слова выражают отнесение предмета к тому или иному конкретному комплексу на основе изображения характерных (для ребенка) признаков предмета. ...Итак, изобразительные слова – выражение образной связи означаемого и означающего знака языка, которую «ищет» ребенок и которая характерна для ранних этапов развития речевой деятельности» (там же, с.26). Они – основа псевдопонятий, обеспечивающих понимание ребенка и взрослого: бух-бобо – и все понятно.

Ж. Пиаже выдвигает теорию сенсомоторного интеллекта ребенка.

Принципы работы сенсомоторного интеллекта по Ж.Пиаже: «1. Функция сенсомоторного интеллекта состоит в том, чтобы координировать краткие последовательности восприятий и движений, которые никогда не могут сами по себе привести к образованию представления о целом. 2. Акт сенсомоторного интеллекта направлен лишь на успех действия, не на познание как таковое. Сенсомоторный интеллект является, таким образом, интеллектом просто пережитым, а отнюдь не рефлексивным. 3. Сенсомоторный интеллект работает только на реальном материале, поэтому входящие в него акты ограничены очень коротким расстоянием между субъектом и объектом. Для перехода к понятийному мышлению необходимо осуществить нечто большее. Надо реконструировать целое в новом плане» (Пиаже 1969, с.174-175).

Ж.Пиаже считает, что «способность к абстрактным операциям пробуждается у ребенка к 12 годам. До этого периода ребенок находится во власти сенсомоторного интеллекта, который образует только схему поведения и не достигает ранга инструментов мышления» (Пиаже 1969, с.173). «Конечно, – говорит Пиаже, – сенсомоторный интеллект находится у истоков мышления и будет продолжать воздействовать на него в течение всей жизни через восприятие и практические ситуации» (Там же, с.174) .

А.А.Залевская также указывает на роль образного слоя сознания и за пределами развития ребенка, во взрослой жизни человека:

«Если мы обратимся к исследованиям в области познавательного развития детей, то обнаружится, что в процессе развития представлений ребенка о мире, формирования образа окружающего мира взаимодействуют три основных способа репрезентации знаний: действенный, образный и символический. К тому же «...в интеллектуальной жизни взрослого человека взаимодействие этих всех линий сохраняется, составляя одну из главных ее черт» (Брунер 1971, с. 26), см. также Брунер 1977, с. 308-310. Ср. с результатами Н.Н.Поддьякова (1977), показавшего, что наглядно-действенное мышление выступает не как определенный этап умственного развития ребенка, но и как самостоятельный вид мыслительной деятельности, совершенствующийся на протяжении всей жизни человека)» (Залевская 2005, с.118).

Н.В.Уфимцева исходит из концепции В.П.Зинченко: бытийный слой сознания включает биодинамическую ткань движения и действия и чувственную ткань образа, и на их основе у ребенка развивается рефлексивный слой сознания, включающий значение и смысл.

Она подчеркивает, что «формирование сознания начинается с бытийного слоя, точнее, с биодинамической ткани движения и действия. Как это прекрасно показал Ж.Пиаже (Piajet 1979), появление языка у ребенка подготавливается развитием сенсомоторного интеллекта. Символическая или семиотическая функция формируется в течение второго года жизни ребенка. Язык, по представлению Пиаже, возникает на базе семиотической функции, но является лишь ее частным случаем. Суть символической функции состоит в дифференциации означающих (знаки или символы) и означаемых (объекты или события в виде схем или концептуализированные). Возникновение символической функции знаменует начало формирования рефлексивного слоя сознания... Таким образом, мы видим, что за телом знака (означающим) стоит сложная структура образа сознания, который включает в себе не только рефлексивные знания (значение и смысл), но и биодинамическую ткань живого движения и действия и чувственный образ, возникающий на его основе... Знания, которые стоят за телом знака, формируются в действии с культурным предметом, не сводятся только к вербальным значениям, принадлежат не языку, а культуре и присваиваются конкретным индивидом в процессе аккультурации. Хочется еще раз подчеркнуть, что далеко не все знания, которые стоят за телом знака, овнешняются с помощью языка» (Уфимцева 2007, с. 112).

Образная основа мышления ребенка определяет наиболее привычные и эффективные способы освоения ребенком слов – через их образную семантизацию.

Естественное формирование значений слов в языковом сознании ребенка — когда ребенок видит предмет и слышит, как взрослые их называют: *Возьми сосочку! Съешь ложечку*. Так дети естественным путем усваивают значения слов *соска, ложечка* и др.

Еще один надежный способ семантизации слова — остенсивное определение: демонстрация референта с сообщением слова. Нос — *вот нос, это нос* (указательный жест). Это уже процесс обучения ребенка языку.

Может быть использовано также указание на изображение объекта. Многие из нас, взрослых, как и ребенок, не видели в своей жизни живого зайца, но с детства знают его изображение — по картинкам, мультфильмам, телепередачам, и вряд ли кто ошибется в номинации, увидев в лесу зайца. Аналогичное явление наблюдается со словами *иллюминатор, водолаз, жираф, шарманка, подводная лодка* и т.д.

Можно согласиться с А.А.Ветровым: «Можно, таким образом, утверждать, что языковые единицы с конкретным, чувственным значением

составляют основу успешного использования всех других языковых единиц» (Ветров 1968, с. 134-135).

Таким образом, авторитетные исследователи в сфере онтолингвистики достаточно единодушны в том, что образный слой мышления в развитии ребенка предшествует развитию рефлексивного слоя; что образы достаточно долго составляют основу мышления ребенка, формируя его сенсомоторный интеллект; образы ложатся в основу концептообразования, формируют функциональную базу универсального предметного кода и остаются формой мышления и у взрослого человека; образы составляют основу освоения ребенком семантики языковых знаков.

Заключение

Подводя итог рассмотрению образа в структуре значения и концепта, сформулируем следующие основные положения, которые были аргументированы в нашей книге.

Концепт является функциональной единицей мышления, включающей образный и рефлексивный мегакомпоненты. Концепт — чисто невербальное ментальное образование, для существования и функционирования которого не нужны языковые единицы.

Мышление осуществляется в универсально-предметном коде, который имеет чувственный образно-схемный характер. Мышление представляет собой функционирование универсального предметного кода (И.Н.Горелов). В мыслительном процессе человек оперирует чувственными образами, которые несут и «прикрепленные» к образам рациональные (рефлексивные) знания.

Рефлексивные знания, отраженные в концепте, имеют пропозициональный характер — представляют собой некоторые утверждения о свойствах предмета концептуализации. Чувственный образ концепта также может быть осмыслен пропозиционально — как совокупность утверждений о внешних, чувственно воспринимаемых признаках предмета или явления и как таковой становится рефлексивным по характеру.

Интеллектуальная деятельность на базе УПК осуществляется в лобных долях головного мозга, процесс перекодирования речи на уровень интеллекта и наоборот осуществляется различными областями коры головного мозга.

Единицы универсального предметного кода — это нейрофизиологические единицы, некоторые чувственные образы, схемы, картины, чувственные представления, эмоциональные состояния, которые выполняют кодирующую функцию по отношению к концептам как мыслительным единицам и выступают базой формирования концептов в фило- и онтогенезе.

Выделяются два слоя (уровня) сознания — образный и рефлексивный. Образный и рефлексивный слои сознания в своем единстве обеспечивают осуществление мышления как концептуальной деятельности; при этом именно концепт выступает как функциональная единица, объединяющая оба слоя сознания. Концепт — общая для двух уровней сознания единица мышления, он формируется у человека как чисто образная единица, а потом к образу в процессе предметной и когнитивной деятельности человека постепенно добавляются рефлексивные энциклопедические и интерпретационные признаки.

Рефлексивные признаки отражают опыт социализации человека, результаты его деятельности с предметами и явлениями внешнего мира, результаты умственного обобщения им своего разностороннего опыта. Они добавляются к образным признакам концепта, которые сами также претерпевают изменения в процессе формирования личности человека, его социализации, получения им образования, накопления жизненного опыта — они пополняются, обогащаются, корректируются и становятся более обобщенными.

Концепт обеспечивает функциональное единство конкретного и абстрактного мышления — именно в нем объединяются бытийный и рефлексивный слои сознания и обеспечивается единство процесса мышления.

Образ является кодирующим элементом концепта как единицы универсально-предметного кода. Чувственные образы могут при их обобщении в процессе развития концептов в сознании превращаться в образы высокой степени обобщения — схемы, образные «иероглифы», при этом сохраняя свой чувственный характер.

Образы в концептах не только выполняют кодирующую функцию, но образуют систему знаков универсального предметного кода; в этом коде осуществляется мышление, формирование высказывания, понимание и запоминание.

Концепт в сознании человека может состоять только из чувственного образа, в таком случае кодирующий образ УПК совпадает с содержанием концепта, а может включать и рефлексивные когнитивные признаки — в таком случае концепт имеет чувственно-рациональное содержание. Рефлексивных компонентов в концепте практически нет у ребенка, их может не быть у интеллектуально неразвитого взрослого, у человека, который еще не познал соответствующее явление, просто у нелюбопытного человека — у таких людей преобладает образный, сенсомоторный интеллект (Ж.Пиаже).

Таким образом, любой концепт у любого человека имеет образную основу, но не любой имеет также и рефлексивное содержание.

При формировании концептов как в фило-, так и в онтогенезе формирование образного компонента концепта предшествует формированию его рефлексивного компонента.

Образ и рефлексивные признаки находятся в разных участках нейронных сетей мозга, но в процессе мышления функционируют согласованно. В процессе концептуального мышления, т.е. мышления концептами, могут участвовать и активизироваться как чувственные образы, так и рефлексивное содержание концептов в разном их сочетании — в зависимости от ситуации и цели говорящего.

Речь при ее восприятии носителем языка декодируется в образы универсального предметного кода и, таким образом, говорящий переходит от воспринятой языковой единицы к закодированному этим образом концепту; и наоборот — сформировав мысль в образном коде, говорящий

актуализирует те или иные концепты в необходимом ему объеме когнитивных признаков, а затем подбирает соответствующие словесные выражения из имеющихся в системе языка для этих концептов языковых единиц (либо конструирует новые).

В структуре концепта можно выделить два базовых *мегакомпонента* — образ и рефлексивное содержание. Рефлексивное содержание концепта включает энциклопедическое содержание и интерпретационное поле. Таким образом, можно говорить о трех структурных *макрокомпонентах* (элементах) концепта — образ, энциклопедическое содержание и интерпретационное поле.

Концепт имеет полевую организацию — он организован по принципу ядра и периферии. Отношения между отдельными структурными компонентами концепта и его полевой организацией не симметричны. Макрокомпоненты концепта — образ, энциклопедическое содержание и интерпретационное поле — распределяются по разным полевым участкам концепта, при этом отсутствует жесткая закреплённость структурных компонентов концепта за определенными полевыми зонами — так, энциклопедическое содержание концепта может принадлежать и к ядру, и к ближней периферии, и к другим зонам периферии, а признаки интерпретационного поля могут войти по яркости в ядро концепта и т.д. Образ не обязательно входит в ядро концепта как структуры.

Образ в структуре концептуального знания может быть очень ярким, оттесняя рефлексивное содержание концепта на второй план, а может быть обобщенным и неярким. Возможна градация яркости образов в структуре концептов разных типов.

Все чувственные образы в концептах являются перцептивными — то есть формируемыми органами чувств человека. Они могут быть разных видов и типов. Выделяются: образы-эпизоды и образы-факты, первичные и вторичные образы.

Первичные перцептивные образы, являющиеся прямыми чувственными отражениями в сознании воспринимаемой органами чувств действительности бывают двух видов — детализированные и обобщенные. При этом обобщенные образы даже высокого уровня обобщения не перестают быть по своей сути чувственными образами (ср. образы, отражающие в виде «детских рисунков» концепты *дом, дерево, река, человек, лицо* и под.). Детализированные и обобщенные образы в свою очередь делятся на образы-признаки и образы-прототипы.

Вторичные перцептивные образы — это образы, формируемые метафорическим переосмыслением того или иного когнитивного признака концепта.

Образный макрокомпонент концепта образован совокупностью первичных и вторичных перцептивных образов, может включать как образы-факты, так и образы-эпизоды.

По источнику формирования образов можно говорить об образах — отражениях (первичных перцептивных образах), образах-имагенах

(конструируемых, фантазийных чувственных образах – *кентавр, русалка, снежный человек* имеют чувственный образ) и образах-логогенах (образах звучания или написания слова).

В коммуникативном процессе тот или иной концепт может быть назван языковыми единицами. Языковые единицы «нужны» концепту только в том случае, если он становится предметом обсуждения в какой-либо коммуникативной ситуации.

Совокупность языковых единиц, номинирующих концепт в общении, представляет собой номинативное поле концепта. Каждое слово, номинирующее концепт в конкретной коммуникативной ситуации, своим значением представляет, актуализирует коммуникативно релевантную в данной ситуации часть когнитивных признаков концепта.

Образ как компонент концепта актуализируется в мыслительных процессах, выступая как кодирующий образ единицы УПК, а в речевом процессе – как чувственный компонент семантики слова, использованного для номинации концепта.

В системе языка чувственный образ может быть обнаружен в значениях всех слов. Он есть во всех значениях, поскольку любое слово номинирует тот или иной концепт как единицу мышления, а образ является функциональной основой любого концепта.

Перцептивный эксперимент выявляет чувственный образ в словах всех основных семантических и категориальных разрядов.

Чувственный образ, выявляемый как компонент лексического значения слова – это рационализованное, обобщённое представление. О рационализации образа-представления свидетельствуют выявляемые чувственные образы, отражающие общественные стереотипы; образы, представляющие собой результаты вторичного отражения действительности, где в представлении запечатлён не эмпирически наблюдаемый объект, а его отражение в произведениях художественной культуры, в мифологии и т.п. Рационализация чувственного образа также проявляется в его избирательности, выявляемой в эксперименте: при образном ассоциировании в центре внимания индивида оказываются те реалии, которые наиболее практически востребованы. Частным проявлением избирательности перцептивного образа является его антропоцентризм.

На характер чувственного образа в лексическом значении существенное оказывают особенности лексического и категориального значения слова.

В эксперименте, как и в анализе словарной дефиниции, чувственный образ может выявляться через его прямое описание, а также через сочетаемость лексемы: многие образные реакции вербализуются словосочетаниями, в которые входят исследуемые слова.

Исследование образов как компонентов значений слов показывает, что образы значений слов-синонимов (*смотреть-видеть, работа-дело и др.*) имеют сходные черты, что подтверждает принадлежность этих синонимов

к номинативному полю одного и того же концепта, содержащего этот образ.

Сходство образов обнаруживается и у ряда антонимов (*дать-взять и др.*), что также свидетельствует об их принадлежности к номинативному полю одного и того же концепта, о чувственном сходстве восприятия номинируемых явлений.

Выявлено также образное сходство многих однокоренных слов (*народ-народный, писать-писатель, жить-жизнь и др.*), что свидетельствует и об их принадлежности к номинативному полю одного и того же концепта.

Разные значения многозначного слова содержат разные чувственные образы, что свидетельствует об их принадлежности к номинативным полям разных концептов. Выявление разных чувственных образов в различных случаях употребления одного и того же слова может свидетельствовать о формировании новых значений, еще не отраженных в словарях (*книга, стекло, иметь, мочь и др.*)

Образы – логогены (образы звучания или написания слова) могут быть выявлены у слов любой семантики, но преобладают в абстрактных единицах.

В речи образный компонент значения может быть актуализован, а может быть и не актуализован, как любой компонент семантики слова – в зависимости от коммуникативного задания, контекста, цели коммуникативного акта и проч. Объем и яркость его актуализации может быть различной, как любого семантического компонента. Например:

Это елка, а не сосна – в условиях противопоставления ярко актуализируется чувственный образ дерева -елки, который выполняет в акте речи дифференциальную функцию. Ср.: «Мы, например, знаем различие между елкой и сосной не потому, что можем представить их как совокупности разных признаков или же как разные концептуальные объединения, но скорее потому, что легко их зрительно различаем и что концепты этих деревьев даны прежде всего образно» (Кубрякова Словарь 1996, с.91).

На опушке растут елки – в значении также актуализируется чувственный образ, однако при отсутствии противопоставления он ощущается менее ярко.

Елка – русское слово из 4 букв – чувственный образ елки не актуализируется.

Чувственный компонент значения часто выполняет в речи именно дифференцирующие семантические функции. Например, слова *баян* и *аккордеон* в понимании большинства людей – внешне похожие музыкальные инструменты, но баян – «с кнопками», а аккордеон – «с клавишами»; *плечо* – это «то, что между шеей и рукой» (хотя плечо – до локтя), *клен* – дерево с листьями известной фигурной формы и т.д. В этих примерах чувственный образ является существенной частью значения, и именно он выполняет в актах общения дифференцирующую роль.

Условия и объем актуализации чувственных образов в речи – предмет особого исследования.

Исследование образа как *компонента значения* слова позволяет в рамках семантико-когнитивного анализа языка описать образ как *компонент концепта*.

Образ выявляется анализом семантики единиц номинативного поля концепта и экспериментальными методами. Основными методами изучения образа в значении и концепте являются следующие:

- анализ словарных дефиниций;
- анализ внутренней формы слова;
- анализ сочетаемости слова;
- анализ метафорических значений и употреблений слова.
- свободный ассоциативный эксперимент;
- перцептивный эксперимент.

При этом важно подчеркнуть, что образы, вербализованные в результатах экспериментов, могут испытуемыми *описываться*, а могут только *называться*.

Описание – это перечисление признаков конкретного чувственного образа, например – вежливость – *уступать место старшим, говорить вежливые слова, улыбаться*, женщина — *красивая* и под.

Называние – это использование лексической единицы, имеющей образное содержание, номинирующей некий чувственный образ. Это может быть осуществлено несколькими способами:

использование слова или выражения с яркой внутренней формой, например: вежливость – *вертеть хвостом*;

использование образного слова или словосочетания (предельно конкретное по семантике видовое наименование), которое называет перцептивный образ, отсылает к нему в сознании реципиента, но не раскрывает его конкретного содержания, что может быть сделано в специальном эксперименте (например — вежливость — *здороваться, уступать место, культурно обращаться* и под.;

называние конкретного прототипа (единичного предмета, конкретного референта, обладающего комплексом признаков концепта), например: вежливость – *Анна Михайловна, кот Леопольд, Елена Викторовна, Гордон, мама*.

В любом случае эти номинации с разной степенью полноты и конкретизации сигнализируют о наличии образа в структуре концепта.

Анализ образного компонента слов и концептов дает возможность выйти на ряд общих, если не сказать – глобальных гуманитарных проблем, объяснить многие явления в различных сферах языка, мышления и шире — гуманитарных наук, обсудить проблемы оптимизации некоторых видов языковой и педагогической деятельности.

Риторика и проблема образ и слово

Использование чувственных образов слов заметно повышает эффективность речевого воздействия говорящего на аудиторию.

Образная лексика (*помидоры, огурцы и капуста* вместо *овощи*; *масло, сметана и сало* — вместо *жирные продукты* и под.) существенно повышает воздействие риторического текста на аудиторию — у слушающих возникают чувственные образы, которые облегчают декодирование и запоминание информации, перевод ее в УПК.

Весьма эффективным по той же причине является приведение конкретных примеров, использование любых средств наглядности, схем, таблиц сравнения (особенно гистограмм).

Образность лексики публицистического текста и художественного текста также обеспечивают его *экспрессивность* — выделенность отдельных элементов содержания в потоке речи, что также существенно повышает эффективность воздействия текста.

Эффективность рекламы, электронных СМИ в основном обеспечивается использованием поликодовых сообщений — прежде всего, сочетанием слова и чувственного образа, что резко повышает информативную насыщенность сообщения; одновременное использование разных каналов восприятия — прежде всего зрительного и слухового, на которые приходится 98% воспринимаемой человеком информации, повышает убедительность и запоминаемость сообщения.

Популярность телевидения, кино, эффективность фото -и телерекламы в немалой степени обусловлены именно комплексным характером воздействия слова и образа.

Дидактика и проблема образ и слово

Эффективность дидактики и лингводидактики во многом связана с использованием словесных образов.

Известная трудность объяснения учащимся абстрактного теоретического материала, трудность понимания и запоминания такого материала прежде всего объясняется отсутствием связи данного материала с образным слоем сознания, который обеспечивает понимание, переводя смысл в единицы УПК. В связи с этим особенно важно приводить конкретные примеры, увязывающие сообщаемое с личным чувственным опытом учащихся, использовать метафоры, шире использовать любые средства наглядности — рисунки, изображения, натурные предметы, другие визуальные опоры, схемы, графики, таблицы, блок-схемы и под., что облегчает перекодирование информации в образный УПК, обеспечивает понимание и запоминание информации.

Именно актуализация в используемых словах образного содержания, умелое и своевременное формирование соответствующих образов

в сознании учащихся делает обучение эффективным, а сложную и абстрактную терминологию — понимаемой и запоминаемой.

Использование поликодовых сообщений — произнесенное слово+написанное слово+изображение, образ+музыкальное сопровождение и т.д. в разных сочетаниях — всегда повышает эффективность обучения, облегчает усвоение и запоминание.

Детям не случайно нужны книги с картинками: картинки, визуальные образы облегчают перекодирование вербальной информации в образный УПК, который у них только формируется.

Обучение родному и иностранному языку в игровой форме создает в сознании учащихся образную основу для усвоения значений слов и их сочетаний — языковой форме сопоставляется некая образная перцептивно-моторная ситуация, которая интерпретируется как смысловое содержание данного слова или выражения, и учащийся может быстро начать использовать данное языковое средство в данном виде в данном смысле.

Наглядность облегчает перекодирование — образный слой сознания у действующего человека всегда активирован и учащемуся легче сопоставить воспринимаемые образы с уже имеющимися в его сознании образами УПК или сформировать новый образ.

Известны лексикографические трудности дефинирования конкретных слов в словарях. Преобладание в их значениях чувственного образа делает необходимым и эффективным приведение изобразительных иллюстраций к словарным статьям, что позволит эффективно семантизировать именно чувственный компонент семантики слова.

Иллюстрированные словари — учебные и толковые — необходимы для улучшения знания значений соответствующих слов, увеличения полноты знания значений, для облегчения семантизации слов в процессе изучения родного и особенно иностранного языков.

Наглядные образы необходимы для формирования рефлексивного мышления учащегося — счету учат с помощью палочек, правильному порядку слов — с помощью кубиков и т.д.

Использование образов эффективно для обучения выражения мысли через ситуативные опоры — рассказ по картинке, рассказ с демонстрацией некоторых предметов и т.д.

Дополнение чтения фильмом по произведению также обеспечивает более эффективное усвоение содержания — хотя, разумеется, не может заменить полноценного чтения самого произведения.

Развитие мышления и проблема *образ и слово*

Опираясь на понимание образной основы концепта, мы видим, как формируется мышление, как оно осуществляется, какие этапы проходит в фило-и онотогенезе.

Становится понятным, что существуют разные виды мышления, которые имеют разную основу, но базовым уровнем мышления человека является именно образное.

У разных людей, в разные возрастные периоды их развития, у людей, принадлежащим к разным социальным, профессиональным, гендерным группам могут быть развиты или доминировать разные виды мышления: есть люди с преобладающим сенсомоторным интеллектом (и не только дети), есть — с преобладающим рефлексивным.

Необходимо развивать мышление ребенка, учащегося, студента, специалиста в узкой области, корректировать его мыслительную деятельность.

Становится понятно, что рефлексивному мышлению людей надо целенаправленно учить — обсуждать результаты чувственного восприятия, учить делать выводы, выделять отдельные признаки в предметах и явлениях, классифицировать предметы и явления, задавать вопросы. Необходимо обсуждать с детьми, учащимися прочитанные или воспринятые ими устно тексты, заставлять пересказывать тексты своими словами, делать выводы, сравнивать их содержание с другими текстами.

Комиксы, иллюстрированные книги, фильмы по художественным произведениям позволяют облегчить человеку понимание вербальных текстов, переходя непосредственно к образному УПК, но не приучают человека к анализу текстов, к осмыслению поступающей информации, к развитию рефлексивного мышления.

Воспитание личности и проблема *образ и слово*

Эффективное воспитание в людях нравственных норм, этического и этикетного поведения в обществе требует обращения не столько к вербальному провозглашению норм и наказанию за их несоблюдение, сколько переводу этой информации на бытийный уровень, уровень моторной реализации.

Воспитание не может быть чисто словесным. Оно должно быть прежде всего бытийным — необходимы наглядные перцептивно воспринимаемые примеры (образцы поведения) и репетиции действий, которые соответствуют поведению по правилам и нормам.

Абстракции — правила поведения и морали - надо формировать через конкретное бытийное поведение, через действия, которые бытийно фиксируют проявление правила, то есть сенсомоторно. Объяснять детям моральные концепты надо через образные слова и конкретные примеры-прототипы: *вежливость — это уступать место старшим, говорить вежливые слова, не перебивать и под.; вежливый человек — это, например, Анна Петровна, Сережа, Катя и др.*

От учащихся надо добиваться бытийного правильного поведения и хвалить их за то, что они, например, проявляют вежливость в конкретных вежливых действиях и поступках — *молодец, ты уступил*

место, пропустил вперед, не забыл сказать спасибо, поздоровался со всеми и под.

Надо играть в соблюдение правил поведения, этикета, произнесение вежливых слов и тренировать эти правила на конкретных примерах и ситуациях.

Многолетний опыт преподавания нами предмета «Культура общения» в средних школах Воронежской области это подтверждает – бытийно формировать концепт *вежливость*, заставляя детей в игре или реальной ситуации физически уступать место, повторять слова вежливости, пропускать девочек вперед и т.д. – это реальное и эффективное формирование культурного поведения ребенка.

Психолого-диагностическое значение проблемы *образ и слово*

Наблюдения показывают, что в настоящее время в возрасте 12 лет далеко не все дети завершают этап сенсомоторного интеллекта в своем интеллектуальном развитии. Как представляется, сенсомоторный интеллект, то есть конкретное чувственно-наглядное мышление, доминирует сегодня у все возрастающего числа и взрослых людей, принадлежащих к определенным социально-профессиональным группам, для представителей которых рефлексивный интеллект не является профессионально востребованным. Это люди с низким уровнем образования; люди, занимающиеся исключительно практической деятельностью; нелюбопытные люди, не интересующиеся ничем, кроме своих непосредственных потребностей (таковы, например, многие американцы); представители определенных профессиональных групп — работники исключительно физического труда, неквалифицированные работники, шоферы, строительные рабочие, крестьяне, вахтеры, охранники, в существенной степени – низший и средний состав милиции и военнослужащих и под.

Особо, полагаем, следует выделить в отдельную группу современную молодежь, которую новая социальная действительность и реклама учат «не брать в голову», «жить настоящим» – значительная часть современной молодежи демонстрирует сейчас преимущественно конкретное, прагматическое сенсомоторное мышление: старается «не задумываться» («не париться», на их жаргоне), не обладает историческими знаниями и интересом к ним, старается просто не думать на темы, которые «напрягают».

У носителей сенсомоторного интеллекта концепты в сознании своеобразны.

Концепты образуются в сознании человека постепенно. В сознании ребенка они носят чисто чувственный характер, и концепт у ребенка длительное время равен чувственному образу. Это концепты, которые могут быть названы *протоконцептами* — концептами минимальной степени обобщения без рефлексивных признаков – ср. понятие

псевдопонятий в детской речи (Выготский 1982, с.382; Шахнарович 1999, с.26). Мы полагаем, однако, что префикс *псевдо-* в данном случае нецелесообразен, поскольку концепты в силу их отражательной природы не могут быть *псевдо-*, они всегда являются адекватными для соответствующего этапа развития личности единицами мышления и лишь содержательно видоизменяются в процессе социализации их носителей. Префикс *прото-* представляется нам более правильным для обозначения первичных концептов в сознании ребенка — чисто чувственно-образных концептов без элементов обобщения.

Постепенно чувственный образ обогащается и обобщается — по мере расширения опыта восприятия и познания действительности человеком, к нему присоединяются рефлексивные признаки, знания, отражающие рациональное, рефлексивное познание предмета концептуализации, и *протоконцепт* становится просто *концептом*. Однако у некоторых категорий людей, как показано выше, он может сохранять основные черты протоконцепта или даже оставаться им.

В принципе и у развитого в интеллектуальном отношении, образованного человека многие концепты, не относящиеся к сфере его профессиональной деятельности, могут оставаться протоконцептами — содержать лишь чувственный образ предмета, например, у авторов данной книги на уровне протоконцепта существуют знание таких предметов как *морской котик, колибри, автомобиль, Килиманджаро, логарифм* и др. Но основные концепты национальной концептосферы должны быть усвоены личностью в полном объеме.

В интереснейших экспериментальных исследованиях И.А.Бубновой, посвященных зависимости содержания субъективного значения слова от интеллекта испытуемых, отчетливо выявилась следующая закономерность: в группе с низкими показателями интеллекта в субъективном значении доминирует образный компонент (Бубнова 2008). Это является ярким показателем того, что в сознании людей, обладающих низким интеллектом, доминирует образное мышление.

Таким образом, экспериментальные исследования психологической структуры значений слов могут служить диагностическим целям: их можно использовать для определения доминирующего типа интеллекта личности.

Можно разработать принципы описания языковой личности и коммуникативного поведения определенных групп носителей языка, которые позволят судить о доминирующем типе мышления представителей этих групп — ведь тип мышления, тип интеллекта наглядно проявляется в речевом поведении людей, в темах их общения, приемах построения диалога, особенностях речевой реакции на собеседника и мн. др. На основании этого могут быть разработаны принципы эффективного обучения, воспитания, речевого воздействия с учетом типа мышления той или иной конкретной возрастной, профессиональной, гендерной группы людей.

Таким образом, проблема *слово и образ* — важная проблема современных гуманитарных наук, требующая всестороннего изучения.

Использованная литература

- Адолина Л.В. Концепт «женщина» в русском языковом и когнитивном сознании. Севастополь, 2007.
- Адолина Л.В. Концепт «женщина» в русском языковом сознании. Автореф. дис...канд. филол. наук. Воронеж, 2007.
- Ананьев Б.Г. Психология чувственного познания. М., 2001.
- Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. М., 1974.
- Арбатский Д.И. О достаточности семантических определений // ВЯ, 1975. - № 6. - С. 55-71.
- Арнхейм Р. Образ и мысль. // Зрительные образы: феноменология и эксперимент. - Душанбе, 1972. Ч.1. - С. 31-50.
- Арнхейм Р. Искусство и визуальное восприятие. М., 2007.
- Артеменко Е.Б. Фольклорная категоризация действительности и мифологическое мышление // Традиционная культура. Научный альманах. М, 2004. - С. 3-12
- Артемьева Е.Ю. Основы психологии субъективной семантики. М., 1999.
- Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1988.
- Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. М., 1997. - С.267-279.
- Ахутина Т.В.. Нейролингвистический анализ динамической афазии. М., 1977.
- Ахутина Т. В. Порождение речи. М., 1989.
- Бабайцева В.В. О выражении в языке взаимодействия между чувственной и абстрактной ступенями познания действительности // Язык и мышление. М., 1967. - С. 55-65.
- Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж: Изд-во Воронежского госуниверситета, 1996.
- Бабушкин А.П. Картина мира в концептосфере языка // Язык и национальное сознание. Воронеж, 1999. - Вып. 2. - С.12-14.
- Базылев В.Н. О референции к непредметным сущностям // Актуальные проблемы теории референции. М., 1997. - Вып. 435. - С. 91-118.
- Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Постулаты когнитивной лингвистики // Изв. РАН - СЛЯ, 1997, № 1. - С.11-21.
- Бахтин М.М. Марксизм и философия языка. Основные проблемы социологического метода в науке о языке // Общая психолингвистика. Хрестоматия. М., 2004. - С.66-108.
- Бибчук Е.И. Образный компонент в лексической структуре русского существительного. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1991.
- Бехтерева Н.П. Зашифровано природой, разгадано человеком // «Наука и жизнь», 1976, № 9.
- Бехтерева Н.П. и др. О нейрофизиологическом кодировании психических явлений человека // Память в механизмах нормальных и патологических реакций. Л., 1976.
- Бехтерева Н.П. Новое в изучении мозга человека // «Коммунист», 1975, № 13.
- Бехтерева Н.П. Резервы мозга // «Правда», 5.11.82
- Блинова О.И. Образность как категория лексикологии и фразеологии // Экспрессивность лексики и фразеологии: Межвузовский сборник научных трудов. Новосибирск, 1983. - С.3-11.
- Блинова О.И. Явление мотивации слов: Лексикологический аспект. Томск, 1984.
- Болдырев Н.Н. Категоризация событий и специфика национального сознания // Язык и национальное сознание. Воронеж, 1998. - С. 29-30.
- Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Тамбов, 2001.
- Болдырев Н.Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1 - С. 18-36.

- Болдырев Н.Н. Прототипы в языковой репрезентации знаний // Проблемы представления (репрезентации) в языке. Типы и форматы знаний. М., 2007. – С. 29-36.
- Бондарко А.В. К интерпретации понятия «смысл» // Словарь. Грамматика. Текст. М., 1996. – С. 316-321.
- Брудный А.А. Семантика языка и психология человека. Фрунзе, 1972.
- Бубнова И.А. Структура субъективного значения слова (психолингвистический аспект). – Автореф. дисс.... докт. филол. наук. Москва, 2008.
- Бубрих Д.В. К проблеме изобразительной речи / Уч.зап/ Карело-финского госуниверситета. Исторические и филологические науки. - Вып.1. –Петрозаводск? 1948.
- Василуок Ф.Е. Структура образа // Вопросы психологии. 1993. - №5. – С. 5-19.
- Введение в когнитивную лингвистику / Под ред. М.В.Пименовой. - Вып. 4. - Кемерово, 2004.
- Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996.
- Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческий словарь: зрительная семантизация русских слов // РЯ за Р.- 1975. - № 4. – С. 79-85.
- Ветров А.А. Семиотика и ее основные проблемы. М., 1968.
- Виноградова В.С. К вопросу о лексико-семантическом уровне и его единицах. // Семантико-системные отношения в лексике германских и романских языков.- Волгоград, 1981.
- Волохина Г.А., Попова З.Д. Синтаксические концепты русского простого предложения. Воронеж, 1999.
- Воркачев С. Счастье как лингвокультурный концепт. М, 2004.
- Выготский Л.С. Развитие высших психических функций. М., 1956.
- Выготский Л.С. Вопросы детской психологии. СПб., 1997.
- Выготский Л.С. Мышление и речь. М., 1999.
- Гак В.Г. От толкового словаря к энциклопедии языка // Изв. АН СССР. - Сер. Лит. и яз. - 1971. - Т.30. - Вып. 6.
- Гальперин П.Я. О формировании чувственных образов и понятий. // Материалы совещаний по психологии. - М, 1957. – С. 417-424.
- Глезер В.Д. Механизмы опознания зрительных образов.- М.-Л., 1966.
- Глезер В.Д.. Зрение и мышление. М., Наука, 1985.
- Гносеологические проблемы формализации. Минск, 1969 .
- Горелов И. Н. Проблема функционального базиса речи в онтогенезе. Челябинск, 1974.
- Горелов И.Н. Невербальные компоненты коммуникации. М., 1980.
- Горелов И.Н.. Проблема связи «знак – представление» в психологическом эксперименте // Психологические проблемы семантики. М., 1983. – С.131- 140.
- Горелов И.Н. Вопросы теории речевой деятельности. Таллин, 1987.
- Горелов И., Енгальчев В. Безмолвной мысли знак. М., 1991.
- Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики. М., 1998.
- Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики. - Изд. 4, перераб. и доп. - М., 2004.
- Горелов И.Н. Избранные труды по психолингвистике. М., 2003.
- Горелов И.Н. О вербальных и невербальных составляющих речевого поведения // Вопросы психолингвистики. - 2003 - № 1. – С.13-18.
- Горелов И.Н. Соотношение невербального и вербального в коммуникативной деятельности // Избранные труды по психолингвистике. М., 2004. – С.146-182.
- Горелов И.Н.. Авербальные следы в тексте // Избранные труды по психолингвистике. - М, 2004. – С.123-146.
- Гридин В.Н. К вопросу о составе и границах эмоциональной лексики // Психологические проблемы обучения языку. - М., 1976. – С.15-25.

- Грищук Е.И. Абстрактные концепты в восприятии школьника // Язык и национальное сознание. - Вып. 2. - Воронеж, 1999. – С. 80-82.
- Грищук Е.И. Абстрактная лексика в языковом сознании (экспериментальное исследование языкового сознания старшеклассников). Автореф. дисс...канд. филол. наук. Воронеж, 2002.
- Грищук Е.И. Коммуникативно-психологическая лексика в языковом сознании старшеклассников / Язык и национальное сознание. - Вып.7. - Воронеж, 2005. – С. 58-67.
- Губанов Н.И. Чувственное отражение: (Анализ проблемы в свете современной науки). М., 1986.
- Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
- Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // ВЯ – 1994 - № 4. – С. 17-33.
- Демьянков В.З. Концепт в философии языка и в когнитивной лингвистике // Сб. Концептуальный анализ. - М., 2007.
- Дени М. Образ и когнитивная деятельность // Когнитивные исследования в языковедении и зарубежной психологии. Хрестоматия. - Барнаул, 2001. – С.150-163.
- Дмитриева М.Л. Стереотип как средство регуляции восприятия вербального содержания. Автореф.... дис. канд. филол. наук. Барнаул, 1996.
- Дмитриева Н.А. Изображение и слово. М., 1962.
- Дубровский Д.И. Информация, сознание, мозг. М., 1980.
- Дэвидсон Д. Что означают метафоры // Теория метафоры. - М., 1990. – С.173-193.
- Жинкин Н. И. Механизмы речи. М., 1958.
- Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. М., 1982.
- Жинкин Н.И. Грамматика и смысл // «Язык и человек», М., 1970.
- Жинкин И.Н. Избранные труды. Язык. Речь. Творчество. М., 1998.
- Жинкин Н.И. О кодовых переходах во внутренней речи // Общая психолингвистика. Хрестоматия. - М.: Лабиринт, 2004. – С.47-65.
- Залевская А.А. Избранные труды. М., 2005.
- Залевская А.А. Некоторые проблемы подготовки ассоциативного эксперимента и обработки его результатов // Учёные записки Калининского гос. пед. инст. - 1971. - Т.98. - Ч.2. – С. 3-120.
- Залевская А.А. Психолингвистические проблемы семантики слова . Калинин, 1982.
- Залевская А. А. Проблемы психолингвистики. Калинин, 1983.
- Залевская А.А. Слово в лексиконе человека. Воронеж, 1990.
- Залевская А. А. Индивидуальное знание. Специфика и принципы функционирования. Тверь, 1992.
- Залевская А.А. Функциональная основа разграничения парадигматических и синтагматических связей при анализе материалов ассоциативного эксперимента // Структурно-семантические исследования русского языка. - Воронеж, 1994. – С. 5-13.
- Залевская А. А. Вопросы теории овладения вторым языком в психолингвистическом аспекте. Тверь, 1996.
- Залевская А.А. Когнитивизм, когнитивная психология, когнитивная наука и когнитивная лингвистика // Когнитивная лингвистика. Современное состояние и перспективы развития. - Ч.1. - Тамбов, 1998. – С. 6-9.
- Залевская А.А. Введение в психолингвистику. М., 1999.
- Залевская А.А. Когнитивный подход к слову и тексту // Языковое сознание: содержание и функционирование. XIII международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. - Москва, 2000. - С.91.
- Залевская А.А. Языковое сознание: вопросы теории / Вопросы психолингвистики. – 2003 - № 1. – С. 30-35.

- Залевская А.А. Концепт как достояние индивида // Слово. Текст. Избранные труды. М., 2005. – С.234-244.
- Залевская А.А. Введение в психолингвистику. Учебник. М., 2007.
- Зинченко В.П. Миры сознания и структура сознания // Вопросы психологии. 1991. №2. – С.15-36.
- Зинченко В.П. Посох Осипа Манделъштама и трубка Мамардашвили. К началам органической психологии. М., 1997.
- Зинченко В.П., Вергилес Н.Ю. Формирование зрительного образа. М., 1969.
- Зубкова Л.Г. Эволюция представлений о языковой категоризации мира // Когнитивная семантика. - Ч. 2. - Тамбов, 2000. – С. 176-180.
- Иванов Вяч. Вс. Чет и нечет. Асимметрия мозга и знаковых систем. М., 1978.
- Илларионов С.Ф. О природе образного компонента содержательной структуры слова // Формирование значения лексических и фразеологических единиц. Курск, 1979.
- Исенина Е.И. Психолингвистические закономерности речевого онтогенеза (дословный период). Иваново, 1983.
- Исенина Е.И. Дословесный период развития речи у детей. Саратов, 1986.
- Исхаков А.И. О классификации частей речи в казахском языке // Вопросы изучения языков Средней Азии и Казахстана. – Ташкент, 1952.
- Карасева Е.В. Предметно-чувственный компонент значения слова как живого знания. Автореф.... канд. филол. наук. Тверь, 2007.
- Карасик В. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М., 2004.
- Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Базовые характеристики лингвокультурных концептов. // Антология концептов. - Т.1. - Волгоград, 2005. – С.13-15.
- Караулов Ю.Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. М., 1999.
- Караулов Ю.Н. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети // Языковое сознание и образ мира. - М., 2000. – С.191-206.
- Караулов Ю.Н. Семантический гештальт ассоциативного поля и образы сознания // Языковое сознание. Содержание и функционирование. - М., 2000. - С. 107-109.
- Кассирер Э. Понятийная форма в мифическом мышлении // Избранное: Индивид и космос. – М.- СПб., 2000. – С. 272-325.
- Катуков С.С. Лексико-фразеологическая объективация концепта брань в русском языке. Автореф. дисс... канд. филол. наук. Воронеж, 2006.
- Кацнельсон С.Д. Содержание слова, значение и обозначение. М.-Л., 1965.
- Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972.
- Клименко А.П. Проблема лексической системности в психолингвистическом освещении. Дис.... д-ра филол. наук. Минск, 1980.
- Кобрина Н.А. Когнитивная лингвистика: истоки становления и перспективы развития // Когнитивная семантика. - Ч. 2.- Тамбов, 2000. – С. 170-175.
- Колесов В.В. Язык и ментальность // Русистика и современность. - Т.1. Лингвокультурология и межкультурная коммуникация. СПб, 2005. – С.12-16.
- Колодкина Е.Н. Конкретность, образность и эмоциональность 215 русских существительных // Психологические проблемы семантики и понимания текста. - Калинин, 1986. – С.70-81.
- Концептуальный анализ языка: современные направления исследования. /Ред. Е.С.Кубрякова. - М., 2007.
- Кравченко А.В. Проблема языкового значения как проблема представления знаний // Когнитивные аспекты языковой категоризации. -Иркутск, 1997.
- Красавский Н.А. Лингвистические методы исследования эмоциональной концептосфер // Лингвистические парадигмы: традиции и новации. - Волгоград, 2000. – С.18-20.

- Красных В.В. Стрoение языкового сознания: фрейм-структуры // Когнитивная семантика. - Часть 1. - Тамбов, 2000. – С. 53-55.
- Красных В.В. Фрейм структуры как единицы языкового сознания // Языковое сознание содержание и функционирование. - М., 2000. – С. 128-129.
- Красных В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М., 2003.
- Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С.Кубрякова, В.З.Демьянков, Ю.Г.Панкрац, Л.Г.Лузина. - М., 1996.
- Крючкова Н.В. Лингвокультурное варьирование концептов. Саратов, 2005.
- Кубрякова Е. С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика - психология - когнитивная наука // ВЯ – 1994 - № 4. – С. 26-34.
- Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения. М., 1997.
- Кубрякова Е.С. Язык пространства и пространство языка (к постановке проблемы) //Изв. РАН - ОЛЯ -1997 - № 3. – С. 22-31.
- Кубрякова Е.С. Языковое сознание и языковая картина мира // Филология и культура. Материалы международной конференции. - Часть 1. - Тамбов, 1999. – С. 6-13.
- Кубрякова Е.С.Язык и знание. М., 2004.
- Кубрякова Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики. // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004, № 1. – С.6-17.
- Кубрякова Е.С. Концептуальный анализ языка: современные направления исследования. М., 2007.
- Кубрякова Е.С., Демьянков В.З. О ментальных репрезентациях. // Сб. Проблемы представления (репрезентации) в языке. Типы и форматы знаний. - М., 2007. – С.18-27.
- Кузлякин С.В. Проблема создания концептуальной модели в лингвистических исследованиях // Русистика и современность - Т.1. Лингвокультурология и межкультурная коммуникация. - СПб, 2005. – С. 136-141.
- Куликова И.С. Представление в содержании слова. // Языковые значения. Л., 1976.
- Кшенина Н.Н. Слово и образ в рекламном тексте: психосемантический анализ. Дис.... канд. филол. наук. М., 2006.
- Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. - М., 1988. – С.12-52.
- Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём. // Теория метафоры. - М., 1990. – С. 387-415.
- Ланг А.П. О понятии наглядности и её роли в процессе познания и обучения. Таллин, 1967.
- Лебедева Н.Б. Полиситуативность глагольной семантики (на материале русских префиксальных глаголов). Томск, 1999.
- Левицкий В.В., Стернин И.А. Экспериментальные методы в семасиологии. Воронеж, 1989.
- Лемяскина Н.А. Коммуникативное поведение младшего школьника (психолингвистическое исследование). Автореф. дисс. ...канд. филол. наук. Воронеж, 1999.
- Лемяскина Н.А. Развитие языковой личности и коммуникативного сознания младшего школьника. Воронеж, 2004.
- Лемяскина Н.А., Стернин И.А. Коммуникативное поведение младшего школьника. Воронеж, 2000.
- Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. М., 1969.
- Леонтьев А.А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. М., 1969.
- Леонтьев А.А. Общение как объект психолингвистического исследования //Методологические проблемы социальной психологии. М., 1975.

- Леонтьев А.А. Психологический аспект языкового значения. // Принципы и методы семантических исследований. М., 1976. – С.46-70.
- Леонтьев А.А. Языковое сознание и образ мира. //Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М., 1993. – С.16-21.
- Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М., 1997.
- Леонтьев А.Н. Психолингвистические вопросы сознательности учения // Изв. Акад. пед. наук РСФСР. - Вып.7. - М, 1947.
- Леонтьев А.Н. Деятельность и сознание / Вопросы философии. – 1972. - № 12. – С.130-138.
- Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. - Изд.3. - М., 1972
- Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.
- Леонтьев А.Н. Образ мира // Избранные психологические произведения. – М., 1983.
- Леонтьев А.Н. К психологии образа // Вестн. Моск. ун-та. -Сер.14. -Психология. – 1986 - № 3. – С. 71-78.
- Леонтьев А.Н. Ощущения и восприятие как образы предметного мира // Познавательные процесс: ощущения, восприятие. – М., 1989. – С. 32-50.
- Леонтьев Д.А. Значение и личностный смысл: две стороны одной медали // Психологический журнал, 1996. - Т.17.- № 5. – С.19-31.
- Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Изв. РАН - СЛЯ. 1993. - № 1. – С.3-9.
- Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка. //Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология. М., 1997. – С. 280-287.
- Лурия А.Р. Проблемы и факты нейролингвистики // Теория речевой деятельности. - М., 1968. – С.198-216.
- Лурия А.Р. Развитие речи и формирование психических процессов // Психологическая наука в СССР.- М.,1959. -Т.1. – С. 516-577.
- Лурия А.Р. Основные проблемы нейролингвистики. М.,1975
- Лурия А.Р. Язык и сознание. Ростов-на-Дону, 1998.
- Ляпин С.Х. Концептология: к становлению подхода //Концепты. Научные труды Центроконцепта. Вып.1. Архангельск, 1977. - С.11-35.
- Манаенков В.П. Как возможна теория сознания. // Материалы научной сессии ВГУ.- Воронеж, 2008.
- Мансуров Н.С. Ощущение – субъективный образ объективного мира. М, 1963.
- Миллер Дж.А. Образы и модели, уподобления и метафоры. // Теория метафоры. М., 1990. – С. 236-281.
- Михайлов В.Г. Теоретические основания соотношения акустических и перцептивных параметров звучащей речи и способы их описания. Дис.... д-ра филол. наук. М., 1993.
- Морковин В.В. Опыт идеографического описания лексики: (Анализ слов со значением времени в русском языке). М., 1977.
- Мотивационный диалектный словарь. –Т.1. -Томск, 1982,...
- Мыркин В.Я. Чувственно-иконическое значение слова //Филологические науки. - 2005. - № 5. – С.102-107.
- Мягкова Е.Ю. Эмоциональная нагрузка слова: опыт психолингвистического исследования. Воронеж, 1990.
- Мягкова Е.Ю. Эмоционально-чувственный компонент значения слова. Курск, 2000.
- Никитин М.В. Курс лингвистической семантики. СПб., 1997.
- Никитин М.В. Развернутые тезисы о концептах / Вопросы когнитивной лингвистики.2004. № 1. – С. 53-64.
- Новое в зарубежной лингвистике. - Вып 23. - Когнитивные аспекты языка. М., 1988.
- Овчинникова И.Г. Ассоциации и высказывание: структура и семантика. Учебное пособие по спецкурсу.-Пермь, 1994.

- Опарина Е.О. Концептуальная метафора. // Метафора в языке и тексте. - М., 1988. – С. 65-77.
- Панов В.Г. Чувственное, рациональное, опыт. М., 1976.
- Панфилов З.З. Взаимоотношения языка и мышления. М., 1971.
- Панфилов З.З. Язык, мышление, культура. // ВЯ.- 1975. - № 1. – С. 28-43.
- Пенфильд В., Робертс Л. Речь и мозговые механизмы. Л., 1964.
- Петренко В.Ф. Коэффициент образности, конкретности для 84 русских существительных // Общение. Текст. Высказывание. - М., 1981. – С. 5-17.
- Петренко В.Ф. Психосемантика сознания. М., 1988.
- Петренко В.Ф. Основы психосемантики. СПб., 2005.
- Пименова М.В. Типология структурных элементов концептов внутреннего мира (на примере эмоциональных концептов). // Вопросы когнитивной лингвистики. - 2004. № 1. - С. 83-90.
- Пименова М.В. Предисловие. // Введение в когнитивную лингвистику. Под ред. М.В.Пименовой. - Вып.4. - Кемерово, 2004.
- Пименова М.В. Концепт *сердце*: Образ. Понятие. Символ. - Серия «Концептуальные исследования». - Вып. 9. - Кемерово, 2007.
- Пищальникова В.А. Психолингвистика и современное языковедение // Методология современной психолингвистики: сборник статей. - М.- Барнаул, 2003. – С. 4 -22.
- Плотников Б.А. Основы семасиологии. Минск, 1984.
- Плунгян В.А., Рахилина Е.В. О сборниках статей проблемной группы «Логический анализ языка» // ВЯ.- 1991.- № 2. – С.126-139.
- Попова З.Д., Стернин И.А., Чарыкова О.Н. О разработке концепции языкового образа мира (материалы для обсуждения) // Язык и национальное сознание. - Воронеж, 1998. – С. 21-23.
- Попова З.Д., Стернин И.А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. Воронеж, 1999.
- Попова З.Д. Стернин И.А. Язык и национальная картина мира. Воронеж, 2002.
- Попова З.Д., Стернин И.А. «Слабые места» публикаций по когнитивной лингвистике (к проблеме унификации и стабилизации лингвокогнитивной терминологии) // Язык. Этнос. Картина мира. - Вып. 1. - Кемерово, 2003. – С. 16-23.
- Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Изд.3, Воронеж, 2003.
- Попова З.Д., Стернин И.А., Карасик В.И., Кретов А.А., Борискина О.О., Пименов Е.А., Пименова М.В. Введение в когнитивную лингвистику. / Под ред. М.В.Пименовой. Кемерово, 2004.
- Попова З.Д., Стернин И.А. Общее языкознание. Воронеж, 2004.
- Попова З.Д., Стернин И.А. К проблеме унификации лингвокогнитивной терминологии. // Введение в когнитивную лингвистику. Кемерово, 2004. – С.53-54
- Попова З.Д., Стернин И.А. Основные черты семантико-когнитивного подхода к языку. Антология концептов. Т.1. Волгоград, 2005. – С.7-10.
- Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка. -Изд. 2., перераб. и доп. - Воронеж, 2007.
- Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика.- М.,2007.
- Портнов А.Н. Язык и сознание: основные парадигмы исследования проблемы в философии XIX- XX вв. - Иваново, 1994.
- Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. М., 1958.
- Потебня А.А. Мысль и язык // Слово и миф. - М., 1989. – С. 60-235.
- Проблемы представления (репрезентации в языке). Типы и форматы знаний. / Ред. Е.С.Кубрякова. М., 2007.
- Рахилина Е.В. Когнитивная семантика: история, персоналии, идеи, результаты // Семиотика и информатика. - Вып.36. - М., 1998. – С. 274-323.

- Рахилина Е.В. О тенденциях в развитии когнитивной семантики // Изв. РАН – СЛЯ. 2000, № 3. – С. 3-15.
- Резников Л.О. Понятие и слово. Л., 1958.
- Резников Л.О. Гносеологические вопросы семиотики. Л., 1964.
- Розенфельд М.Я. Образ в семантической структуре конкретных и абстрактных лексем // Язык и национальное сознание. - Вып. 7. - Воронеж, 2005. – С. 47-53.
- Розенфельд М.Я. Методы выявления образа в структуре значения слов / Культура общения и её формирования. - Вып.22. - Воронеж, 2006. – С.197-203.
- Розенфельд М.Я. Национальные образы в структуре значения русского слова // Коммуникативное поведение. Коммуникативное поведение славянских народов.- Вып. 22. - Воронеж, 2006.– С. 197-203.
- Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М., 1946.
- Рудакова А.В. Когнитология и когнитивная лингвистика. Воронеж, 2004.
- Рудакова А.В. Объективация концепта «быт» в лексико-фразеологической системе русского языка. Автореф. дисс...канд. филол. наук. Воронеж, 2003.
- Рузин И.Г. Возможности и пределы концептуального объяснения языковых фактов // ВЯ.- 1996. - № 5. – С. 39-50.
- Руткевич М.Н. Диалектический материализм. М., 1973.
- Рыжков В.А. особенности стереотипизации, необходимо сопровождающей социализацию индивида в рамках определённой национально-культурной общности // Языковое сознание: стереотипы и творчество. - М., 1988. – С. 4-16.
- Серебренников Б.А. О диалектическом подходе к явлениям языка. М., 1983.
- Сигал К.Я. Проблема иконичности в языке. Обзор литературы // Вопросы языкознания. 1997. №6. – С. 100-120.
- Симонов В.П. Высшая нервная деятельность человека. М.,1975.
- Славин А.В. Наглядный образ в структуре познания. М., 1971.
- Слобин Д., Грин Дж. Психолингвистика. М.,1976.
- Слышкин Г.Г. От текста к символу. Лингвистические концепты прецедентных текстов в слушании или дискурсе. М., 2000.
- Слышкин Г.Г. Дискурс и концепт (о лингвокультурном подходе к изучению дискурса) // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. - Волгоград, 2000. - С. 38-45.
- Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты. Волгоград, 2004.
- Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты. Автореф. дисс...докт. филол. наук. Волгоград, 2005.
- Смирнов С.Д. Мир образов и образ мира. // Вестн. Моск. ун-та. - Сер. 14. Психология. - 1981.- № 2. – С.15-29.
- Солганик Г.Я. Значение слова и представление. // Семантика слова и синтаксической конструкции. Воронеж, 1987. – С. 6-15.
- Соловьёва Н.В. Проблемы психолингвистического исследования предметного значения. // Психолингвистические исследования: звук, слово, текст. - Калинин, 1986. – С. 50-59.
- Сонин А.Г. Комикс как форма вербально-авербального овнешнения сознания // Методология современной психолингвистики: сборник статей. - М.-Барнаул, 2003. – С.138-156.
- Степанов Ю.С. В трёхмерном пространстве языка. Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. М., 1985.
- Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. М., 1997.
- Стернин И.А. Проблемы анализа структуры значения слова. Воронеж, 1979.
- Стернин И.А. Психологически реальное значение слова и его изучение // Психолингвистические исследования в области лексики и фонетики. - Калинин, 1981. – С. 116-122.

- Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж, 1985.
- Стернин И.А. Когнитивная лингвистика и проблемы невербальности мышления / И.А. Стернин // Материалы школы-семинара по когнитивной лингвистике 18-20 сентября 2002 г. Тамбов, 2002. – С.6-8.
- Стернин И.А. Значение слова и его компоненты. Воронеж, 2003.
- Стернин И.А. Когнитивная интерпретация в лингвокогнитивных исследованиях. / Вопросы когнитивной лингвистики. - 2004. - № 1. – С. 65-69.
- Стернин И.А. Описание концепта в лингвоконцептологии. // Лингвоконцептология. - Вып. 1. - Воронеж, 2008. – С. 8-20.
- Стеценко А.П. К вопросу о психологической классификации значений // Вестник МГУ. - 1983. - № 1. – С. 22-30.
- Структуры представления знаний в языке. Сборник научно-аналитических обзоров. М. 1994.
- Суворина Е.В. Изучение эмоций в когнитивных исследованиях // Материалы Третьей международной школы-семинара по когнитивной лингвистике 18-20 сентября 2002 г. -Тамбов, 2002. – С. 61-62.
- Сукаленко Н.И. Образно-стереотипная языковая картина мира как отражение эмпирического обыденного сознания. Дис.... д-ра филол. наук. Харьков, 1991.
- Тавдгиридзе Л.А. Концепт русский язык в русском языковом сознании. Автореф. дисс... канд. филол. наук. Воронеж, 2005.
- Тарасов Е.Ф. Введение // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. -М., 1993. – С. 6-15.
- Тарасов Е.Ф. Языковое сознание - перспективы исследования // Языковое сознание содержание и функционирование. XII международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. М., 2000. – С. 2-3.
- Тарасов Е.Ф. Сознание: содержание и функционирование. XIII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. М., 2003. – С.3-10.
- Теория речевой деятельности. М.,1968.
- Титова О.И. Перспективы лингвистического исследования рекуррентных единиц лексикона. // Филологические науки. 2003. № 2. – С. 79-86.
- Уилрайт Ф. Метафора и реальность. // Теория метафоры. М., 1990. – С.82-110.
- Уфимцева Н.В. Слово, значение, языковое сознание. // Концептуальный анализа языка: современные направления исследования. – М., 2007. – С.109-119.
- Ушакова Т.Н. Речь: истоки и принципы развития. М., 2004.
- Фесенко Л.В. Проблемы концептуализации эмоций в контексте освоения реального мира. // Реальность, язык и сознание. -Тамбов, 2002. – С.5-15.
- Философская энциклопедия. В 4 томах. М., 1970.
- Фисенко О.С. Концепт *гроза* в русском языковом сознании. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2005.
- Фреге Г. Смысл и денотат // Семиотика и информатика. - Вып. 35. - М., 1997. – С. 358-379.
- Фрейденберг О.М. Введение в теорию античного фольклора. Лекции. // Миф и литература древности. М., 1998. – С. 7-215.
- Фрейденберг О.М. Образ и понятие // Миф и литература древности. - М., 1998. – С. 223-558.
- Фридман Ж.И. К вопросу о психологически реальном значении слова // Актуальные проблемы коммуникации и культуры. - Вып.2., 2005. – С. 335-340.
- Фридман Ж.И. Социально-психологическая лексика в языковом сознании // Язык и национальное сознание. - Вып. 7. - Воронеж, 2005. – С. 53-58.
- Фрумкина Р.М. Цвет, смысл, сходство. М., 1984.
- Фрумкина Р.М. «Теории среднего уровня» в современной лингвистике // ВЯ.- 1996. - № 2. – С. 55-67.

- Харченко В.К. Образность в семантике слова. // Русский язык в школе. 1984. №3. – С.50-54.
- Харченко В.К. Переносные значения слова. Воронеж, 1989.
- Цветков Н.В. К методологии компонентного анализа. // ВЯ. -1984 - № 2.
- Цейтлин С.Н. Язык и ребенок. Лингвистика детской речи. М., 2006.
- Чарыкова О.Н. Менталитет и «образ мира» // Язык и национальное сознание.- Вып. 1. - Воронеж, 1998. – С. 26-27.
- Шаманова М.В. Национальная специфика отражения концепта «общение» в лексико-фразеологической системе русского языка // Язык и национальное сознание. - Вып. 2. - Воронеж, 1999. – С. 52-54.
- Шарандин А.Л. Прототипические характеристики лексико-грамматических разрядов русского глагола // Когнитивная лингвистика. Современное состояние и перспективы развития. - Часть 1. - Тамбов, 1998. – С.129-131.
- Шаффа А. Введение в семантику. М., 1963.
- Шахнарович А.М. Детская речь в зеркале психолингвистики. М., 1999.
- Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе. Воронеж, 1987.
- Швачкин Н.Х. Экспериментальное изучение ранних обобщений ребёнка. // Изв. АПН РСФСР.- Вып.54. – М.,1964.– С.112-135.
- Шмелёв Д.Н. Очерки по семасиологии русского языка. М., 1964.
- Шмелёв Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973.
- Шрамм А.Н. Структурные типы лексических значений слова. // Филол. науки. – 1981. - № 2.
- Этнокультурная специфика языкового сознания. М., 1996.
- Юрина Е.А. Комплексное исследование образной лексики русского языка. Автореф..... дис. докт. филол. наук. Томск, 2005.
- Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии / Под ред. З.Д.Поповой, И.А.Стернина. Воронеж, 2002.
- Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М., 1993.
- Язык и структура представления знаний. М., 1992.
- Языковая личность: культурные концепты. Волгоград, 1996.
- Языковое сознание и образ мира. М., 2000.
- Языковое сознание: Содержание и функционирование. XII международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. М., 2000.
- Языковое сознание: теоретические и прикладные аспекты. /Под общ. ред. Н.В. Уфимцевой. М.- Барнаул, 2004.
- Языковое сознание: формирование и функционирование. М., 1998.
- Якобсон Р. Язык и мозг // Избранные работы. М., 1985.
- Katz J., Fodor J. The Structure of Semantic Theory. – Language – 1963.- Vol. 39. - N 3.
- Miller G.A., Johnson-Laird Ph.N. Language and perception.- Cambridge (Mass.), 1976.
- Paivio A. Imagery and verbal process. - N.Y.,1971.
- Paivio A. Imagery, language and semantic memory // International journal of psycholinguistics. -1978. -N5.-P.31-47
- Paivio A. The empirical case for dual coding // Imagery, memory and cognition: Essays in honor of Allan Paivio.-Hillsdale, 1983.
- Paivio A. Mental representations. A dual coding approach. - Oxford, 1986.
- Rosh E. Cognitive Representation of Semantic categories // Journal of Experimental Psychology. - 104.- 1975. - P.192-233.
- Rosh E.H. Principles of Categorization // Rosh E.H., Lloyd B.B. Cognition and Categorization. Hillsdale, 1978. – P.27-48.

Содержание

Введение	с.3
 Глава 1. Теоретические проблемы исследования образа в структуре значения слова	 с.7
1.1. Чувственный образ с позиций интегрального подхода к значению слова	с.7
1.2. Чувственный образ и понятие в становлении речемыслительной деятельности ребёнка	с.18
1.3. Генезис понятий из представлений в архаическом мышлении	с.20
1.4. Перцептивные основания категоризации действительности; перцептивная категоризация в языке	с.25
1.5. Чувственный образ как внутренняя форма слова	с.31
1.6. Образные ассоциации слова в свете теории метафоры	с.33
 Глава 2. Образ в структуре значения существительных и глаголов	 с.41
2.1. Методика выявления и описания образа в структуре значения слова	с.41
2.2. Лексикографическая объективация чувственного образа	с.50
2.3. Обсуждение результатов перцептивного эксперимента	с.60
2.3.1. Образ в структуре значения конкретных существительных	с.60
2.3.2. Образ в структуре значения абстрактных существительных	с.84
2.3.3. Образ в структуре значения конкретных глаголов	с.107
2.3.4. Образ в структуре значения абстрактных глаголов	с.125
 Глава 3. Образ в структуре концепта	 с.145
3.1. Концепт и значение	с.145
3.2. Структура концепта	с.157
3.3. Ментальный лексикон и виды концептов	с.167
3.4. Образ в когнитивных исследованиях	с.168
3.4.1. Концепт и проблема невербальности мышления	с.169
3.4.2. Единство и взаимодействие образного и рефлексивного сознания	с.182
3.4.3. Виды образов в структуре концепта	с.186
3.4.4. Проблема индивидуальности/обобщенности образа	с.202

3.4.5. Актуализация концептуального образа в употреблении слова	с.203
3.4.6. Образы и концептуализация действительности в филогенезе	с.206
3.4.7. Формирование образа как компонента концепта в онтогенезе	с.211
Заключение	с.219
Использованная литература	с.231
Содержание	с.241